

Изма (1923- У.С.С.Р. / Сentralное статистическое
управление
Р. С. Ф. С. Р.

Вестник
Вестник Статистики

Орган Центрального
Статистического ≡
≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡
Управления

Январь 1919 года.

№ 1.

Оглавление.

	Стр.
От редакции	III—IV

I. Часть официальная.

1. Положение о государственной статистике	1
2. Положение об организации местных статистических учреждений	5
3. Положение о Совете по делам статистики	10
4. Положение о производстве всероссийской, промышленной и профессиональной переписях	12
5. Перечень вопросов программы всероссийской промышленной переписи	16
6. Постановления Съезда статистиков 8—16 июня 1918 г	23
7. План работы о местных (кустарных) промыслах сельского населения, представленный отделом с.-х. экономии и статистики при комиссариате земледелия и утвержденный Ц. С. У.	29

II. Часть неофициальная.

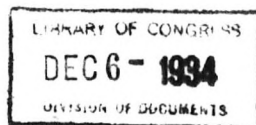
1. О задачах государственной статистики—П. Попов	31
2. О Статистическом Институте—Р. Орженцкий	40
3. О высшей статистической школе—А. Кауфман	48
4. Об отделе научной методологии—Р. Орженцкий	78
5. О городской статистике—В. Степанов	82
6. О текущей промышленной статистике—Ф. Дусовиков	90
7. О Статистическом Музее—В. Степанов	97
8. Об организации транспортной статистики—И. Поплавский	104
9. Работы и задачи Отдела сельско-хоз. переписи—А. Хрящева	111
10. Программа работ Отдела статистики, внутренней и внешней торговли и пролуктообмена—Б. Авилон	115
11. О задачах Отдела изданий Ц. С. У.—Т. Семснот	120
12. Первые всероссийские промышленная и профессиональная переписи—И. Ефремов	133

200.1

	Стр.
13. Ход работ по всероссийской промышленной переписи 1918 г.— А. Бриллинг	140
14. К вопросу об организации Отдела динамики земледельческого хозяйства при Центральном Статистическом Управлении— А. Хрящева	146

III. Хроника.

1. Комиссия по классификации промышленности и профессий	157
2. Отчет о всероссийском статистическом съезде, состоявшемся 8—16 июня 1918 г.	166
3. Совещание 21—22 августа 1918 г.	170
4. Деятельность Коллегии Центр. Стат. Упр.	172
5. Постановления Совещания при Ц. С. У. по вопросу об органи- зации Статистического Института 1—3 декабря 1918 г.	176
6. Статистические Курсы при Центр. Стат. Упр.	
7. Отчет о работах 1-ой Статист. Конференции	

От редакции.

Высший орган Государственной Статистики—Центральное Статистическое Управление,—созданный для организации различных отраслей статистики и выработки общего организационного плана, согласующего и объединяющего статистические работы в стране, должен иметь, кроме тех статистических изданий, кои явятся в результате работ различных отделов,—особый орган, посвященный разработке теоретических и организационных вопросов.

Орган этот должен ставить целью: 1) систематическое освещение деятельности, как Центрального Государственного руководящего статистического учреждения—Управления, так и деятельности органически связанных с ним и руководимых им местных органов статистического аппарата, а также и деятельности статистических учреждений ведомственных и общественных организаций.

2) Разработку вопросов в области методологии статистики.

3) Разработку вопросов в области организации статистических работ.

4) Разработку вопросов в области организации учебно-учебных статистических учреждений, распространения статистических знаний в стране и организации статистических сил.

Как бы ни казалась специальной та или другая область статистики, но она в общем плане статистического познания тесно связана с другими отраслями и методами наблюдения, и целями, и объектами наблюдения; вот почему на страницах журнала должна найти отражение деятельность всех отделов специальной статистики, как в центре, так и в перифериях.

В целях наибольших достижений в области объединения и согласования статистических работ в стране журнал должен систематически давать место не только руководящим указаниям, узаконениям и распоряжениям, относящимся к статистике, но и инструкциям, циркулярам по всем вопросам организационно-технического характера.

Исходя из указанных выше задач программа «Вестника Статистики», утвержденная в заседании Коллегии Центрального Статистического Управления 10 декабря, имеет следующие отделы:

Официальная часть. 1. Законы и правительственные распоряжения, касающиеся организаций и деятельности статистических учреждений.

2. Положения и программы деятельности как Центрального Управления, так и местных и ведомственных учреждений и организаций, призванных вести статистические дела в России.

3. Распоряжения и циркуляры Центрального Статистического Управления.

4. Финансовые сметы, штаты и личный состав статистических учреждений.

5. Программы, формы и инструкции статистических работ, как текущего характера, так и единовременных или периодических.

6. Официальные отчеты о деятельности местных статистических учреждений и отделов Центрального Статистического Управления.

7. Постановления Совета по делам Государственной Статистики, Статистической конференции, Съездов Статистиков и других совещаний официального характера.

II. Неофициальная часть. 1. Статьи общего руководящего характера по вопросам статистической методологии, организации статистического наблюдения и способов обработки материалов, организации распространения статистических знаний и организации статистических сил.

2. Статьи литературно-статистического характера, дающие анализ итогов отдельных исследований или сводные обзоры имеющихся литературно-статистических материалов.

3. Обзор положения статистического дела в России. Организация и деятельность статистических учреждений. Корреспонденция, заметки и проч.

4. Работы съездов, совещаний, конференций, комиссий и т. п.

5. Иностранная жизнь. Обзор статистических учреждений, их организаций, программы работ и текущей деятельности.

6. Статистическая библиография.

Орган Центрального Статистического Управления призван способствовать той ясности и определенности, которые должны существовать между организационными частями единого целого, ясности, которая должна вскрыть логическую связь и тесную зависимость людей и процессов друг от друга.

Статистика в величайшую эпоху, нам переживаемую, является орудием Управления и организации Государства. Нет учреждения, — как бы оно ни было мало, которое в момент своего возникновения не ставило бы статистических задач в своей деятельности, не прибегало бы к статистическому методу измерения и учета.

И это вполне естественно: мы вступаем в ту стадию исторического развития, когда ставится величайшая задача времени, — обобществление производства и обобществление регулирования потребления, когда, по словам Н. Бухарина, «Рабочий класс организует производство, рабочий класс организует распределение, рабочий класс организует потребление».

Но организация производства и распределения, организация потребления возможны лишь при условии создания своего организационного плана, плана, основанного на статистической базе «счета и меры» всех явлений в области материального и духовного производства благ и их распределения.

В эпоху ломки старого и на обломках его возникновения новых форм, под шум и грохот рушащегося старого мира необходимо, чтобы печатный орган Государственного Статистического аппарата ясно и отчетливо мог улавливать проявления творческой новой жизни, вооружать новую жизнь новым орудием организации путем статистической разработки методов статистического осмысления и упорядочения посредством «счета и меры» темпа и характера зарождающихся новых социально-экономических отношений.

Наш орган должен, концентрируя статистическую мысль, способствовать наивысшему напряжению познавательных сил в момент, когда, выражаясь словами Шиллера: «Genius der Welt, der Schaffend in der Finsterniss gespannt, die Decke hinwegzieht, um eine Teil seines Werk zu zeigen».

Положение о Государственной Статистике.

§ 1. Ведение статистики в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике возлагается:

а) на Центральное Статистическое Управление и органы, им образуемые,

б) на статистические организации отдельных ведомств,

в) на статистические организации, губернские и городские,

г) на губернские, районные, уездные, волостные и сельские административные и административно-хозяйственные органы.

Центральные органы.

§ 2. Центральное Статистическое Управление в отношении своей внутренней организации и порядка сношений со всеми учреждениями руководствуется соответствующими правилами, установленными для Народных Комиссариатов.

§ 3. Во главе Центрального Статистического Управления стоит Управляющий, избираемый Советом Народных Комиссаров и пользующийся правом совещательного голоса в Совете Народных Комиссаров.

§ 4. При Центральном Статистическом Управлении образуется Коллегия, состав которой утверждается Советом Народных Комиссаров.

§ 5. Статистические учреждения отдельных Народных Комиссариатов определяются особыми положениями.

Примечание 1. Центральный Статистический Комитет Народного Комиссариата по Внутренним Делам, как орган государственной статистики, прекращает свое действие, оставаясь ведомственным органом указанного Комиссариата.

Примечание 2. Все имеющиеся в Центральном Статистическом Комитете инструменты и приборы, дела, книги и материалы, относящиеся к государственной статистике, передаются Центральному Статистическому Управлению.

§ 6. На Центральное Статистическое Управление возлагается:

I. Общее попечение о развитии правильной постановки статистики в государстве и расширении статистических знаний.

II. Утверждение планов и программ всякого рода статистических исследований и переписей, производимых ведомственными установлениями, а также утверждение ежегодно составляемых ведомствами планов статистических работ, организационных планов и инструкций.

III. Ведение демографической статистики.

IV. Ведение статистики народного здоровья и санитарии.

V. Ведение моральной статистики.

§ 7. Заключение Совета прилагается к делам, имеющим отношение к статистике, вносимым ведомствами и Установлениями на рассмотрение и обсуждение высшей государственной власти и законодательных учреждений.

§ 8. Сроки очередных сессий заседаний Совета определяются Советом с таким расчетом, дабы ведомства, при составлении ими статистич. работы, уже имели бы заключение Совета о плане и программе этих работ. Чрезвычайные собрания Совета назначаются Президиумом Совета. Решение вопросов постановляется большинством голосов. Кворум—1/3 числа членов с решающим голосом.

§ 9. По истечении каждого года Советом по Делах Статистика и Центральным Статистическим Управлением составляется отчет о деятельности учреждения и о положении статистики в государстве.

Управляющий Центральным Статистическим Управлением П. Попов. Опубликовано в № 209 (473) «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» от 26 сентября 1918 г.

Положение о производстве всероссийских промышленной и профессиональной переписей 1918 года.

Ст. 1. Всероссийские Промышленная и Профессиональная Переписи 1918 года, производятся Центральным Статистическим Управлением на основании утвержденного Советом Народных Комиссаров, 25-го июля 1918 года «Положения о Государственной Статистике», опубликованного в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», от 30-го июля, с г. за № 160 § 6 (п. XIII «Положения»).

Обследуемая территория.

Ст. 2. Всероссийская Промышленная Перепись 1918 года, а также связанная с ней Профессиональная Перепись занятых в описываемых предприятиях рабочих, производится на всем пространстве Российской Республики.

Примечание. Во временно занятых на театрах гражданской войны местностях надлежит приступить к производству переписей тотчас же, как только явится возможность установить связь с Центральным Статистическим Управлением.

Задача переписей.

Ст. 3. Задачей переписей являются:

1) Освещение современного положения промышленности в стране с экономической и технической сторон в связи с той важной ролью, каковая будет принадлежать промышленности в нашем новом народно-хозяйственном устройстве.

2) Изучение динамики нашей промышленности за последнее пятилетие (период с 1913 года по июнь 1918 года включительно) в целях выяснения тех изменений, которые произошли в ней в связи с войной, и по другим причинам.

3) Выявление характера нашей промышленности в условиях мирного, довоенного времени.

Объем переписей.

Ст. 4. Всероссийские Промышленная и Профессиональная переписи охватывают все предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности (кроме сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства), имеющие механический двигатель, и не менее 16 рабочих или не менее 30 рабочих при отсутствии механического двигателя.

Примечание. Установленные этой статьей границы для некоторых отраслей промышленности могут быть понижены с любой всякий раз санкции Центрального Статистического Управления.

Программы переписей.

Ст. 5. Для обеспечения срочности выполнения переписей и получения однородного материала обе переписи производятся по обязательным для всех местностей программам, выработанным Всероссийским Съездом Статистиков, 8—16-го июня 1918 года, одобренным Высшим Советом Народного Хозяйства, утвержденным Центральным Статистическим Управлением и не могущим быть изменяемыми местными учреждениями.

Примечание. 1. Программа Промышленной переписи включает в себе следующие основные разделы:

- 1) Общие вопросы (сведения о предприятии, владельце и пр.).
- 2) Организация и управление предприятия, администрация и технический персонал.
- 3) Земля и пути сообщения.
- 4) Техническое оборудование.
- 5) Годовое потребление топлива, сырья и полуфабрикатов за период с 1913 по июнь 1918 года включительно.
- За те же годы:
- 6) Выработка изделий.
- 7) Финансовое состояние.
- 8) Организация труда (учет рабочих по полу и возрасту, заработная плата).

Примечание 2. Профессиональная перепись рабочих производится по личным картам, содержащим основные вопросы, касающиеся:

- 1) Профессии.
- 2) Заработной платы.
- 3) Связи с деревней (землей).

Ст. 6. Программы и формы бланков обеих переписей отнюдь не могут видоизменяться местными учреждениями по их усмотрению.

Срок производства переписей.

Ст. 7. Производство Промышленной и Профессиональной переписей должно начаться 1-го октября. Срок окончания переписей назначается в один месяц, причем увеличение этого срока для отдельных местностей России может быть допущено не иначе как по особому, каждый раз постановлению Центрального Статистического Управления, и не более, как до полутора месяцев.

Ст. 8. Профессиональная перепись производится одновременно и параллельно с Промышленной переписью.

Ст. 9. Те сведения, которые, согласно заголовкам бланков, должны быть показаны к точно определенному сроку (поименованному в бланках днем переписей), приурочиваются к 31-му августа 1918 г.

Общее руководство.

Ст. 10. Общая организация и руководство Всероссийскими Промышленной и Профессиональной переписями принадлежит Центральному Статистическому Управлению.

Руководство на местах.

Ст. 11. Заведывание и непосредственное руководство переписями на местах возлагается на губернские статистические учреждения, образованные бывшими Земскими Самоуправлениями, Переселенческими Управлениями, Продовольственными Комитетами и другими организациями, перешедшими в Губернские Советы Народного Хозяйства и Комиссариаты Земледелия, Продовольствия и др., на которые было возложено непосредственное заведывание сельскохозяйственной помещичьей и городской переписями 1916 и 1917 годов, и разработка собранных этими переписями материалов, и ныне, на основании «Положения об организации местных статистических учреждений», утвержденного Советом Народных Комиссаров, 3-го сентября 1918 года, и опубликованного в № 200, «Известий В. Ц. И. К. С.», от 15-го сентября 1918 года, преобразуемая в Губернские Статистические Бюро, как губернские статистические центры, в качестве Отделов Губернских Советов Депутатов, а там, где вышеуказанные статистические учреждения по каким-либо причинам не функционируют, на те учреждения, которым заведывание и непосредственное руководство переписями будет поручено Центральным Статистическим Управлением; все упомянутые учреждения будут выполнять роль губернских переписных органов.

Участие Губернских Советов Р., К. и Кр. Депутатов в производстве переписей.

Ст. 12. На Губернские Советы Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов возлагается:

1) Привлечение подведомственных им Советских органов и учреждений к оказанию полного содействия на местах агентам переписных органов; руководителям, инструкторам, регистраторам, счетчикам, в деле производства переписей.

2) Выдача соответствующих удостоверений лицам, привлеченным к работам по производству переписей, когда в том будет встречаться надобность.

3) Полное оказание содействия местным руководящим переписным органам в деле широкого оповещения населения о времени производства переписей, их задачах и чрезвычайной важности успешного выполнения их в срок, а также о той громадной ценности, какую будут иметь собираемые сведения для правильной организации народно-хозяйственной жизни и дальнейшего развития нашей промышленности.

4) Непосредственное и через местные Советские органы и учреждения оказание содействия лицам, привлеченным к работам по переписям, при выполнении ими возложенных на них обязанностей, и в получении ими от заводууправлений, заводоладельцев, и, вообще, промышленных предприятий всех требуемых программами переписей сведений в срок.

5) Организации перевозочных средств в пункты, не лежащие на линиях железных дорог, и полное содействие при проездах по железным дорогам всем лицам, привлеченным к работам по обеим переписям.

Обязанности местных руководящих переписных органов.

Ст. 13. На руководящие переписные органы возлагается:

1) Производство подготовительных к переписям работ, как-то: а) составление списков предприятий и нанесение последних на карту; б) установление наиболее целесообразных маршрутов; в) разделение губернии на переписные районы и участки; г) привлечение личного состава: инструкторов и регистраторов; д) составление смет на производство переписей в губернии для представления их на рассмотрение и утверждение Центральному Статистическому Управлению.

2) Инструктирование регистраторов и инструкторов мелких переписных отрядов, а равно дача их разъяснений по различным вопросам, связанным с производством переписей и их программами.

3) Рациональное распределение личного состава в целях достижения наибольшей продуктивности в работе.

4) Организация работ как при самом обследовании, так и при разработке собранных материалов в том объеме, который будет установлен планом разработки.

Ст. 14. Для работ на местах руководящими переписными органами используются технические силы местных учреждений, организаций, ведающих вопросы промышленности и труда, профессиональные союзы (согласно постановления Президиума В. С. Н. Х., от 17-го июля 1918 года), а также технические силы других организаций, могущих оказать содействие, и быть полезными в работах по обеим переписям.

Ст. 15. Руководящие местные переписные органы своевременно извещают соответствующие местные учреждения и организации, а также заводууправления, заводоладельцев, и, вообще, промышленные предприятия о времени производства переписей.

Ст. 16. Местные руководящие переписные органы (ст. 11), в деле производства переписей работают совместно с губернскими, уездными и волостными Советскими учреждениями, входя с ними в соглашение по вопросу о всестороннем содействии выполнению переписей в срок.

Ст. 17. Ответственность за своевременное выполнение работ по переписям лежит на местных Советских учреждениях (ст. 12), и органах, руководящих переписями (ст. 11), в объеме возложенных на них этим «Положением» обязанностей.

Обязанности владельцев предприятий.

Ст. 18. Все владельцы и администраторы промышленных предприятий, а также учреждения и лица, стоящие во главе заводуупра-

влений, по требованию местных переписных органов и командированных ими лиц, обязаны сообщать все требуемые программами переписей сведения и справки, предоставлять в распоряжение командированных лиц, бухгалтерские книги, инвентарные списки и прочие материалы, которые могут потребоваться в связи с работами. На заводууправления и администрации предприятий возлагается также обязанность производства всех выборок из книг по указанию командированных лиц.

Средства на производство переписей.

Ст. 19. Средства на производство переписей отпускаются Центральным Статистическим Управлением из имеющихся в его распоряжении на сей предмет кредитов учреждениям, руководящим производством переписей, по представлению таковых Центральным Статистическим Управлением.

Отчеты по производству переписей.

Ст. 20. По окончании переписей местные руководящие переписные органы (ст. 11) представляют Центальному Статистическому Управлению отчет об организации и выполнении переписей и отчет в израсходовании отпущенных на производство переписей сумм по особо установленным формам.

Ст. 21. Все местные руководящие переписные органы обязаны один раз в неделю сообщать Центальному Статистическому Управлению и его уполномоченным о ходе работ и производимых ими расходах по установленной форме.

О материалах переписей.

Ст. 22. Формуляры переписей составляются в двух экземплярах, из которых один отправляется в Центральное Статистическое Управление, а другой остается в местных переписных руководящих органах, в каковых учреждениях все материалы переписи должны быть сосредоточены к 1-му ноября 1918 года и доставлены в Центральное Статистическое Управление не позже 15 ноября 1918 года.

Управляющий Центральным Статистическим Управлением П. Попов.

Перечень вопросов программы Всероссийской Промышленной переписи 1918 года.

Обследованию подлежат промышленные заведения, имеющие механический двигатель и не менее 16-ти рабочих, или без механического двигателя, но не менее 30-ти рабочих.

Вместе с обследованием промышленных заведений производится и профессиональная перепись рабочих, занятых в обследуемых предприятиях.

Общие сведения. (Бланк А).

Адрес заведения, фамилия владельца (арендатора), наименование предприятия, обозначение производств, ведущихся в предприятии, самостоятельно ли предприятие, или является частью другого, год основания предприятия, сведения об эвакуации, работе на оборону и проч.

Организация и управление предприятием (Бланк Б).

Сведения о национализации, муниципализации, социализации и секвестра предприятий; кем, когда и по какому декрету или постановлению проведены эти мероприятия.

Сведения о рабочем контроле: время возникновения его и органы, осуществляющие контроль, в чем таковой заключается.

Фабрично-заводские комитеты: время возникновения. Производится ли ими контроль над производством (приложить действующее ныне на фабрике положение).

Другие организации, участвующие в Управлении предприятием, их конструкции, функции и время их возникновения.

Кто руководит предприятием в экономическом, техническом и административном отношениях: владелец, правление, директор, управляющий, представители рабочих, комиссар и т. д.

Перечень отделений, мастерских и цехов заведения.

Выполняемые для заведения работы на дому, в других заведениях. Главные заказчики.

Принимается ли в переработку чужое сырье.

Сезонные заведения: начало, конец сезона.

Число дней действия заведения.

Обычная суточная продолжительность работы заведения.

Администрация и технический персонал. (Бланк Б).

Учитывается наличное число служащих и выплаченное им вознаграждение за 5 лет, с 1913/4 по 1917/8 г.г. и Январь—Июль 1918 г. с подразделением на группы по роду службы: 1) Директора и управляющие, 2) технический персонал, 3) прочие служащие (включая служащих конторы), и подданству: 1) Германское, 2) Австрийское, 3) Английское, 4) Французское, 5) Бельгийское и проч.

Учитывается число лиц с специальным техническим образованием: русским, иностранным (низшим, средним, высшим).

III. Рабочие. (Бланк В).

Наличность рабочих на 1 Января 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1918 г.г. и на день переписи, причем показывается:

1) число рабочих заведения с подразделением: а) на годовых и сезонных, б) по полу и возрасту, в) рабочие, занятые непосредственно в производстве, занятые вспомогательными ремонтными и другими работами, занятые на дому, г) военнопленные и желтой расы.

2) Общая сумма выплаченной заработной платы за те же сроки.

Регистрируется натуральная заработная плата в 1913/4, 1916/7 и 1917/8 г.г.: а) число рабочих, получавших ссудный квартирный, б) число рабочих, получавших квартирные деньги и сумма расхода предприятия на этот предмет, в) число рабочих, получавших

III. Статистический Ежемесячник.

1. Статистический материал, подлежащий опубликованию в Статистическом Ежемесячнике, поступает в Отдел Изданий от соответствующих Отделов Ц. С. У. по их специальностям.

2. Детальная программа сведений текущего характера подготавливается соответствующими Отделами при участии Отдела Изданий и утверждается Коллегией Ц. С. Управления, согласно пункта 6-а постановления Коллегии 11-го октября 1918 года.

3. Решение вопроса о порядке и месте опубликования того или иного материала принадлежит Отделу Изданий.

4. В случае несогласия Отдела Изданий с предложением поместить в Ежемесячнике тот или иной статистический материал, вопрос передается на рассмотрение Управляющего Центрального Статистического Управления.

IV. Статистический Справочник за 1913—17.

1. Статистический Справочник должен включать в свою программу самую систематическую сводку статистических сведений по всем важнейшим отраслям статистики России и иностранных государств за пятилетие 1913—1917 годы, причем сведения, относимые к моменту времени, должны быть приурочены к 1 января 1913—1918 годов.

2. Работа по составлению Справочника разбивается на следующие стадии:

а) Составление проекта общей программы издания, без детализации вопросов.

Работа производится Отделом Изданий.

б) Обсуждение проекта общей программы Справочника Коллегией Ц. С. У., согласно пункта 6/а постановления Коллегии 11-го октября 1918 года.

в) Распределение отдельных глав издания между сотрудниками для исполнения. Распределение производится Управляющим Ц. С. У.

г) Составление детальных проектов программы по каждому Отделу лицами, взявшими на себя исполнение работ, и обсуждение проектов Коллегией Ц. С. У. или специальными комиссиями, если Коллегия найдет это нужным.

д) Работа по подготовке Справочника по утвержденным программам.

е) Согласование работ по отдельным частям программы и редактирование сборника для издания, производимое Отделом Изданий с участием, в необходимых случаях, представителей других Отделов Центрального Статистического Управления.

Весь подготовленный для помещения в Справочнике материал в рукописях представляется Отделом Изданий на рассмотрение Управляющего Ц. С. У.

3. Таблицы каждого Отдела Справочника должны сопровождаться подробным, систематически составленным, перечнем вопросов (оглавлением) и снабжены указателем источников, откуда почерпнуты сведения.

Т. Семенов.

Первые Всероссийские промышленная и профессиональная переписи.

Первый, наиболее трудный, этап в производстве переписей почти пройден, работа на местах близится к концу. С момента начала организационных работ прошло около полугода. Нелишним будет оглянуться несколько назад и восстановить в памяти историю возникновения и проведения в жизнь, не имевших примера в русской статистике, работ. Необходимость в цифровом материале, в статистических данных по вопросам промышленности чувствовалась давно. Даже царское правительство, столь оберегавшее интересы промышленников и запрещавшее земским статистикам касаться экономических сторон деятельности предприятий, силою обстоятельств принуждено было предпринимать специальные анкетные обследования русской фабрично-заводской промышленности, ибо официальные отчеты податной инспекции не могли удовлетворить тех сложных запросов, какие возникали уже тогда в глубинах бюрократических канцелярий. Обследование промышленности в те времена предпринимались большей частью в связи с рядом вопросов или чисто политического, или политико-экономического характера. Вопросы, связанные с новыми торговыми договорами, с изменением таможенных тарифов, с покровительственными мероприятиями и фискальными предположениями, были главными стимулами для предпринимавшихся статистических работ. Вопросы же упорядочения, организации промышленности, улучшения положения трудящихся, обложения предпринимательской прибыли, отыскания целесообразных условий работы предприятий в целях достижения наибольшей производительности при наименьшей затрате сил, а также справедливого распределения благ между трудящимися, — все эти вопросы не интересовали тогдашних правителей.

Вот почему прежние анкетные обследования не могут быть приняты в расчет: вот почему переписи 1918 года названы нами первыми. Их программы составлены таким образом, что в первый раз дают возможность подойти к освещению и разрешению вопросов величайшей экономической важности. Впервые в не только русской, но и мировой статистике цифры будут почти с математической точностью совпадать с действительными соотношениями явлений, так как все данные заполняются на основании бухгалтерских книг предприятия. Конечно, ценность такого цифрового материала будет чрезвычайно велика, ибо ни

одна из переписей во всем мире, ни знаменитые германские, ни бельгийские, ни цензы американские и английские, такого материала получить не могли. «Коммерческая тайна», там признавалась и даже узаконялась законами о производстве переписей. Так, напр., в Англии при переписи 1908 года парламентским актом воспрещено было нарушение деловой тайны, воспрещалась постановка вопросов о размерах прибыли, о вложенном капитале, издержках производства, стоимости продуктов, распределении чистой прибыли и пр. Нетрудно видеть, что все вопросы, составляющие коммерческую тайну, суть именно те важнейшие вопросы, которые и должны, главным образом, фигурировать в бланках переписи. Только полное освещение всех экономических факторов деятельности предприятий даст возможность правильной организации производства труда и распределения.

Органам, ведающим организацией и регулированием промышленности в Советской России, пришлось с первых шагов своей деятельности встретиться с полным отсутствием нужных для их деятельности статистических цифр.

Главным органом воссоздания русской промышленности на новых началах являлся В. С. Н. Х., разные отделы коего были более всего заинтересованы в отыскании статистических данных для руководства в своей деятельности, а, за неимением таковых, одни за другим приступили к самостоятельному добыванию нужных сведений путем рассылки анкет, составляли даже проект монографического описания определенных отраслей производств. Но все эти работы, удовлетворяя интересам отдельных секций и отделов, лишены были единства и однообразия получаемого материала, вследствие чего собираемый материал, удовлетворяя частичным запросам, не давал возможности сводки его для широкого обобщения и определенных выводов. Кроме того, бессистемность рассылки анкет вела к чрезвычайному обременению предприятий таковыми, перекрещиванию и параллелизации работ по обследованию. В виду всего этого, Отдел Переписи и Статистики при В. С. Н. Х. пришел к убеждению о необходимости произвести обследование всей промышленности Советской России по строго научному методу и вполне однообразным программам. Вопросы, подлежащие включению в программы обследования, диктовались, с одной стороны, требованиями научного, объективного освещения экономических факторов, с другой стороны — пожеланиями и нуждами различных отделов В. С. Н. Х., а также разного рода организаций, ведающих вопросами промышленности и труда. Мысль эта встретила поддержку и целого ряда заинтересованных органов, и с этого момента (апрель 1918 г.) вопрос о необходимости переписи можно было считать решенным.

Вопросы программы, вообще, были приведены в большую систему и стройность. 15 июня Комиссия закончила свои занятия принятием весьма важного решения об объеме переписи. По подробной программе постановлено обследовать заведения, имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих, и без механического двигателя, но не менее 30 рабочих. На вечернем заседании 16 июня, по докладу Председателя Комиссии по рассмотрению программы промышленной переписи, В. Г. Михайловского, Съезд принял и утвердил все изменения и дополнения, сделанные Комиссией, а также основное положение об объеме переписи

По вопросу о профессиональной переписи Съезд после долгих прений постановил таковую отклонить, но присоединился к предложению В. Г. Михайловского о допустимости таковой, как дополнительной к промышленной переписи, при условии финансирования со стороны заинтересованных органов. Срок переписи назначен в один месяц и предполагено произвести таковую в августе. На этом и закончились работы Съезда по рассмотрению и изменению программы переписи. Отдел Переписи немедленно приступил к подготовительным и организационным работам, при чем в первую очередь было приступлено в центре к составлению списка предприятий и к установлению таких же работ на местах.

17-го июля Президиум В. С. Н. Х. постановил утвердить программу производства промышленной переписи с распространением ее на предприятия с 16 рабочими при наличии двигателя и 30 рабочими без двигателя. Этим постановлением перепись сужалась, вся мелкая промышленность отсекалась и обследованию подлежала только крупная и средняя промышленность. Кроме того, Президиум В. С. Н. Х. признал необходимость производства одновременно профессиональной переписи рабочих, как в центре, так и на местах.

Выполнение заданий Съезда по дальнейшей разработке программ промышленной и профессиональной переписей, а также обложение вопросов программ в форму бланков и составление необходимых перечников машин, сырья и изделий, Отделом Статистики было поручено специальной редакционной комиссии (под председательством В. Г. Михайловского). Комиссия работала напряженно на протяжении почти 2-х месяцев, внимательно рассматривая каждый вопрос программы с точки зрения его научной и практической целесообразности, вырабатывая окончательную редакцию не только вопросов, но и самой формы бланков.

Исполнительная Комиссия Статистических Съездов в заседании своем 29 июля—2 августа сделала ряд постановлений принципиального характера, признав необходимым:

- 1) обследование промышленных предприятий и профессиональную перепись рабочих на местах производить под руководством одних и тех же губернских статистических органов.
 - 2) В случае необходимости, — учреждение института районных уполномоченных для содействия производству переписи.
 - 3) Бланки переписи заготовить на местах и доставить на места.
 - 4) Организовать специальные курсы для подготовки инструкторов.
 - 5) Собираемые сведения должны быть приурочены к 1 августа или 1 сентября, по усмотрению Отдела Переписи.
 - 6) Производство переписи назначить в один месяц, а начать таковую не позже 15 сентября.
 - 7) Формуляры переписи составлять в двух экземплярах, из коих один должен быть представлен в Отдел Переписи к 1 ноября.
- 25 июля с. г. Совет Народных Комиссаров утвердил Положение о Государственной Статистике, согласно коему все работы по переписи переешли в ведение Центрального Статистического Управления.
- Несмотря на всю напряженность работы и на все старания Отдела Промышленной Статистики Центрального Статистического Управления ускорить работы по подготовке переписей, чтобы успеть к назначенному

сроку, обстоятельства были сильнее пожеланий. Подготовительные работы, в силу целого ряда технических затруднений, а также слишком большого объема работ, затянулись, самый процесс окончательного редактирования бланков перед сдачей в печать представлял из себя весьма кропотливый труд и требовал чрезвычайно тщательного обдумывания каждой строки, каждой графы. Чрезвычайно много усилий и труда пришлось затратить на составление перечней машин, изделий и сырья. Совершенное отсутствие источников и материалов чрезвычайно задерживало работу. Если прибавить ко всему этому трудности, связанные с печатанием (всего предстояло отпечатать до 1-го миллиона бланков), медленность работ в типографиях, перегруженных текущей работой, то станет вполне ясным, что двухмесячный срок, данный для подготовительных работ к переписи, был чрезвычайно мал. Если вспомним, что при всех промышленных переписях в других странах подготовительные работы продолжались, по готовым уже программам, не менее двух лет, то двухмесячный срок подготовительных работ, при условии полного отсутствия материалов и готовых образцов (перепись в таком объеме намечалась впервые), должен быть признан исключительно недостаточным, а запоздание подготовительных работ и самого начала переписей,—вполне нормальным и вытекающим из условий недостаточности времени, с одной стороны, и чрезвычайно ненормальной внешней обстановкой, в какой велись работы—с другой (отсутствие литературных источников, неисправная работа типографий, отвлечение различного состава сотрудников мобилизациями, частыми заболеваниями и пр.).

Первоначальная история первых русских промышленной и профессиональной переписей кратка и немногосложна. Здесь нет немецкой «Gründlichkeit», той основательности многолетней разработки, переработки, какой отличалась, главным образом, немецкие и отчасти французская, бельгийская переписи. Подготовительные работы к 3-й германской профессиональной переписи 1907 года тянулись 10 лет. Было составлено последовательно 6 проектов, рассматривавшихся на 6 конференциях, и только после этой гигантской работы было приступлено к производству переписи. Во Франции и Австрии было приступлено к разработке плана переписей в 1894 году, а произведены в первой—в 1906 г., во второй—в 1902 г. Из приведенных фактов видно, какой громадный запас времени имели статистические учреждения этих стран на обдумывание и конструирование планов, программ и инструкций. Первая русская перепись осуществлена как-бы экспромтом. Неясные, неоформленные предположения и первоначальные проекты монографического обследования промышленности, намечавшиеся в апреле с. г. Отделом Переписи и Статистики, к 8 июня с. г. представил Съезду Статистиков 2 проекта: один для сплошного обследования предприятий Советской России, имеющих движатель или свыше 5 человек рабочих, и другой—для специального монографического обследования. В докладе Отдела Переписи Съезду Статистиков были подробно изложены основания для производства переписи. Авторы проектов старались совместить положительные стороны бельгийских переписей и англо-американских цензов. По примеру бельгийских переписей, первую русскую промышленную перепись предполагалось произвести самостоятельно от-

дельно от народной, объем переписи сконструировать так, чтобы она была в тесном смысле промышленной, т. е., чтобы она не распространялась на земледелие и промыслы, связанные с земледелием, и чтобы была обеспечена широта программы в вопросах статистики промышленности (формуляры Бельгийской переписи представляли тетрадь в 25 страниц), подобно американским цензам и переписям; проектируемая перепись должна была дать материал не только в области статистики промышленности и статистики производства, а также данные для изучения морфологии промышленности, подобно австрийским переписям.

Проект сплошного обследования промышленности, представленный Отделом Переписи В. С. Н. Х. Съезду статистиков, заключал в себе 8 разделов: 1) общая часть, 2) техническое оборудование, 3) годовое потребление топлива и сырья за последнее пятилетие, 4) годовая выработка изделий, 5) финансово-экономическое состояние, 6) характеристика труда, 7) работа на оборону и 8) форма управления и личный состав. Каждый раздел распадался, в свою очередь, на ряд вопросов второго порядка, каковых насчитывалось всего до 300, всего же по вертикальным и горизонтальным графам—до 3000. Эта цифра говорит сама за себя, и сама по себе даст понятие, насколько широко поставлен был вопрос обследования промышленности.

Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, т. Рыков, открывая заседание Всероссийского Статистического Съезда 8 июня с. г., в следующих словах указал на важность обследования русской промышленности:

«Высший Совет Народного Хозяйства, поставленный теперь во главе организации всей промышленной и торговой жизни страны, до выполнения такого обследования не сможет не только справиться со стоящими перед ним задачами, он не сможет даже вплотную подойти к этим задачам, пока статистические исследования не покажут то, что есть, и не укажут основных задач, которые вытекают из современного положения России».

Исполнительная Комиссия Статистических Съездов, на рассмотрении коей была представлена программа промышленной переписи, в заседаниях своих 6—8 июня признала необходимость означенной переписи и постановила немедленно приступить к подготовительным работам, при чем единственно допустимым признала экспедиционный способ обследования.

Всероссийский Съезд Статистиков, в заседании своем 8 июня, признал необходимым произвести промышленную перепись; для рассмотрения же программы, представленной Отделом Переписи, избрал специальную комиссию.

Комиссия заседала с 9 по 15 июня, подвергла детальному рассмотрению программу переписи, в результате чего последняя подверглась существенным изменениям и дополнениям. В составе Комиссии боролось два течения; представители первого предлагали произвести сплошное обследование всей промышленности, крупной, средней и мелкой, включительно до ветряков, по особой краткой программе (стопами); второе течение отстаивало предложение Отдела Переписи. В заседании 9 июня Съезд после долгих прений постановил, что промышленная перепись должна охватить все промышленные заведения, при чем по подробной

программе записываются предприятия, имеющие двигатель и 5 человек рабочих, остальные же записываются по сокращенной программе.

Главнейшие изменения программы коснулись отделов финансово-экономического состояния, работы на оборону и характеристики работ. Исключены были в первую очередь все вопросы предположительного не статистического характера, напр., вопрос о предполагаемом повышении или понижении производительности в ближайшие месяцы, о предположениях мобилизованных предприятий при переходе к нормальным работам и пр.

Тем не менее, большая часть подготовительных работ личным составом сотрудников Отдела Промышленной Статистики под опытным руководством, приглашенного в качестве руководителя переписью А. Р. Бриллинга к концу сентября была выполнена, и переписи фактически в начале октября в некоторых губерниях начались, а к середине октября уже производилась по всей территории России.

Работа эта повсеместно почти закончена, и только некоторые губернии, сравнительно недавно освобожденные от оккупации (Казанская, Симбирская, Самарская), в силу военных обстоятельств начали работу в начале ноября, отстали от общей работы.

Перепись предприятий была в чрезвычайно тяжелое время; практическая работа на местах сопровождалась целым рядом непредвиденных осложнений и затруднений. Все отчеты районных уполномоченных полны указаниями на те тяжелые условия, в которых протекала работа на местах. Отсутствие владельцев, отсутствие каких бы то ни было книг, свезенных хозяевами или уничтоженных во время аграрных волнений, отказ целых организаций допустить регистраторов к работам (Алексеевский уездный совдеп Ворон. губ.), отказ рабочих от переписи (Олымский свекло-сахарный зав. Ворон. губ.), отсутствие достаточного числа подготовленных регистраторов, невозможные условия передвижения, продовольственные затруднения, даже отсутствие сапог и теплой одежды, служили тормазом в работе, ибо счетчики отказывались работать в уездах. Ко всему этому прибавлялись заболевание персонала испанской болезнью, отвлечение от работ вследствие мобилизации и пр., и вы получите всю ту тяжелую и неприглядную обстановку, в которой пришлось вести работу.

Тем не менее, большая часть из этих затруднений преодолена, и работы подошли к концу.

Трудно сказать, какие результаты даст эта работа, произведенная с такой большой затратой усилий и энергии. Неизвестно, что она даст нам. В докладе Съезду Отдел Переписи высказал такое соображение:

«Объем, совершенная новизна дела, отсутствие пужных органов и статистических сил на местах не могут не привести к некоторому сомнению в удаче задуманного дела.

Но, если учесть исключительные условия, в которых будет производиться обследование, когда ответы будут давать большей частью рабочие организации, для коих нет причин держать в секрете особо важных сведений финансово-экономического характера, и которые, наоборот, заинтересованы в полном освещении всех сторон промышленной жизни,—то остается надежда выйти из положения, а вместе с тем

является желание использовать момент и собрать все сведения, какие только можно и которые так трудно было добывать при капиталистическом режиме».

Предположения эти во многом оправдались. Громадное большинство рабочих организаций шло навстречу интересам переписи, вплоть до принятия на себя безвозмездного выполнения работ по профессиональной переписи, с охотой раскрывали регистраторам все книги, давали без отказа все необходимые сведения, и только, быть может, благодаря такой отзывчивости, такому содействию, работа была проведена, несмотря на все неизмеримые трудности, встречавшиеся в пути.

Пусть материал будет неполон, пусть наша первая работа будет неудачна, но она важна, как исторический этап, как первый опыт. Ни одна из переписей в мире не располагала таким материалом, какой собран русской промышленной переписью 1918 г. Наиболее обстоятельные в области промышленной статистики, американские цензоры брали материал не по документальным данным, не из книг, а со слов владельцев, в силу этого даже американские статистики склонны сомневаться в доброкачественности ими же собранных цифр. Русская перепись пользовалась данными исключительно документального характера, только точными цифрами, взятыми из книг; конечно, ценность такого массового материала неизмерима, и обширность программы и важность затронутых вопросов для исследователей дадут богатый материал ученым для исследований, не говоря уже о чисто практическом значении последнего.

Частичный просмотр материалов переписи наиболее интересных предприятий позволяет сделать предположение о том, что наиболее важные отрасли промышленности получают надлежащее освещение и что надежды, возложенные на переписи, не будут обмануты, и заинтересованные органы получают возможность координировать свои действия на основании цифрового материала, достоверность коего не имеет примера в статистической промышленности.

И. Ефремов.

Ход работ по всероссийской промышленной переписи 1918 года.

Работы по промышленной переписи и связанной с ней профессиональной переписи рабочих в настоящее время подходят к концу, поэтому не лишне подвести краткие итоги первой стадии работ, заключающейся в собирании материалов на местах.

По первоначальным предположениям, относящимся еще к лету текущего года, имелось в виду произвести перепись на всей территории Российской Республики. Однако, по мере приближения к практическому осуществлению задачи, пришлось, в связи с изменениями внешнего и внутреннего фронта, ограничить перепись только 39 губерниями Европейской России, а из азиатских владений — Туркестаном. Организационный план работ и все сметные предположения были составлены в расчете именно на эту территорию. В дальнейшем выяснилось, что нет возможности рассчитывать на производство переписи в текущем году в Туркестане и в 5 губерниях (Европейской России — Бакинской, Ставропольской, Оренбургской, Уфимской и Архангельской. Таким образом, территория, на которую распространялась перепись, сузилась до 33 губерний Европейской России, при чем некоторые из них (а именно задние губернии), были включены лишь в ту часть, которая не была оккупирована иноземным нашествием.

Начало переписи было приурочено к 1 октября, но по условиям, связанным с различными сторонами хозяйственной и политической жизни страны, фактически работы по переписи начались в разное время, а именно:

в 3 губерниях	в период между	1 и 5 октября
.. 8	..	6 и 10
.. 8	..	11 и 15
.. 7	..	16 и 20
.. 3	..	21 и 31
.. 4	..	после 1-го ноября.

Причины такой задержки начала работ много. Значительную роль сыграли общие условия, переживаемые страной, но были также и внутренние причины, имевшие немаловажное значение. Из них главные

три: 1) затруднения при организации губернских бюро и при них секций промышленной статистики, 2) недостаток технических сил и 3) всевозможные трения на местах при начале работ. Первое обстоятельство имело место лишь в небольшом числе губерний. Невыясненность отношений между местными органами управления и губернскими статистическими бюро, подчиненными одновременно и Центральному Статистическому Управлению и местным Советам, вела к тому, что губернские органы власти иногда настаивали на передаче дела переписи не местным статистическим силам во главе с заслуженными работниками земской статистики, а особо назначенными лицами, с очень небольшим статистическим стажем, а иногда и без всякой подготовки в области статистического исследования. Все возникшие на этой почве недоразумения удалось благополучно ликвидировать. Пример Пензенской губернии, в которой губернские власти особенно настойчиво заявляли отвод против руководящего персонала статистического бюро, и которая ныне одна из первых закончила перепись, лучше всех показывает правильность организационного плана Центрального Статистического Управления, переносившего центр тяжести практической работы на единственные организованные местные статистические центры. Организация секций промышленной статистики при губернских бюро задерживалась во многих случаях невозможностью найти в короткий срок опытных руководителей с технической подготовкой и статистической практикой. Это затруднение в известной степени удалось преодолеть при помощи кадра специалистов, командированных на места Центральным Статистическим Управлением.

Недостаток в подготовленных инструкторах и регистраторах можно было до некоторой степени предвидеть. Поэтому Центральное Статистическое Управление организовало в Москве и Петрограде специальные двухнедельные инструкторские курсы для подготовки сотрудников по промышленной и профессиональной переписи. Совершенно понятно, что курсы не могли дать достаточный контингент сотрудников, если принять во внимание огромную потребность в работниках по переписи. Курсы имели в общей сложности около 800 слушателей, тогда как для промышленной переписи требовалось, при условии окончания ее в 1 месяц, 2700 регистраторов, а для профессиональной переписи — до 4000 счетчиков. При таких условиях главная масса сотрудников должна была комплектоваться из местных сил. В некоторых губерниях это встречало значительные затруднения. Вятское бюро пишет по этому поводу следующее: «Огромные штаты всевозможных канцелярий, комиссий, бюро, комитетов, советов, коллегий, кооперативов, комиссариатов и пр. привлекали к себе почти весь наличный интеллигентный персонал. В этих канцеляриях и бюро представители интеллигентного труда нашли себе постоянную, покойную, необременительную шестичасовую работу, оплачиваемую приблизительно в тех же размерах, как и беспокойная, разъездная, нолная хлопот и лишений временная работа по промышленной переписи. Если принять во внимание сложную программу переписи, требующую весьма вдумчивого и сознательного отношения к каждому вопросу, требующую опыта и умения разбираться в данных конторских книг, то можно понять, какие затруднения приходится преодолевать руководящему персоналу при организации разъездных

групп». Сообщения из других губерний рисуют аналогичную картину. Недостаток в технических силах испытывали даже ближайшие к центру промышленные губернии, не исключая и Могилевской. Большинство губернских бюро до настоящего времени не смогли сформировать полный состав сотрудников, предусмотренный организационным планом, и вело работы при помощи сокращенного штата. В 29 губерниях, начавших перепись до 1-го ноября, всего было занято следующее количество сотрудников по переписи:

Районных руководителей	103
Инструкторов	410
Регистраторов	2022
Счетчиков	1238

Итого. . . 3773 лица.

По сравнению с первоначальными предположениями, недобор сотрудников в этих губерниях составляет в среднем 38%. При начале работ он был, конечно, выше.

Наконец, начало работ задерживалось из-за массы «вредных сопротивлений», которые приходилось преодолевать губернским бюро в организационной стадии работ. Перепись, как мероприятие общегосударственного значения, сделалась на местах заданием центра и потому не имела там достаточно подготовленной почвы в руководящих органах, регулирующих местную жизнь. Губернским бюро приходилось преодолевать целый ряд бюрократических формальностей при приглашении сотрудников, снабжении их многочисленными документами, установлении причин пользования лошадьми, уплаты жалованья, выдачи авансов и проч. В одной из центральных губерний, например, уже сформированный штат сотрудников задержался на целую неделю из-за невозможности получить в срок нужные документы и авансовые выдачи. Большие трения возникали из-за требования бирж труда приглашать сотрудников только через их посредство, требования, совершенно не считавшиеся с специальным характером работы по переписи. Неоднократно возникали недоразумения из-за окладов специалистам (инженерам), приглашенным для руководства переписью в отдельных районах губернии. Были затруднения также по доставке на места бланков и инструкций по переписи.

Совершенно особо стоят губернии, начавшие перепись после 1-го ноября (Симбирская, Пермская, Казанская и Самарская). Здесь задержка объясняется тем, что Центральное Статистическое Управление временно потеряло с ними связь из-за изменения линии восточного фронта, при чем некоторые губернские города (например, Самара), были продолжительное время отрезаны от центра. Во всех этих губерниях, за исключением Самарской, работы по переписи уже наладились, хотя особенности прифронтового положения все еще дают себя чувствовать.

Причины, которые затормозили начало работ, значительно выныли и на самый ход переписи. Недостаток опытных сотрудников, а иногда и просто интеллигентных работников, должен был неизбежно затянуть период экспедиционных работ. Заполнение формуляров промышленной

переписи производилось в некоторых губерниях служащими фабрично-заводских контор за особое вознаграждение.

Те трения, которые принято называть «маленькими недостатками механизма», не только оказывали задерживающее влияние на работы в их начальной фазе, но и продолжали тормозить их в дальнейшем. В целом ряде губерний и поныне квалифицированные сотрудники принуждены тратить массу времени на преодоление всяких бюрократических препон в ущерб своему прямому делу. Необходимо оговориться, что отношение местных учреждений к делу переписи было в общем достаточно благожелательное, однако, даже видные местные деятели, вполне оценивавшие огромное значение переписи для государства, были бессильны устранить тот мертвящий формализм, который привился в канцелярской практике этих учреждений. Большинство возникавших на этой почве недоразумений, в конце концов удавалось ликвидировать, но наверстать потерянное время было трудно, почти невозможно.

Как ли велико было отрицательное влияние отмеченных обстоятельств на ход работ по переписи, однако, гораздо большую роль в смысле задержки сыграли общие условия переживаемого времени. Обстановку, в которой приходилось вести промышленную перепись, довольно хорошо рисует Иваново-Вознесенское бюро. Вот что говорится в его сообщении от 5-го декабря: «Работы по промышленной переписи по и делу прерывались случайными или периодическими остановками фабрик, когда фабричные конторы отказывались принимать участие в работе. Бывало под ряд до 10-ти дней (неделя октябрьских поржест), когда работа почти совершенно не производилась, не говоря уже о том, что, вследствие недостатка сырья и топлива, все фабрики стоят по два дня в неделю. Другим очень важным обстоятельством, затормозившим перепись, нужно признать необыкновенное количество всевозможных анкет, рассылавшихся центральными учреждениями и почти всегда сопровождавшихся весьма внушительными угрозами. Временами получалось впечатление, что эти учреждения, по взаимному между собой соглашению, решили во что бы то ни стало сорвать Всероссийскую перепись. Вредили анкеты делу переписи не только тем, что налагали на конторы громадную работу по их заполнению, но, быть - может, гораздо более тем, что конторы не всегда способные были отличить Всероссийскую перепись от анкет обычного типа. Весьма часто приходилось нам тратить немало времени на выяснение разницы между «анкетами» и переписью, чтобы таким путем заставить конторы относиться к переписи более серьезно, чем они привыкли относиться к чуть ли не ежедневно получаемым анкетам. Если к этому прибавить громадную работу, которую как раз во время переписи приходилось выполнять конторам в связи с национализацией фабрик, и полное обезлюдение контор, получившееся в результате целого ряда мобилизаций и отлучения оставшихся работников от повседневных работ на всеобщее обучение военному искусству, то мы получим представление о тех условиях, при которых протекала перепись. Не приходится поэтому удивляться, что перепись не удалось окончить в предполагаемый месячный срок».

Отмеченные Иваново-Вознесенским бюро условия констатируются и в других губерниях. Особенно жалуются на изобилие всяких анкет

и запросы со стороны центральных регулирующих органов Петроградского бюро. По образному выражению статистического отдела одного из губернских советов Народного Хозяйства, все эти анкеты являются настоящим «стихийным бедствием для фабрик». Обусловленная или перегруженность фабричных контор срочными работами чрезвычайно задерживала заполнение формулиров переписи. Конторские служащие часто были вынуждены все выборки и подготовительные цифровые подсчеты для переписи производить в сверхурочное время. Если привлечь во внимание большой объем программы, предусматривающей детальные сведения о производстве за 6 отдельных периодов, то станет понятным, какой дополнительный труд пришлось на долю конторского персонала, особенно в тех предприятиях, в которых отчетность за последние годы находилась в хаотическом состоянии.

Неудовлетворительная постановка отчетности фабрично-заводских предприятий, главным образом, более мелких, отмечалась во многих сообщениях с мест. Это обстоятельство, несомненно, оказалось задерживающим фактором в ходе рабочих по переписи. Однако, необходимо заметить, что составу сотрудников в большинстве случаев удавалось при помощи конторских служащих преодолевать все затруднения. По крайней мере ни одно бюро не указывало на невозможность получения данных, предусмотренных программой, вследствие директив фабрично-заводского счетоводства.

Временные остановки и неполный ход производства на крупных фабриках отзывались более заметно на профессиональной переписи рабочих. Явление, которое, констатируется Иваново-Вознесенским бюро, наблюдалось почти во всех более значительных промышленных губерниях (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской). В рабочие дни бывало очень трудно производить опрос рабочих, несмотря на все меры содействия фабричных комитетов и рабочих организаций, устанавливавших иногда в такие дни обязательные награды для явки в назначенные для регистрации пункты. На промышленной переписи простой предприятий, если только он не носил затяжного характера, повидимому, не отразился. Во всяком случае, большинство крупных фабрик и заводов удавалось до сих пор обследовать с надлежащей полнотой, независимо от того, работали ли они полным ходом или частично.

Хуже обстояло дело с мелкими и средними промышленными предприятиями. В сообщениях из целого ряда губерний указывается на то, что такие фабрики в большинстве закрылись и владельцы их находятся в безвестном отсутствии. Саратовское бюро, например, сообщает, что «многие заведения стоят, предпринимателей и администрации нет и в лучшем случае там можно найти только сторожа». По этой причине в Калужской губернии пришлось отложить на конец промышленную перепись в Малоярославском уезде, в котором имеется несколько мелких ткацких фабрик. По той же причине приходилось преодолевать массу затруднений при обследовании некоторых сезонных производств в Московской губернии (кирпичные заводы, горфяные болота и пр.). Для получения сведений по таким предприятиям регистраторам приходилось разыскивать владельцев в местностях, выходящих далеко за пределы их районов.

Наряду с этими общими условиями, в ряде губерний были свои местные условия, сильно тормозившие дело переписи. В северных и северо-восточных губерниях успешности работ мешало бездорожье, а иногда и полное отсутствие средств передвижения. Невроятные трудности при найме лошадей отмечаются и в сообщениях из центральных промышленных губерний. Во многих губерниях (Тамбовской, Рязанской, Витебской, Костромской, Калужской, Тверской, Московской) работам препятствовали гражданские волнения. В Московской губернии пришлось по этой причине остановить работы в Можайском уезде и перевести регистраторов в другие районы. В Воронежской губернии одна партия регистраторов, работавшая в Каротенском уезде, оказалась отрезанной от губернского центра наступлением казаков.

Выше мы указывали на то, что большая часть губернских бюро была принуждена вести перепись неполным штатом сотрудников. Целый ряд условий не давал возможности сохранить на работах по переписи даже этот неполный состав. Во многих губерниях мобилизация пробала большую брешь в рядах сотрудников по переписи. В Саратовской и Рязанской губерниях местные военные комиссариаты отказывали в отсрочке призванным на военную службу регистраторам и инструкторам. В некоторых губерниях были призваны на военную службу все ответственные сотрудники и инструктора. В большинстве губерний все-же удалось сохранить основной кадр сотрудников по переписи, однако, после долгих хлопот не только местных органов, но и Центрального Статистического Управления.

Работа сотрудников на местах была обставлена весьма тяжелыми условиями. Продовольственные трудности в центральных промышленных губерниях вызвали иногда массовое бегство регистраторов. Местные органы власти делали все от них зависящее, чтобы предоставить персоналу переписи продовольствие, однако, нередко бывали бессильны оказать существенную помощь. Скудное питание, отсутствие теплой одежды и вообще суровые условия, связанные с разъездами, во многих губерниях вызвали развитие среди сотрудников эпидемических заболеваний. Так, в Курской губернии заболело испанской болезнью районный руководитель и 7 инструкторов, из которых один умер. 5-го декабря из Владимира была получена телеграмма, сообщавшая, что большинство инструкторов, работающих по переписи, заболело испанской болезнью. Значительный процент заболеваний сотрудников констатируется в Московской и в ряде других губерний.

Из изложенного видно, что производство промышленной переписи протекало в очень неблагоприятных условиях. Тем не менее, дело переписи неуклонно двигалось вперед и сейчас уже приближается к благополучному концу. Быть может, в истории статистики было редко такое сплетение неблагоприятных обстоятельств, тормозивших исследование, а, с другой стороны, именно текущий момент представлял такие выгоды для качественной стороны исследования, как никогда. Обширная программа переписи, глубоко захватывающая самые важные моменты промышленной жизни страны, широкий доступ к бухгалтерской отчетности предприятий, сознательное отношение к задаче переписи административного аппарата предприятий — все это дает гарантию, что промышленная перепись охватит современное положение про-

мышленности с исчерпывающей полнотой. Достаточно хотя бы бегло просмотреть формуляры переписи, поступающие в Центральное Статистическое Управление, чтобы убедиться в колоссальной научной и практической ценности этих материалов.

В помещенной ниже таблице даны сведения о состоянии работ по промышленной переписи и связанной с ней профессиональной переписи работ. Из нее видно, что промышленная перепись закончена по 4842 промышленным предприятиям, что составляет почти половину всех предприятий, числившихся по спискам. Число же рабочих, зарегистрированных профессиональной переписью, превышает 900,000. Необходимо оговориться, что сведения из некоторых губерний западали, поэтому можно считать, что к 15-му декабря промышленная перепись закончена не менее, как на 5000 предприятий, число же зарегистрированных рабочих значительно превышает 1.000.000. По последним сведениям работы по переписи закончены в губерниях: Орловской, Воронежской, Пензенской, Новгородской, Вологодской, Тамбовской, Тульской и в городе Москве.

В западных губерниях, эвакуированных германскими войсками, число предприятий значительно увеличивается по сравнению с первоначальными предположениями. В настоящее время приняты меры для производства переписи фабрик и заводов, находящихся в районах преме-ней оккупации.

А. Брилинг.

СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ РАБОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1918 г.

НАИМЕНОВАНИЕ ГУБЕРНИЙ	Общее число.		Число переписан. на 15 нояб.		Время, к кот. относятся сведения.	Примечания.
	Промыш. завед.	Рабочих.	Промыш. завед.	Рабочих.		
1. Астраханская . . .	394	15,309	135	Свед. нет	1/XI	Соединение с губ
2. Вятская . . .	150	5 000	142	3.3 6	15/XII	
3. Владимирская . . .	465	140,000	179	52 016	1/XII	
4. Вологодская . . .	82	8,104	77	8 064	15/XII	
5. Воронежская . . .	83		83	7 000	15/XII	
6. Вятская . . .	424	59,000	174	4 515	15/XI	
7. Иваново-Возн. . .	258	165,000	100	90 000	1/XII	
8. Казанская . . .	264	20,000	26	6,600	15 XII	
9. Калужская . . .	191	22 000	149	14,610	15/XII	
10. Костромская . . .	106	26,680	40	12 000	1/XII	
11. Курская . . .	400	23,000	111	9,424	1/XII	
12. Могилевская . . .	120	8 800	12	850	15/XII	
13. г. Москва . . .	1,885	180,731	1,187	164,910	15 XII	
14. Московская . . .	800	230,000	250	224,000	15/XII	
15. Нижегородская . . .	755	95,420	50	3 000	15/XI	
16. Новгородская . . .	200	29,000	229	25 578	15/XII	
17. Одонская . . .	84	2 500	24	1,800	1/XII	
18. Орловская . . .	300	30,000	210	18 000	15/XII	
19. Пензенская . . .	250	19,000	475	9,000	1/XII	
20. Пермская . . .	220	Сведений не	имеется			
21. г. Петроград . . .	773	148,417	110	76 000	15/XII	
22. Петроградская . . .	100	—	15	—	15/XII	
23. Псковская . . .	78	9,000	32	Свед. нет	15/XI	
24. Рязанская . . .	214	30,000	80	22,800	15/XII	
25. Самарская . . .	293	4,000	—	—		
26. Саратовская . . .	530	30,000	220	15 000	15/XII	
27. Сибирская . . .	251	16,000	50	7,000	15/XII	
28. Смоленская . . .	340	18,000	234	8 675	1/XII	
29. Тамбовская . . .	330	25,000	274	11,000	15/XII	
30. Тверская . . .	300	77,000	109	61 335	15/XII	
31. Тульская . . .	344	35 000	240	22,264	1/XII	
32. Ярославская . . .	231	36 600	155	25,678	15/XII	
33. Минская . . .	80	7 700	—	—	—	
ИТОГО	—	—	4,842	9 449	—	

2) Условия, влияющие на всю совокупность хозяйств данной местности описываются в особом бланке; сведения о них ежегодно проверяются и, если нужно, дополняются на местах.

3) Отдельные хозяйства исследуются ежегодно в целях фиксации всех текущих изменений, происходящих в них.

4) Из общей массы, сплошь описываемых ежегодно, хозяйств назначается известный процент их и на них составляется подробный бюджет, который затем ежегодно дополняется и исправляется статистикой на месте.

5) При организации общих переписей, в порядке их работ, организуется связанное описание хозяйств отдельных местностей, но не тех, где уже производится ежегодная регистрация.

6) Влияние отдельных факторов на сельскохозяйственное хозяйство и на эволюцию его, а также те изменения, какие происходят в хозяйстве под влиянием эволюции самого влияющего фактора, должно быть предметом особого изучения.

Что касается преемственной связи Отдела с прошлыми статистическими исследованиями, то необходимо привлечь имеющиеся на местах материалы и использовать их. Для этого

7) Организовать работы на местах по выборкам необходимых данных и произвести сопоставление разных переписей там, где этого еще не сделано.

При осуществлении программы работ Отдела динамики, необходимо установить тесную связь между центром и местными органами, путем командировок для наблюдения за работами с одной стороны, и для использования знания местными статистиками своей губернии — с другой; выбор и указание местностей для ежегодных исследований всецело должен принадлежать местным статистикам.

8) Отдел динамики должен иметь консультантов, как по общим, так и по специальным вопросам методологии и организации работ.

А. Хрящев.

Комиссия по классификации промышленности и профессий

В настоящее время заканчивается крупная работа по классификации промышленности и профессий, произведенная специальной комиссией при Центральном Статистическом Управлении.

В кратких чертах история этого начинания такова. В апреле месяце, текущего года, Исполнительная Комиссия Всероссийских Статистических Съездов рассматривала вопрос о необходимости производства летом всеобщей промышленной переписи и о возможности сочетания с нею переписи профессиональной. Вопрос был решен в положительном смысле, причем на первую очередь была поставлена промышленная перепись, приуроченная, по предложениям того времени, к летним месяцам, — июлю или августу, а текущей осенью предполагалось приступить к переписи профессий.

В связи с работами Исполнительной Комиссии по указанным вопросам участвовавшим в работах совещания Т. И. Семетовым было внесено предложение о неотложности подготовки классификации профессий, что важно как для проектируемой переписи, так и для повседневной практики статистических учреждений; предложение было единогласно принято и выполнение задания взял на себя Отдел Переписи и Статистики В. С. Н. Х.

До того времени, однако, как Отдел Переписи приступил к практическому выполнению взятого им на себя поручения, некоторые из московских учреждений, особенно сильно чувствовавшие потребность в создании нормальной и обязательной для всех отделов классификации, приступили самостоятельно к подготовке материалов. В этой работе принял участие, в качестве руководящего органа, создавшийся к тому времени Совет Статистики Труда, состоявший из представителей около 20-ти различных учреждений, от центральных до местных московских включительно.

В июне Отделом Статистики и Переписи было созвано первое совещание по данному вопросу, которое и куституировалось, как Комиссия по классификации промышленности и профессий.

В этом первом организационном заседании Комиссии вопрос об основах классификации был затронут лишь в общих чертах.

Комиссия считала бесспорным, что создание всесторонней и строго научно-разработанной классификации есть задача настолько сложная, что на выполнение ее потребовалась бы работа большого количества сил в течение нескольких лет. Между тем, перед Комиссией стояла конкретная задача, — дать схему классификации для подготовки плана предстоящей промышленной переписи и разработки ее, а также и для практических потребностей многочисленных учреждений, работающих в области статистики труда и регулирования промышленности.

В виду этого некоторые из участников совещания (А. Р. Бриллинг и др.) предлагали взять за основу имеющуюся уже классификацию Отдела торговли и промышленности и ограничиться внесением ряда исправок к ней. Другие, наоборот, считали необходимым проделать всю работу заново и самостоятельно, существующие же системы классификации принять во внимание только для целей статистической сравнимости группируемых материалов. По мнению В. Г. Михайловского, при построении классификации профессий или личных занятий необходимо исходить из следующих положений: 1) в основу должно быть положено различие рода работы, выполняемой лицом в процессе производства, 2) род материала, над которым оперирует производство, может быть принят во внимание там, где это возможно, но, в общем, этот признак должен быть отодвинут на второй план, 3) также условно необходимо придерживаться и различия форм производства и 4) признак положения в промысле того или иного лица должен быть безусловно принят в основу классификации профессий.

Что касается общих основ предпринимаемой работы, то, по мнению того же докладчика, классификация должна иметь в виду не только частные задачи статистической группировки производств и профессий, но и предвидеть задачи государственного характера в области промышленности, а также принять во внимание и факт разделения области промышленности между отдельными ведомствами общего управления. В интересах равномерности групп, а также возможности сравнения с другими классификациями, единицей группировки должен быть взят класс предприятий и промыслов; таких единиц, по мнению докладчика, должно быть создано 1,200—1,500, не более, при чем для смешанных производств могут быть установлены и подклассы. Общее направление работ по подготовке классификации должно быть индуктивным, а не дедуктивным или формальным: классификация должна быть генетической, т. е. иметь в виду происхождение данной отрасли промышленности или промысла.

Комиссия не входила в подробное обсуждение выдвинутых докладчиками вопросов и постановила поручить выработку оснований классификации, порядок работ, а также и форму, в которую должна вылиться новая система классификации, двум секциям: 1) по классификации производств и 2) по классификации собственно профессий.

В первую из них были выбраны: Арцимович А. М., Богословский С. М., Бриллинг А. Р., Воробьев Н. Я., Заменгоф М. Ф., Кузьминых-Лавин И. М. и Михайловский В. Г.

Во вторую секцию: Богословский С. М., Кузьминых-Лавин И. М., Маркузон Ф. Д., Михайловский В. Г., Мышкет В. С., Семенов Т. Н., Фридель Э. Л. и Хрящева А. И.

Обоим секциям было предоставлено право кооптации и широкого использования специальных сил, а также и средств по составленным сметам. Дальнейшие работы, возглавляемые с августа месяца уже Центральным Статистическим Управлением, производились исключительно по секциям, и общие заседания всей Комиссии носили лишь информационный характер.

Первоначальные предложения быстрого окончания всей работы совершенно не оправдались: только в настоящий момент (конец октября) работы секции приближаются к завершению.

В следующем номере «Вестника» редакция надеется дать изложение принципиальных оснований работы Комиссии и самую схему классификации.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Государственная Статистика.

ВЕСТНИК

СТАТИСТИКИ

Орган Центрального
Статистического
Управления.

Февраль—Март 1919 года.

№ 2—3.

ВЕСТНИК СТАТИСТИКИ

Орган Центрального
Статистического
Управления.

Февраль—Март 1919 г.
№ 2—3.

МОСКВА,
8-я Государственная (б. Городская) Типография.
1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КАБЛУКОВ	1—III
I. Постановления и распоряжения по делам статистики.	
1. Постановления Коллегии при Ц. С. У.	1
II. Статьи и заметки.	
1. О корреляции сводных признаков— <i>Б. Ястремский</i>	34
2. К вопросу о методологии исторической статистики— <i>Е. Святловский</i>	45
3. О нормативных изысканиях— <i>Л. Лубны-Герцык</i>	58
4. Общепромышленная статистика Ц. С. У. и производственная статистика регулирующих центров— <i>Ф. Дубовиков</i>	65
5. Снабжение хлебами в авг.—дек. 1918 г.— <i>А. Логицкий</i>	79
6. Международный Статистический Институт— <i>В. Степанов</i>	92
7. План работ по статистике народного здоровья— <i>С. Богословский</i>	107
8. Общие основы плана работ по отделу статистики сношений и передвижений на 1919 год— <i>И. Поплавский</i>	122
9. Статистика Народного Образования— <i>И. Казимиров</i>	137
10. Вольный продуктообмен— <i>О. Термитин</i>	145
III Хроника.	
1. Совет по делам статистики	148
2. Образование и первые шаги деятельности отдела потребления и распределения	167
3. Отчет о работах отдела текущей промышленной статистики	170
4. Работа отдела сел.-хоз. переписей	173
5. Отчет о работе группы по нормативным изысканиям в области сельского хозяйства.	173
6. Задачи отдела статистики народного образования	175
7. Ход работы в губернских статистических Бюро	178
IV Библиография.	
1. Указатель рекомендуемых пособий по демографии— <i>В. Масальский</i>	183

Статистика народного образования.

В России не существовало и не существует еще объединенной в общегосударственном масштабе статистики народного образования. Отдельные ведомства, имевшие в своем ведении учебные заведения, а таких ведомств насчитывалось 9, производили публикацию статистических сведений о состоянии учебного дела своего ведомства. Так, Министерство Народного Просвещения, в ведении которого находилось почти все дело народного образования, с 1898 года публиковало время от времени в «Сборниках» статистические сведения по начальным школам. Наиболее полный «Сборник сведений по начальному образованию в Российской Империи» вышел в 1905 г. и содержит в себе сведения за 1903 г. В 1911 г. Министерство Народного Просвещения произвело обширную работу по однодневной школьной переписи, которой руководил известный статистик В. И. Покровский.

Другое ведомство, руководившее также делом народного образования и располагавшее значительным числом школ—Ведомство Святейшего Синода производило с 1886 г. публикацию статистических сведений о состоянии учебного дела в церковно-приходских школах.

Производили публикацию статистических сведений об учебных заведениях Министерство Земледелия и Землеустройства, Министерство Торговли и Промышленности и др.

Наиболее ранние и систематические сведения по статистике народного образования были опубликованы Центральным Статистическим Комитетом. На основании сообщений различных ведомств и учреждений им были опубликованы в 1866 и 1879 гг. данные о состоянии народного образования в Европейской России. В 1880 году Центральным Статистическим Комитетом было произведено обследование учебных заведений—начальных, средних и высших. В 1888 году были опубликованы данные об университетах и средних учебных заведениях. В 1908 г. Центральным Статистическим Комитетом была предпринята работа, целью которой было дать свод данных о начальном образовании в Империи за 1903 г. Сведения были извлечены из печатных и рукописных материалов различных ведомств. За неимением средств ра-

Район Верхне-Волжский Ведомость № за время с по
191 г. Пристань Паровые суда, непаровые суда, срочно, несрочно. Регистрационный пункт
Река ПЛОТЫ.

Форма № 2.

№№ по порядку.	Наименование грузов.	На паровых судах.		На непаровых судах.				В плотах и на плотах.		Всего.			
		Всех.	Вниз.	Срочно.	Несрочно.	Всех.	Вниз.	Всех.	Вниз.	Всех.	Вниз.	Итого.	
1	Пшеница												
2	Рожь и т. д.												

Наименования грузов.

- 1) Пшеница.
- 2) Рожь.
- 3) Овес.
- 4) Ячмень.
- 5) Горох.
- 6) Мука пшеничная.
- 7) Мука ржаная.
- 8) Крупа гречневая.
- 9) Пшено.
- 10) Крупа проч.
- 11) Рис.
- 12) Прочие хлебные грузы.
- 13) Тарелки, отруби, выжимка.
- 14) Семена всякие.
- 15) Картофель, овощи, зелень.
- 16) Фрукты, ягоды.
- 17) Сахар и сахарный песок.
- 18) Соль.
- 19) Яйца.
- 20) Рыба всякая.
- 21) Масло растительное.
- 22) Сено и солома.
- 23) Древна.
- 24) Доски.
- 25) Шпалы.
- 26) Дрова и дровяной лес.
- 27) Прочий лес и грузы.
- 28) Уголь древесный.
- 29) Уголь каменный.
- 30) Нефть в бочках.
- 31) Керосин.
- 32) Нефтяные и смазочные масла и проч. нефтяные продукты.
- 33) Литер. и строительный материал.
- 34) Рука всякая.
- 35) Металлы не в листе.
- 36) Изделия из металла.
- 37) Кожа и шкуры.
- 38) Хлопок.
- 39) Шерсть.
- 40) Лен, кудель и пенька.
- 41) Мануфактурная ткань.
- 42) Прочие грузы.

бота не была целиком напечатана; извлечения из нее были помещены в «Ежегоднике» Центрального Статистического Комитета за 1908 год. С этого года Центральным Статистическим Комитетом не было произведено самостоятельных работ по статистике народного образования. В своих «Ежегодниках» Центральный Статистический Комитет отводил место таблицам статистических сведений о народном образовании. Таблицы составлялись на основании сообщений соответствующих ведомств. Они содержали в себе по губерниям сведения о высших, средних, специальных и низших учебных заведениях.

Но помимо правительственных органов крупную работу в области статистики народного образования произвело Вольно-Экономическое Общество. В 1894 году Вольно-Экономическим Обществом было организовано и проведено обследование начального образования в Российской Империи. Таким образом имеются три переписи школ, произведенные тремя учреждениями—Центральным Статистическим Комитетом в 1880 году, Вольно-Экономическим Обществом в 1894 году и Министерством Народного Просвещения в 1911 году.

Такова в общих чертах была правительственная статистика народного образования; она была распылена между отдельными ведомствами; когда же подвергалась объединению, то она не была систематической; в исследованиях по статистике народного образования в общегосударственном масштабе не было планомерности; при чем такого рода работы общегосударственного характера то производились Центральным Статистическим Комитетом, то Министерством Народного Просвещения, то инициативу таких работ брало на себя частное общество, каковым является Вольно-Экономическое Общество.

Но помимо правительственной статистики народного образования существовала также статистика в земских и городских самоуправлениях. Возникла она главным образом в 80-х годах, когда в отдельных губерниях, например Московской, Новгородской, Воронежской, были произведены основные обследования народного образования. Но и на местах, в земствах, правильно организованной статистики народного образования, как общего явления, не существовало. Текущая статистика народного образования велась в немногих губернских земствах.

Помимо специальных работ по статистике народного образования почти во всех земских оценочно-статистических обследованиях отводилось место основным вопросам статистики народного образования (грамотность населения, учащиеся).

Моментом движения в области статистики народного образования является общеземский съезд по народному образованию,

признавший статистику образования необходимым элементом в деле развития просвещения населения. Основы же правильной организации статистики народного образования были положены Харьковским общеземским съездом по статистике народного образования, происходившем в 1913 году. Оба съезда дали толчок в деле организации земской и городской статистики народного образования, в частности Харьковский съезд установил принципы объединения местной и правительственной статистики народного образования. После Харьковского съезда наступили военные события, которые не могли не отразиться отрицательно на проведение в жизнь постановлений съезда. Практически постановления Харьковского съезда осуществились в известной мере в организации земской статистики народного образования, но они совершенно не отразились на государственной статистике народного образования.

В настоящее время при объединении всего дела образования населения в ведении одного центрального органа—Народного Комиссариата по Просвещению—дело объединения статистики народного образования может быть поставлено на более правильную почву. К тому же реорганизация государственной статистики и объединение ее в центре (Центральное Статистическое Управление) и на местах (губернские статистические бюро) должны послужить фундаментом наиболее целесообразного построения государственной статистики народного образования. Все это создает возможность построения статистики народного образования, как в целях удовлетворения практических запросов местных и центральных органов, так и по изучению общих вопросов о состоянии культуры населения.

Центральные правительственные органы—Центральное Статистическое Управление и Народный Комиссариат по Просвещению—имеют в своей среде статистику народного образования. Первое—по природе своей являясь учреждением по объединению и согласованию всех основных статистических работ в общегосударственном масштабе, в том числе и работ по статистике народного образования, должно иметь в своем составе и соответствующие органы; второе—в силу своей практической деятельности по осуществлению мероприятий в области просвещения населения должно иметь в своем распоряжении статистический материал, освещающий его практическую работу. Статистика народного образования Центрального Статистического Управления подвергается разработке общие вопросы статистики народного образования; статистика Народного Комиссариата по Просвещению собирает и разрабатывает материал для своих практических целей по организации просветительных и учебных учреждений.

На местах статистика народного образования должна сосредоточиться в секциях статистики народного образования губернских статистических бюро. Некоторые статистические аппараты необходимо иметь и при Отделах Народного Образования; причем деятельность этих статистических органов должна протекать в тесной связи с секцией губернских статистических бюро.

Общая схема взаимоотношений и разграничение работ центральных органов (Центрального Статистического Управления и Народного Комиссариата по Просвещению) и местных органов по статистике народного образования определились в следующем виде *).

А. Содержание работ Центральных органов.

1. Отдел Статистики Народного Образования Центрального Статистического Управления производит работы общего характера, а) изучает грамотность населения вообще и в частности новобранцев и брачующихся; б) устанавливает систему регистрации грамотности брачующихся; в) производит разработку приемов учета детей школьного возраста; г) выполняет учет детей школьного возраста, на основании переписей и статистики движения населения; д) устанавливает коэффициенты роста населения школьного возраста; е) подвергает научной разработке приемы и методы наблюдения в области народного образования (школьного и внешкольного образования); ж) организует и разрабатывает приемы школьно-санитарной статистики; з) составляет периодические обзоры состояния народного образования в целях изучения состояния средств и результатов народного просвещения в стране и т. п.

II. Статистический Отдел Народного Комиссариата Просвещения по соглашению с Статистическим Отделом Центрального Статистического Управления организует те работы, которые касаются местных обследований в области народного образования: а) организует ежегодные и периодические обследования состояния народного образования; б) вырабатывает и выполняет организационный план по статистическому наблюдению на местах; г) организует исследования по изучению культурной среды и наблюдения за движением физической и эстетической культуры населения; д) организует работы по выработке статистических основ по осуществлению всеобщего обучения и по обеспечению общедоступности просветительных учреждений; е) организует основы статистической отчетности в школах.

*) Помещаемая схема выработана совместно со Статистическим Отделом Народного Комиссариата по Просвещению, утверждена Коллегией Центрального Статистического Управления и рассмотрена Советом по делам статистики.

III. Отдел Статистики Народного Образования Народного Комиссариата по Просвещению использует статистические материалы по народному образованию Центрального Статистического Управления для своих практических целей по организации просветительных и учебных учреждений, а также производит теоретические изыскания в области народного образования.

1. По школьной статистике Статистический Отдел Комиссариата Просвещения производит следующие работы: а) организует источники статистики народного образования в школе; б) содействует организации статистических форм делопроизводства в местных, губернских и уездных отделах народного образования; в) производит разработку и табличную сводку материалов о состоянии народного образования; г) разрабатывает материалы, поступающие от местных отделов народного образования и секций по статистике народного образования; д) составляет ежегодный статистический отчет о состоянии народного образования.

2. По статистике внешкольного образования Статистический Отдел производит следующие работы: а) организует источники статистики народного образования в учреждениях внешкольного образования; б) вырабатывает приемы наблюдений за деятельностью учреждений внешкольного образования; в) производит разработку и табличную сводку сведений, поступающих от местных учреждений; г) составляет ежегодно статистический отчет о деятельности учреждений по внешкольному образованию и т. п.

Б. Источники сведений Центральных Учреждений.

I. При выполнении намеченных выше задач отдел Статистики Народного Образования Центрального Статистического Управления опирается на сведения, поступающие в его распоряжение от прочих отделов Центрального Статистического Управления, от Статистического Отдела Народного Комиссариата по Просвещению и от секций статистики народного образования губернских Статистических Бюро.

Примечание: Во избежание переобремененности секций работами, могущими воспрепятствовать срочному выполнению статистических работ, вытекающих из практических запросов в области народного просвещения Центральное Статистическое Управление достигает в этой области согласования своей деятельностью с Комиссией по введению всеобщего образования Народного Комиссариата Просвещения.

II. Отдел Статистики Народного Комиссариата по Просвещению получает необходимые сведения от Центрального Стати-

стического Управления, секций по статистике народного образования Губернских Статистических Бюро и отделов народного образования.

III. Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению при осуществлении плана крупных статистических работ через секции статистики Губернских Статистических Бюро сносятся с секциями при посредстве Центрального Статистического Управления.

В. Установление форм статистических сведений и сроков работ.

I. Центральное Статистическое Управление и Народный Комиссариат по Просвещению устанавливает самостоятельно формы требуемых от секций статистических сведений, при чем основные формы устанавливаются Народным Ком. Просвещения совместно с Центральным Статистическим Управлением.

II. Сроки выполнения секциями статистических работ, возникающих из практической деятельности Народного Комиссариата по Просвещению, в частности связанных с ведением всеобщего образования, устанавливаются Народным Комиссариатом по Просвещению при условии согласования с Центральным Статистическим Управлением организационного плана в остальных его частях и техники выполнения этих работ.

Г. Местные Учреждения по статистике Народного Образования.

I. В составе каждого Губернского Статистического Бюро организуется секция статистики Народного Образования, включающая в свою компетенцию разработку вопросов статистики Народного Образования.

II. Организация секций. Организация местных секций по статистике Народного Образования приводится в исполнение в следующем порядке:

а) В тех губерниях и городах, где в настоящее время статистические работы на народном образовании выполняются в особых статистических отделениях, при Отделах Народного Образования, с особым постоянным персоналом и определенным кругом работ, названные отделения преобразуются в секции Губернского Статистического Бюро.

Примечание. При организации секций в губерниях с налаженной статистикой народного образования необходимо предоставить возможность обсуждения этого вопроса на местах совместно с Губернским Статистическим Бюро и Отделом Народного Образования с тем, чтобы окончательно

ный срок и порядок учреждения секций по соответствующей губернии разрешался по соглашению Центрального Статистического Управления и Народного Комиссариата по Просвещению.

б) В тех губерниях и городах, где статистические отделы с особым постоянным штатом и определенным кругом работ при Отделе Народного Образования не существует, Губернское Статистическое Бюро совместно с Отделом Народного Образования озабочиваются открытием секции Статистики Народного Образования Губернских Статистических Бюро.

III. Работы секции. 1) Для штатного состава секций в одинаковой степени обязательно исполнение работ по государственной статистике, как Центрального Статистического Управления, так и Комиссариата Народного Просвещения. 2) Секции являются исполнителями заданий Народного Комиссариата Просвещения, программы и организационный план которых согласован с работами Центрального Статистического Управления. 3) На секции по статистике Народного Образования возлагается обязанность удовлетворять статистические запросы местных отделов народного образования, как по осуществлению статистических работ, связанных с ведением всеобщего образования в России, так и по основной текущей статистике народного образования, поскольку они согласованы с планом работ Центрального Статистического Управления и Народного Комиссариата Просвещения. 4) Секции ответственны за исполнение общегосударственного и местного плана работ, независимо от того, какими учреждениями отпускаются средства на их выполнение. 5) Секции сообщают в Центральное Статистическое Управление данные по утвержденным Центральным Статистическим Управлением формам. 6) Секции сообщают непосредственно в Народный Комиссариат Просвещения по выработанным ими формам данные по статистике народного образования.

IV. Финансы секций. Финансирование штатного состава секций идет через Центральное Статистическое Управление на выполнение специальных заданий Комиссариата Народного Просвещения и местных Губернских Советов секции получают средства от Комиссариата Народного Просвещения и Губернских Советов.

V. Местные органы секций. Органами секций по первичному наблюдению являются школы и учреждения по внешкольному образованию.

Д. Вспомогательные органы Центрального Статист. Управления.

Для успешного направления работ отдела Статистики Народного Образования и для всестороннего освещения разрабатываемых вопросов при Центральном Статистическом Управлении организуется комиссия из представителей Центрального Статистического Управления, Народного Комиссариата по Просвещению, Института Народного Образования, Московского Коммерческого Института, Московских Городского и Губернского Статистических Бюро, Отделов Народного Образования Московских Городского и Губернского Совдепов, Совета Кооперативных Съездов, Общества Библиотекарей и Союза Деятелей Внешкольного Образования.

Н. Казимиров.

Вольный продуктообмен.

Отдел Внутренней и Внешней Торговли и Продуктообмена ставит себе, между прочим, задачу собирать сведения о вольном продуктообмене—этом новом виде торговли между деревней и городом. Относительно официального продуктообмена много писалось и еще больше говорилось, но никаких следов не удалось найти,—по крайней мере в таких учреждениях, как Народный Комиссариат по Продовольствию, Центрозакуп, Центросоюз и др. никаких сведений или отчетов о нем нет.

О вольном же продуктообмене мы все знаем, почти каждый из нас в нем участвовал, отдавая за тот или иной продукт кое-какие свои «излишки»: поношенный костюм, старенькие штилеты, папиросы и т. п. Но как широко распространено это явление, какие формы принимает оно в глухих уголках нашей Республики—вопрос большой и интересный для переживаемого времени.

В вольном продуктообмене участвует, главным образом, деревня и город. Если в начале появления обмена каждая сторона предлагала «от избытков своих», то в настоящее время этого нельзя сказать про город. Мы знаем, что сплошь и рядом горожанин вынужден нести в деревню не только «избытки», но и необходимое для себя: керосин, соль, ситец, отрезы шерстяной материи, сапоги.

В качестве иллюстрации к сказанному я приведу здесь собранные материалы о вольном продуктообмене по г. Калуге за январь месяц 1919 г. Из них можно видеть, какие причудливые комбинации встречаются при этом. Например, за ржаную муку город дает:

Соль 1 п.	за 1½ п. — ф. муки
Керосин 30 ф.	» 1 » — » »
Мыло 10 ф.	» 1 » — » »
Спички 1 пач.	» — » 10 » »
Махорка 3 ф.	» 1 » — » »
Ситец 10 арш.	» 1 » — » »
Чай ½ ф.	» ½ » — » »
Одеяло новое ватн. ситц. » 2 » — » »	
Самовар никкелир. . . » 2 » — » »	

ВЕСТНИК СТАТИСТИКИ.

Орган Центрального
Статистического
Управления.

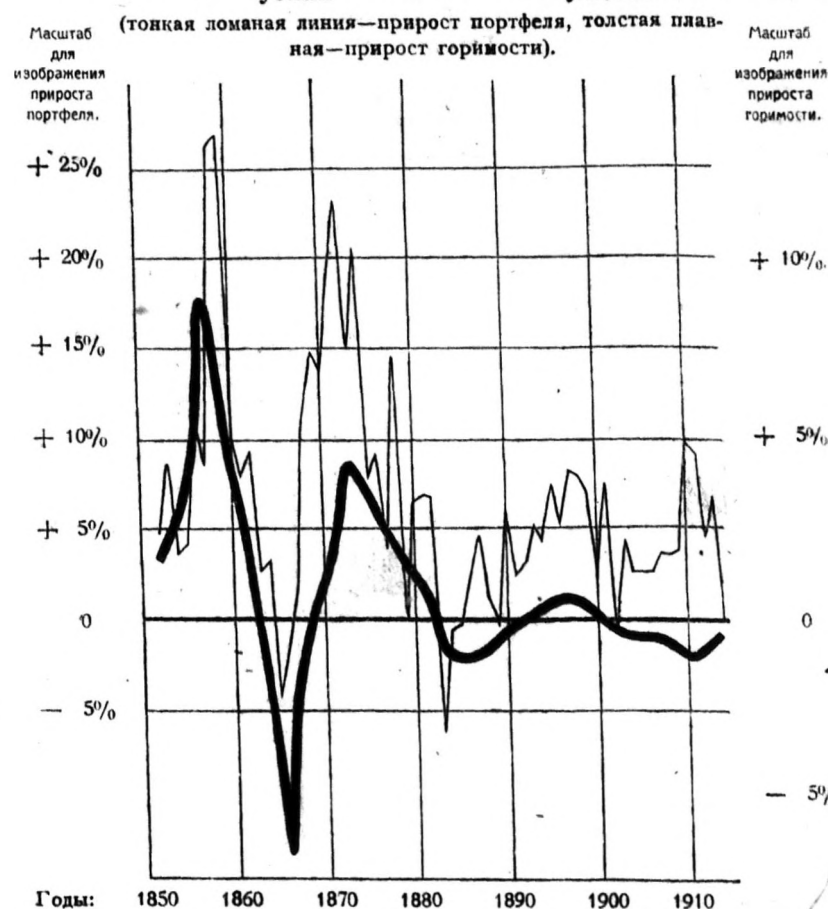
Апрель—Июль 1919 г.
№ 4—7.

МОСКВА.
Типография Финансового Отдела М. С. Р. и Кр. Д. (б. Городская).
1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
† А. А. КАУФМАН.	I—V
I. Статьи и заметки.	
1. Косвенный метод определения устойчивости или изменяемости статистических рядов	<i>Б. Ястремский.</i> 1
2. Методы учета населения в Петроградской городской переписи 1918 года	<i>Г. Поляк.</i> 19
3. Постановления Международного Статистического Института	<i>В. Степанов.</i> 33
4. Одна из задач бюджетных исследований	<i>Л. Литовченко.</i> 50
5. Статистическая Энциклопедия	<i>М. Заменгоф.</i> 60
6. Распределение производства по территории России.	<i>А. Михайловский.</i> 71
7. Городская статистика и ее задачи.	<i>В. Степанов.</i> 81
8. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.	<i>Н. Воробьев.</i> 93
II. Распоряжения и постановления по делам статистики	
1. Постановления Коллегии при Центральном Статистическом Управлении.	99
2. Положение о местных статистических учреждениях Украины	117
3. Положение о статистике народного образования на Украине.	125
III Хроника.	
1. Редакционно-Издательский Отдел Ц. С. У.	129
2. Отдел статистики внутренней и внешней торговли и продуктообмена	142
3. Отдел Страховой статистики.	149
4. Всероссийский Съезд статистиков	151
5. Постановления Конференции при Ц. С. У. представителей губ. стат. бюро 3—4 мая.	204
IV. Библиография.	
1. С. С. Кон. к вопросу о применении выборочного метода при разработке сельскохозяйственных переписей.	<i>Б. Я.</i> 209
2. Международный Статистический Ежегодник.	<i>В. Степанов.</i> 210
3. Методы работы Р. Кабо. О потреблении городского населения России	<i>А. Лосицкий.</i> 213
4. «Статистика труда» — жур. изд. Народного Комисариата Труда Р. С. Ф. С. Р.	<i>Г. П.</i> 217
V. Приложение.	
Николай Алексеевич Каблуков.	1

Сопоставление прироста убыли портфеля с приростом убылью горимости

Возможно и другое объяснение найденного параллелизма между ростом портфеля и горимостью. Можно думать, что совпадающая во времени периодичность того и другого явления порождается причинами более общего — общеэкономического или политического — характера, так что оба они являются независимыми друг от друга следствиями этих общих причин.

Б. Ястремский.

Методы учета населения в петроградской городской переписи 1918 года.

Крайняя изменчивость существующей хозяйственной конъюнктуры, в связи с быстрым чередованием политических событий и происходящей коренной ломкой всего хозяйственного и социального уклада страны, создает весьма неблагоприятную обстановку для статистического учета массовых социально-экономических явлений. Между тем, именно теперь, несмотря на эту неблагоприятную обстановку, статистические работы по своему размаху, разнообразию, широте и ответственности поставленных перед ними заданий, достигли такой степени развития, какой они никогда не достигали в более спокойное время. В течение небольшого промежутка времени проведены две сельскохозяйственные переписи во всероссийском масштабе; летом 1918 года произведены по широкой программе переписи населения обеих столиц; недавно закончены работы по производству всероссийской промышленной и профессиональной переписи; помимо того, большое число анкетных и экспедиционных обследований в области сельского хозяйства, промышленности, торговли и транспорта проведено и проводится отдельными ведомствами и специальными учреждениями, не говоря уже об аналогичных работах областных и местных организаций.

Этот парадоксальный на первый взгляд расцвет статистики объясняется, с одной стороны, скудостью унаследованных новым режимом статистических данных по основным вопросам государственного хозяйства, с другой — общим характером и направлением социально-экономических мероприятий последнего времени, которые требовали для своего обоснования более обширных и подробных, а главное более свежих данных, по сравнению с тем, что имелось в наличных статистических учреждениях.

Приоритетные к потребностям текущего момента, программы новых статистических обследований не имеют обычно тесной преемственной связи с более ранними работами аналогичного характера. Текучесть и изменчивость социально-экономических явлений, характеризующие современные условия жизни, говорят

за то, что эта преемственность вряд ли сохранится и в отношении будущих обследований, в какую бы форму ни вылилось потом наше будущее государственное хозяйство. Добываемые в условиях современной неустойчивой конъюнктуры статистические данные оказываются зачастую устаревшими через несколько месяцев, — иногда через несколько недель, — по занесении их в формуляры обследований, теряя в глазах политического деятеля большую долю своего практического значения и сохраняя лишь значение интересного исторического памятника событий переживаемого времени.

В производимых теперь статистических обследованиях есть однако другая сторона, не представляющая интереса для практического политика, но весьма интересная для статистика, именно, сторона методологическая. Новизна и обширность заданий, устранение многочисленных формальных стеснений, которые в прежнее время сковывали инициативу организаторов работ, большие средства, отпускаемые на производство обследований, все это в совокупности создало благоприятные условия для широкого применения новых методов собирания и разработки данных, методов, которые (поскольку они выдержат испытание на практике) окажут несомненное влияние на постановку будущих статистических работ и их дальнейшее развитие.

К числу обследований, представляющих интерес с этой точки зрения, относится последняя перепись населения Петрограда, усвоившая некоторые методологические приемы, отступающие от обычных традиций народных переписей.

По общему своему типу петроградская перепись представляет обыкновенную перепись, проведенную по принципу однодневности и основанную на учете наличного населения. Несколько отличает ее от других городских переписей та малая роль, которая отводилась в ней самоисчислению; последнее допускалось согласно инструкции только в виде исключения; как правило же, требовалось заполнение формуляров счетчиками. Это различие, однако, нельзя считать существенным, так как фактически каждый из этих способов собирания данных никогда не применялся в чистом виде, и в данном случае, при производстве петроградской переписи большое число переписных формуляров было заполнено самим населением, тогда как в переписях, основанных на самоисчислении, значительная часть бланков заполняется обычно счетчиками. Отличие одного способа от другого скорее количественное, чем качественное, и отражается лишь на пропорции переписного материала того или иного происхождения.

Существенным новшеством является тип переписных формуляров. Учет населения велся на ведомостях, причем применялись

бланки тройкой формы: 1) семейная ведомость, 2) ведомость для одиноких, 3) ведомость для учреждений. Главнейшая особенность здесь — «семейный принцип» учета: счетной единицей в отступление от переписей обычного типа является не квартира и не отдельное лицо, но семья, понимаемая, как «группа лиц, связанных родством или свойством и живущих одним хозяйством или из общих средств» (ст. 4 Инструкции). Лица, проживающие при семье или в одной с нею квартире, но несвязанные с нею родством (жильцы, прислуга, гувернантки и пр.) не попадают в семейную ведомость и записываются сообща в ведомость для одиноких, которая предназначена для учета всего несемейного населения, за исключением обитателей тюрем, больниц и пр., учет коих ведется на специальных ведомостях упрощенного типа.

При оценке указанного нововведения, приходится различать два вопроса: один — о значении семейного принципа вообще, другой — о целесообразности семейной ведомости, как статистического формуляра.

Постановка на очередь в масштабе народной переписи задачи изучения семьи, как одного из важнейших и мало изученных до сих пор факторов социального существования, представляет новшество, которое нельзя не приветствовать. Одним из существенных недочетов народных переписей западно-европейского типа является, на наш взгляд, то одностороннее, «атомистическое» начало, которое кладется в основу их разработки. Объектом применяемых в этой разработке разнообразных группировок, неизменно является отдельное лицо, а не та первичная социальная ячейка, к которой это лицо принадлежит по своему рождению и воспитанию. Те внутренние связи, которые притягивают человека в ряды той или иной социальной группы, в силу факта принадлежности его к определенной семье, остаются при данной системе разработки вне поля зрения исследователя. Нельзя отрицать, например, что в социальном положении рабочего или подмастерья, принадлежащего к семье самостоятельного хозяина, с одной стороны, и рабочего, происходящего из рабочей же среды с другой, может существовать серьезное различие: первый, имея в виду со временем продолжать дело отца, в силу этого может (пусть во многих случаях неосновательно) смотреть на работу по найму, как на временный заработок; второй принадлежит к категории «наследственных пролетариев», для которых случай перехода на самостоятельное положение представляет только исключение из правила; и если первый, таким образом, связывает улучшение своего положения с переходом в высший класс, то второй добивается этого улучшения отчасти путем индивидуальных усилий, отчасти путем коллективной борьбы в рядах рабо-

чего класса, оставаясь и в том и в другом случае в пределах рабочей среды. Отнесение, без дальнейших оговорок, и того и другого к рабочему классу, как это делает народная перепись западно-европейского типа, создает в результате слишком упрощенную схему классовой группировки, и проведение параллельной группировки по критерию семейной принадлежности, при котором класс хозяев рассматривается, как совокупность хозяйских семей, а рабочий класс, как совокупность семей рабочих, представляется вполне обоснованной.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь здесь идет именно о параллельной группировке, не заменяющей, но только дополняющей обычную, ибо просто заменить индивидуальный принцип разработки семейным, значило бы перегнуть палку в другую сторону и дать схему социального строения едва ли не более одностороннюю и искривленную, чем та, которая обычно дается народной переписью. Если огульное причисление потомства самостоятельных хозяев, живущего наемным трудом, к рабочему классу является ошибкой, то отнесение его целиком к классу хозяев представляется еще менее обоснованным: заводский рабочий, принадлежащий к семье уличного торговца, одиночки-ремесленника или крестьянина-парцелиста вряд ли оценивает высоко прелести самостоятельного существования, и отнесение его к классу хозяев по критерию семейной принадлежности в большинстве случаев было бы ошибочным.

Две социальные группы, скрещиваясь в одном лице, оказывают на классовое самоопределение этого лица противоположное влияние, причем относительный вес обоих факторов в отдельных случаях неодинаков: иногда решающую роль играют семейный уклад и традиции, иногда влияние более широкой социальной среды. Перепись, которая считает, но не взвешивает, конечно, не может входить в оценку этих чисто психологических моментов, но судит лишь по формальным признакам. Отсюда ее обязанность дать картину социального расчленения по обоим формальным признакам, как семейному, так и индивидуальному. Если обычная, «атомистическая» группировка может повести к преувеличенной оценке силы отдельных социальных групп, то группировка по семейному признаку указывает пределы возможной ошибки и служит, таким образом, необходимым коррективом к первой.

Изложенным, конечно, не исчерпывается та роль, которую должен играть семейный признак в разработке переписей. Семья не только мостик, соединяющий отдельное лицо с более обширным социальным кругом: в качестве первичной социальной ячейки, она представляет самостоятельный интерес для изучения.

Выяснение среднего размера семьи, характера родственной связи соединяющей ее членов, соотношения в пределах ее работающего и неработающего элементов, изучение различий семейной структуры в городе и деревне, в среде отдельных классов, профессиональных групп, национальностей, все это может дать в распоряжение экономиста и социолога благодарный и малоиспользованный материал для широких научных обобщений.

Необходимость изучения народной переписью семьи и — через семью — всего круга социальных явлений, с ней соприкасающихся, не предвещает вопроса о способах учета, в частности, вопроса о целесообразности формуляра, примененного петроградской переписью.

Для посемейного учета необязательна, конечно, форма «семейной ведомости»: перепись могла бы производиться и с помощью других формуляров, например, квартирных ведомостей с выделением данных о семье в особый отдел, или личных листков, соединенных в общей семейной обложке. Здесь не место входить в подробное обсуждение этого, — по существу, технического — вопроса; отметим лишь, что поскольку идет речь о выборе между «семейной ведомостью» и личными листками, мы неминуемо возвращаемся к старому спору о технических преимуществах ведомости или личной карточки, как переписных формуляров. Вопрос в сущности и не может получить единообразного решения, так как последнее во многом зависит от широты намеченной программы и общего направления разработки, от размеров отпущенных средств и др. чисто конкретных условий, в которых производится перепись и о которых, в отношении петроградской переписи, представляется затруднительным судить со стороны, не имея на руках необходимых данных. Более определенно вырисовываются сравнительные достоинства и недостатки того или иного формуляра, поскольку идет речь о выборе между двумя типами ведомостей — квартирной и семейной. Очевидным достоинством первого из названных формуляров является его простота и дешевизна. Согласно инструкции петроградской переписи, счетчик, переписывая квартиру, должен составить столько «семейных ведомостей», сколько семей в квартире, и, кроме того, одну ведомость для одиноких, в которую заносятся жильцы, прислуга и другие лица, не связанные родством с живущими в квартире семьями. Переписывая по квартирным ведомостям, счетчик заносит все население квартиры в одну ведомость, таким образом, работа осуществляется с меньшей затратой времени и требует значительно меньшего количества бланков. Преимущество семейной ведомости заключается в том, что при разработке данных о семьях она может быть использована, как готовый счетный фор-

муляр, включающий все сведения, относящиеся к семье, как целому, тогда как квартирную ведомость пришлось бы приспособить для этой цели путем особой разметки или путем выписки данных о семьях на особые бланки.

Создание особого «семейного» формуляра имеет, однако, и более широкое, чисто принципиальное значение. Применение семейной ведомости, перенося учет семьи из стадии разработки в стадию собирания данных, тем самым определенно подчеркивает значение семьи, как объекта обследования, и создает необходимость приспособить весь переписной аппарат с его инструкционной частью к более внимательному и точному изучению этого объекта. Выступая в качестве счетной единицы, семья скорее приобретает права гражданства в ряду других демографических и социальных явлений, изучаемых переписью. Наконец, применение семейной ведомости, дает возможность расширить в будущем рамки изучения семьи на ряд вопросов, не входивших до сих пор в круг обследования народных переписей. Нужно отметить, что и в формуляре петроградской переписи семья, как целому, отведено очень мало места: почти все вопросы семейной ведомости, как и в квартирных ведомостях обычного типа, относятся к каждому члену семьи в отдельности; для семьи, как целого, ставится лишь несколько вопросов о жилищных условиях и о числе посторонних лиц (прислуги и пр.) живущих при ней. В формулярах будущих переписей эта комбинация индивидуального и семейного обследований может получить дальнейшее развитие путем постановки новых вопросов, касающихся семьи, как целого, и затрагивающих частью область демографии (напр. вопрос о числе детей, рожденных в браке), частью сферу явлений хозяйственных и социальных (с семейной ведомостью, напр., удобно комбинируется выборочное бюджетное обследование).

Введение семейной ведомости сближает до известной степени городскую перепись с обследованиями земского типа. Однако, сближение это носит пока больше внешний характер: по существу—как в программном, так и в методологическом—отношении между обоими типами обследований остается глубокое различие.

В городской переписи основной единицей счета является каждый член семьи в отдельности, попадающий при разработке в ту или иную демографическую или социальную группу, в зависимости от его личных свойств и независимо от факта принадлежности его к семье того или иного типа. Семейное производство в городе распространено слабо, являясь больше пережитком прошлого; городская семья соединена только узами родства и общего потребительного хозяйства. В соответствии с этим, городская семья, как самостоятельный объект изучения, представляет

гораздо меньший интерес, по сравнению с сельской, и в общей системе разработки городской переписи изучение семьи будет неизбежно отступать на второй план. Объектом земского обследования является семья-хозяйство, рассматриваемая, как производительная и потребительная ячейка. Семья является живым рабочим организмом производительного хозяйства, одним из его составных элементов, наряду с другими элементами (посев, скот, инвентарь) определяющими его мощност; отдельные члены семьи рассматриваются вне зависимости от их индивидуальных свойств, только как члены семейно-хозяйственного коллектива (работник, едок). Нужно отметить, однако, что это обезличивание отдельных членов крестьянской семьи, часто стесняло земскую статистику в разрешении поставленных ею задач, особенно в промышленных губерниях, где собственное земледельческое хозяйство крестьянской семьи составляет только один из источников существования последней, и где в среде отдельных ее членов наблюдается определенно выраженная дифференциация промысловых занятий и даже социального положения; в связи с этим, некоторыми земскими бюро были применены личные карты для переписи промышленников, и таким образом похозяйственное обследование дополнялось обследованием индивидуальным.

Мы видим, отсюда, что параллелизм индивидуального и группового обследования не чужд и земской статистике, чем до некоторой степени намечается линия, по которой может пойти сближение обоих типов переписей. Осуществится ли это сближение фактически, какую окончательную форму оно может принять, и в какой мере оно вообще желательно, этот вопрос выходит из рамок настоящей статьи; здесь мы отметим только, что почва для объединения в значительной степени подготовлена сельско-хозяйственными переписями 1916 и 1917 гг., которые, применив земские статистические методы в общегосударственном масштабе, вывели земскую статистику из того состояния обособленности, в котором она находилась в течение своего полувекового существования.

Второй существенной особенностью петроградской переписи является та постановка, которую получает в этой переписи вопрос об источниках средств существования и занятиях населения. Вопрос этот, как можно уже судить по количеству места, которое ему отводится, является в петроградской переписи центральным: посвященный этому вопросу отдел занимает половину переписной ведомости (всего 17 граф) и заключает нижеследующие сведения.

I. Источники средств существования в настоящее время: а) главный, б) второстепенные.

II. Сведения о занятиях (заработках) в настоящее время: а) занятие, служащее главным источником средств существования: 1) род выполняемых работ или профессия и специальность, 2) в каком предприятии или учреждении лицо занято, 3) положение лица в промысле, 4) если хозяин, то сколько у него занято служащих и рабочих, учеников, помогающих членов семьи, 5) где производится работа; б) занятия, служащие второстепенным источником средств существования, в) отметка о заработках.

III. Источники средств существования в 1917 г. и ранее (для лиц, у которых эти источники с 1917 г. изменились): а) главный источник средств существования в 1917 г. или ранее, б) занятие, служившее в 1917 г. или ранее главным источником средств существования: 1) род выполнявшихся работ или профессия и специальность, 2) в каком предприятии или учреждении лицо было занято, 3) положение лица в промысле, 4) время потери работы, 5) за сколько недель вперед выдано ликвидационное вознаграждение.

В качестве наиболее интересных особенностей этой программы необходимо отметить следующие:

1) Вопрос об источниках средств существования отделяется петроградской переписью от вопроса о занятиях, в отличие от обычного типа народных переписей как русских, так и иностранных, где оба вопроса ставятся вместе.

Это разделение является, на наш взгляд, весьма существенным методологическим завоеванием.

Вопросы о занятиях и об источниках средств существования соединены между собой теснейшей связью, но связь эта не является безусловной и общезначимой: обычно, то основное занятие, которому посвящает себя определенное лицо, является для него одновременно источником средств существования, однако, мыслимы случаи, правда крайне редкие, когда это занятие не приносит никакого дохода и осуществляется лицом из побуждений нематериального характера (врач, оказывающий бесплатную помощь, английские мировые судьи). С другой стороны, в массе случаев средства существования не добываются личным трудом: домовладельцы, рантье, малолетние члены семьи, лица, призреваемые в приютах и богадельнях—все они обязательно имеют какой-нибудь источник средств существования, но могут не иметь никаких личных занятий. Оба вопроса—о занятиях и об источниках прокормления—имеют совершенно различное принципиальное значение: первый касается затраты и распределения общественного труда, второй имеет дело с распределением общественного дохода. Смешение обеих точек зрения, как показала практика и наших и западно-европейских переписей, порождало постоянно массу недоразумений как при собирании, так и при разработке данных. Поскольку речь шла об учете лиц, существующих только доходом от своих личных занятий, или, напротив, живущих исключительно на нетрудовые средства, дело обстоит сравнительно просто. Но в случаях (весьма многочисленных), когда регистриро-

валось лицо, кормящееся из двух источников—трудового и нетрудового—смешение двух точек зрения приводило к путанице, от которой неизбежно терпело ущерб освещение каждого из этих вопросов. Поясним это положение на конкретном примере. В семье взрослая дочь, в целях пополнения семейного бюджета, работает на модный магазин; при этом оплата труда настолько низка, что не покрывает и половины тех средств, которые девушка получает от семьи. Если перепись рассматривает вопросы о занятиях и об источниках средств существования нераздельно, то данное лицо может быть зарегистрировано или по главному источнику прокормления, как живущее на средства семьи—или по занятию—как работающее в модном магазине. В первом случае, мы, очевидно, имели бы в результате неполный учет лиц, занятых в конфекционной промышленности, во втором—пострадал бы учет домочадцев, живущих на средства семьи. Вопрос разрешается в зависимости от того, что выдвигается переписью на первый план—учет занятий или учет источников пропитания, и какую соответствующую формулировку получают относящиеся сюда параграфы инструкции. Иногда эти вопросы не находят совершенно освещения в инструкционной части, и разрешение их в конкретных случаях предоставлено самому опрашиваемому или счетчику.

Неполнота учета занятий, получающаяся в результате указанного положения вещей, несколько смягчается, поскольку перепись наряду с главными учитывает и побочные занятия; методологическая путаница при этом, однако, только усиливается, так как и побочное занятие смешивается в практике переписей с побочным источником средств существования. Так, напр., германская статистика профессий создает обширную переписную категорию «Angehörige ohne eigenen Hauptberuf»—т.-е. члены семьи, не имеющие главного занятия, которые, однако, могут иметь занятие побочное; столь необычная группировка и соответствующая ей странная терминология могла создаться только в результате смешения указанных двух точек зрения. Девушка, работающая на магазин, в указанном нами примере, попадает, согласно германской схеме, именно в эту переписную категорию—несамостоятельных в главном занятии, но самостоятельных в побочном—несмотря на то, что работа эта является ее единственным, а, следовательно, главным занятием, служа лишь побочным источником дохода.

Ясно, что при раздельной постановке вопросов, как это имеет место в петроградской переписи, разрешение вопроса для данного нами случая не представило бы затруднений: в графе об источниках средств существования проставляется, что данное

лицо живет на средства семьи, а в графе о занятиях отмечается соответствующим образом род его занятий. Наличие в формуляре петроградской переписи графы о второстепенных источниках средств существования позволяет достигнуть еще большей точности записи, которая зафиксировала два источника средств существования: «средства семьи» (главный) и «занятие» (второстепенный).

2. Другая особенность постановки вопроса о занятиях в программе петроградской переписи заключается в том подчеркнутом объективном значении, которое перепись вкладывает в слово «занятие». Под занятием понимается реальная, фактически производимая работа, независимо от того, совпадает ли она с профессией или специальностью, к которым принадлежит или считает себя призванным определенное лицо, в силу своей первоначальной подготовки или по своим склонностям. «Под занятием в настоящее время» — говорится в инструкции (ст. 23)—«разумеется то, которым кормилось лицо к моменту производства переписи, хотя бы это занятие было случайным или временным; — для бывшего офицера, продающего газеты, записывать в гр. 20, как занятие, продажу газет; слесаря, поступившего в красную армию, записывать красноармейцем».

В обозначении занятия совершенно не оставляется места субъективному усмотрению — показываться должна фактическая деятельность лица, а не та работа, к которой оно считает себя подготовленным или призванным. Объективный смысл, придаваемый слову «занятие» подчеркивается тем фактом, что учитываются только занятия, доставляющие лицу средства к существованию. «Под словом занятие» указывается в инструкции (ст. 21) «разумеется всякая работа, физическая или умственная, приносящая лицу, которое ее выполняет, денежный или натуральный доход». К занятию, таким образом, присоединяется в качестве необходимого сопроводительного признака момент доходности, что определенно делает вопрос о занятии вопросом факта, независимым от личного самоопределения.

Приводимые выше инструкционные указания относились к учету занятий «в настоящее время», т. е. совпадающих с моментом переписи. Кроме них, переписью учитывались также и прежние занятия тех лиц, которые переменяли род занятий в 1917—1918 гг. Принципиальные основания учета оставались здесь одни и те же: занятие и здесь понималось в объективном его значении, что определенно подчеркивалось приурочением его к определенному периоду времени (1917 г.) и оставлением для него в силе тех указаний инструкции, которые относились к современным занятиям.

Такая постановка вопроса, естественно, напрашивается на определенные возражения. В какой мере полезно основывать учет занятий на той фактической, часто случайной и временной, работе, которая выполнялась населением в момент переписи? Не представляется ли более интересным и заслуживающим изучения дать картину распределения труда по тем занятиям, к которым отдельные лица принадлежат или по своей профессиональной подготовке или благодаря длительной работе в данной отрасли труда, породивших в этих лицах чувство социальной связи с определенной трудовой группой? Если же учет фактических занятий для настоящего времени вызывается практической необходимостью, то, казалось бы, прежние занятия должны были учитываться на основании совершенно иных принципов, отмечающих все случайное и преходящее и фиксирующих нормальное распределение общественного труда, сложившееся под влиянием постоянно действующих социальных факторов. Полученная таким путем картина, казалось бы, могла служить лучшим мерилем отклонений современной трудовой дифференциации от нормального типа, чем данные о фактических занятиях населения, приуроченные к 1917 году.

Несмотря на кажущуюся основательность такого рода сомнений, нам представляется все же, что петроградская перепись, взяв в основание учета фактическое занятие, стала на совершенно правильный путь.

Поскольку идет речь об учете занятий населения в момент переписи, вопрос на наш взгляд возбуждает мало сомнений: не только с практической,¹⁾ но и с научной точки зрения представляет колоссальный интерес то «ненормальное» распределение занятий, которое наблюдалось в указанный момент. Только учет фактических занятий мог надлежащим образом охарактеризовать социальный уклад петроградского населения в данный период времени и тот громадный сдвиг, который испытал этот уклад по сравнению с предшествующими годами. Остается, таким образом, вопрос, из чего исходить в оценке происшедших изменений: из картины — ли распределения фактических занятий, приуроченной к определенному году, как это сделала петроградская перепись, или из картины «нормального» разделения труда, — из «обычных» занятий населения, как они рисуются субъективному сознанию опрашиваемых.

Второй путь представляется несомненно более заманчивым: при изучении разделения труда и основанной на нем социальной

¹⁾ Одна из главных задач, первоначально поставленная переписью (организованной по инициативе Петроградской Продовольственной Управы) заключалась в представлении материалов для введения классового пайка, каковая задача для своего выполнения требовала учета именно фактических занятий.

дифференциации, врач, портной, токарь или бухгалтер представляют главный интерес именно, как таковые, независимо от той фактической работы, которую они выполняли в тот или иной период времени. Токарь, который и в день переписи и в предшествующем году был занят работой не по своей специальности, напр. в качестве чернорабочего, будет учтен переписью в обоих случаях, как чернорабочий; таким образом, весьма интересный в социальном отношении факт несоответствия между изученной специальностью и фактически выполняемой работой останется неосвещенным. Чтобы охватить такого рода явления, перепись должна была ставить вопрос не о конкретных занятиях в определенный период времени (в данном случае в 1917 г.), но о занятиях, соответствующих профессиональной подготовке опрашиваемых.

Очевидно, однако, что принимая профессиональную подготовку в качестве признака, определяющего «подлинное» занятие лица, мы стали бы на весьма шаткую почву. Понятие «профессиональной подготовки» имеет совершенно ясный смысл в условиях средневекового цехового строя с его последовательными стадиями обучения мастерству. В современных условиях срок обучения занятию варьируется в крайне широких пределах: на ряду с высоко квалифицированными занятиями, требующими долголетней предварительной подготовки, существует масса занятий, совершенно не требующих обучения, в промышленности же располагается не менее многочисленная группа занятий с коротким или средним сроком обучения. Дать какой-нибудь внешний признак или установить срок, какая подготовка является «профессиональной», т. е. достаточной для признания принадлежности лица к определенной специальности или профессии представляется в данных условиях невозможным. Остается другой рекомендуемый путь — предоставить установление профессии личному самосознанию опрашиваемого, но в громадном числе случаев это значило бы апеллировать к пустому месту. При возможности рассчитывать во всех затруднительных случаях на помощь профессионального самосознания, перепись занятий была бы делом очень несложным; фактически однако, субъективное сознание при ответах на вопросы переписи цепляется за определенные внешние признаки, и чем осязательнее эти признаки, тем более точного ответа можно ожидать. В условиях средневекового строя связь лица с его профессией получала вполне определенное внешнее выражение в форме принадлежности к цеху; теперь, когда лицо не прикреплено к определенному занятию, но может без особо больших затруднений менять сферу приложения труда, это лицо при указании своего занятия в переписной ведомости, в виду отсутствия у него чувства внутренней

связи с какой-либо определенной профессией, будет опираться на внешние признаки и, в сомнительных случаях, искать этих признаков в инструкциях переписи. Ясно, что ссылка на личное самосознание, которую опрашиваемый найдет в этой инструкции, ни в какой мере не разрешит его сомнений.

Необходимо указать также, что обращение к индивидуальному сознанию содержит и другую опасность, которая заключается в консерватизме этого сознания. Лицо, перешедшее из одной отрасли труда в другую, сохраняет долгое время психологию той социальной среды, из которой оно вышло, и сознание его прилепляется к занятию, с которым оно фактически порвало все связи: так фабричный рабочий, окончательно осевший в городе, но сохранивший ту или иную связь с деревней, может долго сохранять привычки и психологию крестьянина и в графе занятий показать себя крестьянином. Особенно вредным для результатов переписи этот консерватизм сознания может оказаться именно в последнее время — период усиленной мобилизации труда, связанной с полной перестройкой всего хозяйственного организма страны, последовавшей во время войны и революции. Индивидуальное сознание, прилепившееся к старым изжитым уже социальным формам, может серьезно исказить реальную картину разделения труда, сложившегося в результате объективного исторического процесса.

Мы видим, таким образом, что апеллируя к профессии или изученной специальности, как основе учета, и к субъективному сознанию, как источнику сведений, мы рискуем впасть в серьезные практические затруднения и в результате дать искаженную, оторванную от действительности картину дифференциации труда. Если же принять во внимание, что число профессий, требующих долголетней подготовки относительно весьма скромно, и что число случаев, когда эти профессии не совпадают с реальной работой, выполняемой лицом, весьма немногочисленны, мы можем с полным основанием заключить, что, несмотря на весь интерес, который представляет учет этих случаев, результаты учета не могут окупить тех невыгодных последствий, которыми применение данного метода угрожает исследованию занятий населения в его целом.

3. Третьей, заслуживающей внимания, особенностью в учете занятий петроградской переписи является детальность этого учета. Переписная ведомость требует: 1) точного указания рода занятия вплоть до обозначения — для фабрично-заводских рабочих — группы и категории по тарифу, 2) подробного поименования учреждения или предприятия, в котором лицо занято с указанием адреса предприятий, 3) обозначения социального ранга, т. е. по-

ложения лица в промысле (хозяин, служащий, рабочий). В данном отношении петроградская перепись следует лишь тому направлению, которое усвоено за последние годы заграничной переписной практикой, требующей возможно более подробного и всестороннего описания занятий; в частности переписью определенно проводится разграничение между личным занятием и отраслью производства, в которой лицо занято. Смещение этих понятий, наблюдавшееся в переписях западно-европейского типа, являлось весьма существенным дефектом их, от которого они освобождаются лишь в самое последнее время.

Детальность учета ведет к некоторой громоздкости построения отдела о занятиях, которым, как мы видели, посвящено весьма значительное количество граф. Обилие граф в данном случае, однако, не может вредить успешности обследования, но скорее способствует ему, так как здесь ставится в сущности лишь один вопрос, только в расчлененном виде, лучше приспособленном для понимания опрашиваемого и счетчика.

Может возбудить сомнение необходимость постановки для фабрично-заводских рабочих вопроса о группе и категории по тарифу; вопрос этот, однако, не имеет самостоятельного значения и служит лишь вспомогательным признаком для распознавания занятия.

Отмеченным выше исчерпываются наиболее интересные методологические особенности петроградской переписи. В других отношениях программа ее мало отличается от обычного типа; в части чисто демографической перечень вопросов является даже несколько сокращенным, по сравнению с программами городских переписей нового времени. Перечисленных особенностей, однако, на наш взгляд вполне достаточно, чтобы признать за петроградской переписью, помимо общего научного и практического значения, которое имеют такого рода обследования, также и значение интересного методологического опыта, с результатами которого, нужно надеяться, мы будем иметь возможность ознакомиться в ближайшее время.

Г. Поляки.

Постановления Международного Статистического Института.

(По четырнадцатой первой его сессии).

Глубокое сознание необходимости единства государственной статистики во всей стране и достижения сравнимости материалов, собираемых в различных государствах, нашло себе полное отражение в положении о русской Государственной статистике, опубликованном 30 июля 1918 года.

В этом положении впервые говорится о согласовании работ по русской статистике с работами по статистике других государств и признается необходимым участие представителей русской статистики в работах Международного Статистического Института, Конгрессов и других международных учреждений и собраниях по вопросам международной статистики.

Такое положение вещей ставит на очередь вопрос об ознакомлении статистических учреждений с теми постановлениями, которые были вынесены Международным Статистическим Институтом на первых четырнадцати его сессиях.

Свод постановлений не раз уже делался членами Международного Статистического Института, так в 1903 году такая работа впервые была выполнена Жаком Бертильоном; затем нынешний генеральный секретарь Института Н. W. Methorst составил свод постановлений Института за 12 первых сессий, а в издании «*texte des vœux émis par l'Institut internationale de statistique dans les treize premières sessions*» опубликованном в 1913 году, дает свод постановлений за первые тринадцать сессий. В издании этом приведен не только текст постановлений, но и те образцы опросных формуляров, таблиц для разработки материалов, инструкций и номенклатур, которые были приняты Институтом на означенных сессиях.

В основу настоящего обзора и положено это официальное издание Международного Статистического Института, причем из

ставляется невозможным. Только тогда, когда будет составлен общий каталог слов, выяснено их количество, можно будет уже чисто эмпирически установить основные типы, произведя примерную разбивку слов, хотя бы на первые три буквы алфавита.

После того как размещение материала и определение размеров статей будет произведено, статьи могут быть розданы отдельным сотрудникам и наступает заключительный момент работы — выпуск издания.

В заключение нелишнее остановиться на одном возможном возражении против издания статистической энциклопедии. Составление всякой энциклопедии, да еще энциклопедии специальной, есть своего рода подведение итогов в развитии науки в той или иной области. Но быть может статистика является еще настолько незаконченным зданием, что подведение каких-либо итогов не будет ли делом преждевременным?

Мне это возражение представляется несущественным и по существу неверным. Правильно, что статистика является научной дисциплиной далеко еще незаконченной, но никогда ни одна наука не будет законченной, ибо остановка научных достижений лишает знание элемента научности. По существу нет ни одной науки, ни одной области знания, о котором мы могли бы сказать, что мы имеем законченное здание. Вопрос скорее идет о прочности фундамента. Ни одну минуту не может быть сомнения в том, что в настоящее время статистика таким прочным фундаментом обладает. И если во всем здании статистики мы сталкиваемся с разнотильностью, с несогласованностью отдельных частей, то с еще большей уверенностью можно сказать, что осуществление планов такого большого задания, каким является составление статистической энциклопедии, в свою очередь должно иметь колоссальное значение не только для статистической практики, но и для самой статистической науки. Являясь как бы своего рода смотрам статистической теории и практики, энциклопедия должна сыграть великую стимулирующую роль и для развития статистики, как научной дисциплины. Все это, думается, еще с большей отчетливостью подчеркивает всю важность осуществления предлагаемой энциклопедии.

М. Ф. Заменгоф.

Распределение производства по территории России.

(К вопросу об экономическом единстве России).

I.

Разделение Русского государства, в результате войны и затем революции, на целый ряд республик выдвигает проблему экономического сожития этих новообразований — частей некогда единого целого. Российское государство, образовывавшееся в течение веков, прожило достаточно времени для того, чтобы сложиться в целостный экономический организм с приспособлением частей к нуждам целого. Россия, раскинувшаяся на огромных пространствах, занявшая значительные части двух материков, с великим разнообразием климатов и почв, находилась в счастливом положении, так как располагала почти всем необходимым для самостоятельной экономической жизни — всеми главнейшими источниками сырья, в виде руд, угля, лесов, хлопка, льна и пр. При долгой совместной жизни различные части обширной Империи спаялись в единое целое, будучи теснейшим образом связаны железнодорожной сетью и водными артериями, непрерывным обменом своих произведений.

Едва ли нужно объяснять, что распределение производства по стране сложилось в результате экономических отношений, отчасти в связи с расположением источников сырья и ни в какой связи не стоит с этнографическим составом населения. Между тем наблюдающееся расчленение Русского государства идет именно в плоскости национальных группировок.

Я не касаюсь вопроса, насколько законно такое расчленение, насколько оно жизненно и отвечает потребностям населения; также не желаю выступать в роли пророка и предвидеть, во что в конце концов выльется процесс государственного строительства в пределах бывшей Российской Империи. Считаю только необходимым указать, что разделение государства на самостоятельные государственные ячейки безусловно стоит в коренном противоречии с экономическими отношениями и интересами. Совершенно

очевидно, что целый ряд новообразованных республик не будет в состоянии вести самостоятельной экономической жизни. Взять хотя бы для примера Белорусскую республику, лишенную доступа к морю, совершенно не имеющую ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности, живущую только сельско-хозяйственным и лесным промыслами, или Туркестан, все благосостояние которого основано на хлопководстве, да отчасти на изобилии скота, но который в то же время не только не развил у себя промышленного производства, но не способен прокормить свое население собственным хлебом и нуждается в привозе нескольких миллионов пудов пшеницы. С другой стороны, переживаемый момент наглядно указывает, в каком положении очутится центральная Россия, с развитой обрабатывающей промышленностью, но лишенная угля, нефти, хлопка и др., лежащих за ее пределами—в случае если окраины отделятся от нее окончательно.

Разделить Россию на ряд национальных обособленных государств—значит резать по живому телу. Другое дело, если отдельные национальные образования, получив автономию, обезпечивающую интересы национальности, останутся соединенными в экономическом отношении, и мы получим Федеративную Российскую Республику, с общей таможенной границей, однообразными железнодорожными тарифами, единой монетной единицей и т. д. Тогда восстановятся экономические связи, и каждая часть Федерации получит возможность беспрепятственного развития своих производительных сил.

Такому естественному исходу противодействуют, с одной стороны, центробежные стремления некоторых националистически настроенных кругов (в роде украинских «самостийников» или литовских националистов и др.); с другой, процессу воссоединения России могут мешать своекорыстные расчеты некоторых держав, заинтересованных в раздроблении и ослаблении России и в эксплуатации отторгнутых от нее частей.

Задачей настоящего очерка является—показать, как распределяются по территории России производительные силы, чтобы судить, насколько самостоятельное существование могли бы вести отдельные части в намечающихся сейчас национальных группировках. Освещение вопроса в указанном смысле отвечало бы жгучей практической потребности переживаемого времени.

Я уже сказал, что отдельные части России стремятся к обособлению на национальной основе. В принципе каждая отдельная более или менее крупная народность — поляки, литовцы, латыши, эстонцы, грузины и т. д. желают установить границы,

совпадающие с расселением их народности; на практике, правда, переходят эти границы; литовцы стремятся включить в состав Литвы и местности с чисто белорусским населением; Польша тоже претендует на значительную часть Белоруссии и т. д., но это уже другое дело. Мы не знаем, как определятся в конце концов границы национальных государств в пределах России; и никто этого сейчас не знает. Поэтому следовало бы держаться принципиальной основы и приблизительно наметить границы, сообразно с этнографическим составом населения (по данным переписи 1897 г., других достоверных данных, более современных, не имеется). Но тут мы наталкиваемся на капитальную трудность: пришлось бы делать поуездную группировку, но так как промышленные анкеты производились в погубернском масштабе, то при такой поуездной группировке было бы невозможно уяснить распределение промышленного производства по территориям национальных районов. В погубернской же группировке нельзя дать точного разграничения национальных районов. Что такое, например, Литва?—Ковенская и Сувалкская губернии полностью, северная часть Гродненской и северо-западная часть Виленской губерний. Что такое Латвия?—Курляндская и половина (правда, большая) Лифлянской губернии. Другая половина Лифляндской и вся Эстляндская губерния заселены эстонским племенем. Как же распределить губернии по национальным районам? Приходится делать это грубо, с большими натяжками, но другого исхода нет.

Я в предлагаемом очерке провожу следующие деления:

1. Польша, в составе 9 губерний бывшего Царства Польского, без Сувалкской губернии. (Польша берется до выделения Холмщины).
2. Литва — губернии Сувалкская, Ковенская, Гродненская и Виленская.
3. Латвия — губернии Курляндская и Лифляндская.
4. Эстония — губерния Эстляндская.
5. Белоруссия — губернии Минская, Могилевская и Витебская. (Смоленская губ. относится часто к Белоруссии по чистому недоразумению; только один Краснинский уезд населен белоруссами, в остальных уездах преобладает великоросское население).
6. Украина — губернии Волынская, Подольская, Киевская, Херсонская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская и Таврическая.
7. Бессарабия — губерния Бессарабская.
8. Юго-Восточный район — Донская, Астраханская, Ставропольская, Терская, Кубанская и Черноморская губ.
9. Закавказье — (деление на Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую).

бейджанскую республики совершенно невозможно в погубернском масштабе).

10. Туркестан—Закаспийская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская области (Семиречье резко отличается от Туркестана и экономически, и этнографически; отделено от него и географически непроходимыми горными цепями; наоборот, во всех этих отношениях связано с Семипалатинской областью).

11. Сибирь—кроме губерний и областей Сибири относим сюда и области Степного Края и Семиреченскую обл.

12. Великобритания—все остальные, т.е. Центральная, Северная и Восточная Россия примерно по Урал.

Вот по этим 12 территориям я и буду исследовать распределение производства.

II.

Начинаю свой обзор с сельскохозяйственных продуктов. Но сначала несколько слов о характере материала. Я останавливаюсь на том моменте, в котором застала Россию великая мировая война, т.е. на моменте нормальной экономической жизни. Военное время внесло в экономику страны много пертурбаций, обусловленных нуждами войны, а также и ее последствиями, почему цифры производства за время войны и не следует принимать в расчет, как извращения по сравнению с нормальным временем; к тому же во время войны целые области были заняты неприятелем, почему в отношении их не имеется данных.

В отношении сельскохозяйственного производства я беру результаты исследования, предпринятого Московским Биржевым Комитетом в связи с Брестским договором. В указанной работе намечалась цель определить нормальную сельскохозяйственную производительность накануне войны; для этого не годились цифры одного какого-нибудь года, как случайные, вследствие колебания урожаев и изменений посевных площадей; не годились и цифры средние за известный период, напр., пятилетие 1909—1913 гг., так как для изменения посевных площадей нерационально брать средние цифры. В тех случаях, когда площадь под какой-либо культурой (напр. пшеницей) непрерывно растет из года в год (во многих уездах на Юге, Сев. Кавказе, в Сибири и др.), исследователь брал цифру последнего года—1913 г., как именно нормальную; если, при определенной тенденции к возрастанию (или сокращению), таковое происходило с некоторыми колебаниями, то бралась средняя за последнее трехлетие 1911—1913 гг.; но все же в большей части случаев, вследствие колебания посевных площадей около некоторого среднего уровня, принималась сред-

няя за 5-летие 1909—1913 гг. Урожай принимался средний за 8-летие 1906—13 гг. (с типическим соотношением урожайных, неурожайных и посредственных годов). Наконец, население принималось по работе А. Е. Лосицкого для Московского Народного Банка.

Производительность по 12 выше указанным районам для пяти главнейших хлебов получается следующая (в миллионах пудов).

Районы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Кукуруза.	Гречиха.	Просо.	Полоба.	Горех, яблонь, вишня, слива, абрикос.	Рис.	Картофель.
1. Великобритания . .	279	746	64	473	0,4	28	69	8	28	—	650
2. Юго-Восток и Сев. Кавказ . . .	272	33	155	37	23	0,4	22	0,1	0,6	0,1	44
3. Сибирь и Степной Край . . .	224	55	23	127	0,4	3	17	0,2	2	0,3	65
4. Туркестан . . .	51	2	12	1	3	0,1	13*)	0,3	0,7	14	2
5. Закавказье . . .	43	1	24	0,6	17	—	0,8	0,4	0,2	2	6
6. Украина . . .	387	213	272	139	35	26	32	—	21	—	316
7. Бессарабия . . .	33	11	37	5	55	—	0,2	—	0,6	—	7
8. Белоруссия . . .	3	61	14	31	—	4	0,9	—	2	—	176
9. Литва . . .	7	70	17	35	—	2	0,1	0,1	5	—	155
10. Латвия . . .	3	20	13	19	—	0,1	—	—	1	—	48
11. Эстония . . .	0,2	4	3	3	—	—	—	—	0,2	—	28
12. Польша . . .	35	124	33	60	—	4	2	0,1	9	—	595
Итого . .	1 337	1 340	667	930	134	68	157*)	9	70	16	2 092

Является вопрос, в каких из указанных районов имеются излишки для вывоза и какие районы нуждаются в привозе. Ответить на это можно двумя способами: 1) пересчитав производство на 1 жителя и 2) обратившись к статистике хлебных перевозок. Я приведу расчеты и потому и по другому способу.

Приведенные здесь количества хлебов исчислены по данным урожайной статистики Центрального Статистического Комитета, как известно, не отличающейся большой точностью, что и необходимо иметь в виду. Как признают почти все исследователи, критически подходившие к данным Центр. Статист. Комитета, урожайность выводилась им, как общее правило, ниже действительной. С другой стороны, Стат. Комитет недоучитывал посевные площади по областям Степного Края и Сибири, что явно обнаруживается при сличении с данными сельскохозяйственной переписи 1916 года. В виду этих соображений я считаю количества производства хлебов, приведенные в выше помещенных двух таблицах для Сибири и Степного Края, сильно преуменьшенными.

*) Вместе с просыном сорго (джугара).

Потребность населения в хлебах далеко не одинакова по разным районам; в тех районах, где большое производство картофеля, население потребляет хлеба меньше, чем на юге и в восточных областях с малым производством картофеля. С другой стороны, на юге также больше хлебов идет на корм скоту, в виду значительно меньших количеств сена. Принимать одну общую потребительную норму хлебов для всей России невозможно. Я пользуюсь нормами, выведенными в издании Московского Областного Продовольственного Комитета «Урожай хлебов в России в 1917 году», хотя должен оговориться, что нормы для Сибири и Степного Края в 35,6—39,2 пуда на 1 душу населения — нормы, в 1½ раза превышающие среднюю для России и более чем в 2 раза превышающие норму для Центр. Промышленного Района, — я считаю слишком преувеличенными и мало обоснованными; с другой стороны, норма для Туркестана — 15 пуд. слишком низка. Эти неправильности в нормах, в связи с преуменьшением посевных площадей и урожайности, изыражают и количество излишков и недостатков для указанных районов, исчисленные по способу сравнения производства с потребностями по нормам, как видно из следующей таблицы *):

	Население. тыс. душ.	Потреб- ность по нормам. милл. пуд.	Прозвод- ство хлебов. милл. пуд.
Великороссия	64.135	1.438	1.695
Юго-восток и Сев. Кавказ	10.356	308	543
Сибирь и Степной край	15.341	581	452
Туркестан	5.879	88	97
Закавказье	7.196	126	89
Украина	30.131	728	1.125
Бессарабия	2.428	67	142
Белоруссия	6.930	144	116
Литва	6.187	142	136
Латвия	2.334	60	56
Эстония	457	12	10
Польша	11.665	301	267

В таблице бросаются в глаза несообразности в отношении Сибири и Туркестана, так как достаточно известно, что, наоборот, Сибирь и Степной край имеют излишки хлебов, Туркестан же нуждается в привозном хлебе. Как уже сказано выше, эти несообразности следует объяснить недоучетом посевных площадей

*) Население принято по упомянутой ранее работе А. Е. Лосицкого; потребность в хлебах исчислена по нормам, приведенным в указанном уже исследовании об урожае 1917 года.

в Сибири и особенно Степном крае и преувеличением, а для Туркестана — преуменьшением норм потребностей. Но, кроме того, имеем основание думать, что для Центрального Промышленного района и прилегающих местностей нормы потребностей также несколько преуменьшены; а в действительности излишки по Великороссии должны быть очень скромными. Но, за сделанными оговорками, таблица все же заслуживает внимания; во-первых, она указывает на огромные излишки на Украине и Бессарабии; в значительной мере за счет этих излишков и шел наш хлебный экспорт; если же прибавить сюда район Донской области и Сев. Кавказа, то в сущности и будет исчерпан тот запас, которым питался наш zahraniчный экспорт. Великороссия, в очерченных пределах, будет в состоянии себя прокормить, но сколько-нибудь значительными излишками для вывоза не располагает, получит их только присоединив к себе Дон и Сев. Кавказ. С другой стороны, ряд западных республик — Белорусская, Латышская, Эстонская, Литовская, а также Закавказье будут принуждены жить привозным хлебом, и для них, особенно для Латвии и Белоруссии, встанет вопрос о соответственном эквиваленте для вывоза. Не имея развитой промышленности, эти области должны будут обратить особенное внимание на сбыт своего промышленного сырья. До сих пор этот сбыт — лес, лен и др. — шел во внутренние русские области беспошлинно; сохранится ли этот порядок при государственном обособлении, если бывшие области России не объединятся экономически, вступив между собою в таможенный союз?

Указанные несообразности предыдущей таблицы побуждают, в виде корректива, привести другую таблицу, основанную на транспортной статистике, где по каждой из областей посчитаны привоз и вывоз за ее пределы по железнодорожным и водным путям (включая ряд приграничных областей и движение грузов в zahraniчной торговле и каботаже). Подобные данные, сгруппированные за достаточно продолжительный период, напр. за 5-летие (чтобы избежать случайных колебаний в зависимости от урожая), дадут фактическую картину излишков и недостатков. Такую сводку находим в работе управления делами Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу «Производство, перевозки и потребление хлебов в России»¹⁾. Пользуясь данными этой работы, приводим следующую таблицу для намеченных нами районов, где в тысячах пудов показаны излишки (превышение вывоза над привозом) знаком + и

¹⁾ Для пшеницы, ржи, ячменя и овса данные сгруппированы за 1909—1913 г.г., для других хлебов — за 1912—1914 г.г.

недостатки (превышение привоза над вывозом) знаком —, причем по соответствующим хлебам мука и крупы посчитаны вместе с зерном, в переводе на зерно.

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Кукуруза.	Просо.	Гречиха.
Великороссия . . .	+ 19.466	+16.645	— 2.662	+72.264	— 2.340	—1.700	+3.450
Юго-Вост. и Сев. Кавказ . . .	+128 292	+ 8 310	+ 78.018	— 2.039	+10.380	+5.260	— 220
Сибирь и Степн. край . . .	+ 7 033	+ 1 149	— 640	+ 339	— 150	+3.120	— 200
Туркестан . . .	— 13.897	— 414	+ 321	— 1.094	— 2.380	— 180	— 40
Закавказье . . .	— 15.837	— 1.251	— 326	— 533	+ 3.020	— 280	— 10
Украина . . .	+169.363	+29 898	+121.079	+ 9 242	+ 2.800	— 620	+4.170
Бессарабия . . .	+ 9.547	+ 4.440	+ 24.399	+ 445	+21.890	— 20	— 50
Белоруссия . . .	— 7.851	— 3.374	— 41	— 1.583	— 240	—1.460	— 530
Литва . . .	— 5.223	— 965	+ 606	— 476	— 260	— 450	— 410
Латвия . . .	— 4.535	— 2.500	+ 597	— 794	— 350	— 70	+ 120
Эстония . . .	— 1.580	— 256	— 279	— 164	— 850	— 10	— 10
Польша . . .	— 11.431	— 7.131	+ 2.783	— 6 665	+ 80	—2.590	—1.170
Всего . . .	+273.347	+44.551	+223.855	+68.942	+32.600	+1 000	+5.100

В общем районы излишков и недостатков хлебов намечаются те же, что и в предыдущей таблице, с двумя исключениями, о которых мы выше упомянули, касающимися Туркестана и Сибири. По статистике перевозок Туркестан оказывается нуждающимся в хлебном привозе, Сибирь же имеющую излишки для вывоза, что соответствует общеизвестным фактам. Сибирь, при своих обширных пространствах и разнообразии условий, имеет и производительные, и потребляющие районы. Разбивая ее на две части и относя к одной Тобольскую и Томскую губернии и весь степной край и Семиречье, а к другой все остальное, получаем следующие цифры (в тыс. пуд.):

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Кукуруза.	Просо.	Гречиха.
Зап. Сибирь и Ст. край . . .	+24.402	+1.128	+140	+2.144	—	+4.810	— 40
Вос. Сибирь . . .	—17.369	+ 21	—780	—1.805	—150	—1.690	—160

При таком делении избытки пшеницы в Сибири выступают явственнее. Точно также и Великороссии можно разбить на два района: южный с излишками и северный с недостатками хлебов. Для ржи и овса производящими являются все центр.-земледельческие губернии, поволжские (без Нижегородской губ.), заводские

и приуральские, т. е. вся черноземная полоса. Излишки и недостатки в тысячах пудов—по двум полосам следующие:

	Рожь.	Овес.
Южная, Черноземн. полоса	+100.031	+119.367
Северн., нечернозем. полоса	— 83.386	— 47.103

Для пшеницы круг производительных губерний более узкий, охватывающий всего 7 губерний: Курскую, Воронежскую, Саратовскую, Симбирскую, Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую; по этим 7 губерниям излишки однако равняются крупной сумме 124.259 тыс. пуд.; вся остальная Великороссия дает, напротив, превышение привоза над вывозом в размере 104.793 тыс. пуд. Для ячменя нельзя наметить больших производительных районов; культура ячменя (для экспорта) лежит южнее, в пределах Украины, Дона и Сев. Кавказа. Кукуруза в великороссийских губерниях не производится.

Районом просяного производства является юго-восточный район по обе стороны Волги, в составе губерний Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской; размеры вывоза из этого района достигают 14.060 тыс. пуд.; остальная Великороссия привозит к себе 15.760 тыс. пуд.; недостающее количество проса и пшена получается с Сев. Кавказа и Степного Края.

Для гречихи в пределах Великороссии имеются два района с крупными избытками: во первых, Курская и Воронежская губ., с общим избытком 5.430 тыс. пуд., во-вторых, заводские и прикамские губернии: Самарская, Уфимская, Казанская, Вятская и Пермская, с общим избытком в 9.620 тыс. пуд. Остальные великорусские губернии нуждаются в привозе 11.600 тыс. пуд., так что в пределах Великороссии получается еще излишек для вывоза в 3.450 тыс. пуд.

Итак, что же получается при разделении России на самоопределяющиеся области? Про Украину и Бессарабию, про Дон и Сев. Кавказ, Сибирь и Ст. Край можем сказать, что эти области обладают огромными хлебными избытками, которые и будут экспортироваться, при чем хлебный экспорт явится для них могучим орудием товарообмена с Европой и ляжет в основание их торгового баланса. С другой стороны, ряд новых республик—Белорусская, Латышская, Эстонская, Литовская, Польская, нуждаясь в привозном хлебе, должны будут строить свой товарообмен на иных основаниях, при чем, как увидим далее, положение их будет очень трудное, если только им не удастся войти в таможенный союз с другими частями России. Наконец, что касается Великороссии в очерченных пределах, т. е. до Дона и Урала, то в общем такое государство, как видим, не нуждалось

бы в привозном хлебе и могло бы само себя прокормить, имея даже небольшие излишки для экспорта пшеницы и ржи и крупные излишки овса. Но эти излишки, простирающиеся в совокупности до 105 милл. пуд., не будут уже той базой для заграничного товарообмена, каковой являлся хлебный экспорт в Российской Империи. Великодержавному государству придется употребить для экспорта и другие источники сырья, о чем речь будет в дальнейшем, а также направить свои промышленные изделия на бывшие окраины Империи, служившие ранее готовым рынком. Но вот если новые государства—Украинское, Кавказское, Белорусское и др.—предпочтут получать более дешевые продукты европейской промышленности, поставив одинаковые пошлины как для великорусских, так и для европейских промышленных изделий, что же будет делать промышленность, рассчитанная не на одни только великорусские губернии, а обслуживавшая ранее всю обширную Империю и отправлявшая даже часть своих изделий на азиатские рынки—в Персию, Монголию, Манчжурию, от каковых рынков, кстати, она будет теперь совершенно отрезана?

Положение Великодержавного государства существенно изменится к лучшему, если в состав его войдут хотя бы Дон и Сев. Кавказ, так как тогда явятся уже весьма значительные излишки хлебов для экспорта за границу; присоединение Сибири и Степного Края еще повысит эти излишки, а главное—даст выход продуктам русской промышленности и русской колонизации. Отделение Украины и Бессарабии сокращает ресурсы хлебного экспорта примерно в два раза по сравнению со всем русским хлебным экспортом в довоенное время; но ведь и население России, если бы считать отделившимися Украину и Бессарабию, Белоруссию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Закавказье, сокращается приблизительно на 40%.

Я не говорю про другие части экономической проблемы, оставаясь пока в сфере лишь хлебного производства.

В дальнейшем предстоит рассмотреть культуру промышленных растений, животноводство, лесное дело, добывающую и обрабатывающую промышленность. Это составит предмет следующих статей.

А. Михайловский.

Городская статистика и ее задачи.

(Статья вторая¹⁾).

Отличительную черту городской статистики составляет многообразие ее задач и особая глубина анализа явлений общественной жизни. Это многообразие задач является следствием чрезвычайного расширения задач самого городского управления, выполняющего не только административные функции, но и ведущего широкую хозяйственную деятельность.

Чем более развивается городская жизнь, чем более углубляются задачи городских управлений, тем более сказывается потребность в изучении всего, что касается тех явлений, которые имеют место в общественной жизни городского населения.

Понятно поэтому, что в крупных городах давно уже возникла потребность в организации коммунальных статистических учреждений, которые повсюду занимают совершенно обособленное от государственной статистики положение.

Такая обособленность является однако прямым последствием господствующего повсюду выделения городов в особые самоуправленияы едннцы.

В своей деятельности Городским Статистическим Бюро приходится однако выполнять не только необходимые городскому управлению работы, относящиеся к местной статистике, но и собирать и обрабатывать материалы по требованиям правительства, если для этой цели не организовано особых правительственных статистических органов.

Организация двух органов, одного для правительственной—другого для городской (коммунальной) статистики представляется однако нецелесообразной, вследствие чего не раз возникал вопрос об объединении этих организаций.

На практике вопрос этот разрешается различным образом и притом в зависимости от того, составляет та или другая область деятельности исполнительную функцию государственной или коммунальной статистики.

¹⁾ Первая статья см. «Вестник Статистики» № 1.

Особую отрасль городской статистики составляет финансовая и оценочная статистика, в область которой входит изучение объектов обложения, городские доходы и расходы, а также задолженность города. Особенную важность представляет при этом оценочная статистика, задачу которой составляет оценка недвижимых имуществ, находящихся в черте города. С оценочной статистикой тесно связана организация кадастровых работ и ведение кадастровых текущих записей, дающих материал для текущей статистики мобилизации недвижимой собственности.

Весьма важное значение имеет также статистика управления, в круг которой входят статистика выборов, статистика численности, состава городских служащих и распределение их по учреждениям и по специальности.

В настоящей статье мы ограничились лишь главнейшими отраслями городской статистики и попытались дать лишь самое общее представление о ее задачах; нами не затронуто еще весьма значительное количество тех отраслей статистики, собирание и обработка материалов которым могут представлять интерес для городских управлений.

Из изложенного можно убедиться насколько действительно разнообразной является городская статистика и как многочисленны объекты ее изучения.

В России, где городские управления теперь в сущности являются органами общегосударственного значения, задачи городской статистики будут еще более широкими, чем это было при ранее сложившемся понятии городского управления, но разграничение задач общегосударственной и городской статистики станет возможным только тогда, когда задачи органов общегосударственной и местной власти будут окончательно установлены.

В Степанов.

Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.

История возникновения Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года, способы выработки программ и ход подготовительных работ изложены в статье В. П. Ефремова, помещенной в № 1 «Вестника Статистики».

Организация собирания материалов и условия, в которых протекали переписи на местах, в достаточной степени освещены в статье А. Р. Бриллинга, помещенной в том же номере Вестника.

В настоящее время, когда производство промышленной переписи и связанной с ней профессиональной переписи рабочих закончено, является необходимость знать, как и в какой мере выполнены огромные, имеющие государственное значение работы.

По первоначальным предположениям, имелось в виду произвести перепись на всей территории Российской Республики¹⁾. Предположено было произвести перепись в 54 губерниях, из которых 38 губерний Европейской России, 15 губерний Сибири и Туркестан.

Однако, по мере приближения к практическому осуществлению задачи, пришлось в связи с условиями переживаемого времени ограничить перепись только 38 губерниями Европейской России и Туркестаном. Организационный план работ и все сметные предположения были составлены в расчете на эту территорию.

В действительности перепись представилось возможным произвести только в 32 губерниях Европейской России. От производства переписи в Туркестане пришлось отказаться за невозможностью установить связи с последним.

Из 38 губерний Европейской России, включенных в план работ, перепись не коснулась следующих губерний: Архангель-

¹⁾ Губернии Украины и губернии, оккупированные германцами, в расчет не принимались.

ской, Оренбургской, Пермской, Уфимской, Ставропольской и Бакинской. В Пермской губернии работы были начаты и их пришлось прервать вследствие занятия губернии неприятельскими войсками. В губерниях: Уфимской и Оренбургской, работы прекратились в стадии организации вследствие занятия территории губернии Чехословаками. В губерниях: Архангельской, Ставропольской и Бакинской работы не производились вовсе, за отсутствием связи.

Таким образом перепись коснулась следующих 32 губ. ¹⁾ Республики:

1) Астраханская, 2) Витебская, 3) Владимирская, 4) Вологодская, 5) Северо-Двинская, 6) Воронежская, 7) Вятская, 8) Иваново-Вознесенская, 9) Казанская, 10) Калужская, 11) Костромская, 12) Курская, 13) Минская, 14) Могилевская, 15) Московская, 16) Нижегородская, 17) Новгородская, 18) Череповецкая, 19) Олонская, 20) Орловская, 21) Пензенская, 22) Петроградская, 23) Псковская, 24) Рязанская, 25) Самарская, 26) Саратовская, 27) Смоленская, 28) Симбирская, 29) Тамбовская, 30) Тверская, 31) Тульская, 32) Ярославская.

Во всех указанных губерниях работы закончены полностью к 1-му июня 1919 года, за исключением Минской губернии, в которой к производству переписей было приступлено в начале февраля сего года ²⁾. Работы в губернии уже подходили к концу, но вследствие вновь возникших военных действий на территории губернии, нормальный ход работ в настоящее время нарушен.

В губерниях: Псковской, Витебской, Могилевской и Курской, работы по переписи велись в два приема. Сначала в этих губерниях перепись коснулась территории свободной от немецкой оккупации, и лишь в 1919 году была произведена перепись фабрик, заводов и занятых в них рабочих в остальных частях губерний по освобождении этих последних от немецких войск.

Лишь в одной Воронежской губернии остались необследованными уезды, находившиеся во власти казаков.

Кроме того перепись не коснулась, вследствие непрекращавшихся военных действий в течение 1918 и 1919 гг., Царинского уезда ныне выделенного в самостоятельную губернию.

В общей сложности на указанной выше территории охвачено промышленной переписью 10.688 фабрично-заводских заведений и составлено 1.351.837 личных карт на рабочих и служащих, занятых в этих предприятиях.

¹⁾ В организационном отношении по производству переписи Москва и Петроград были выделены в самостоятельные единицы.

²⁾ После эвакуации территории губернии германскими войсками.

Распределение общего числа фабрик, заводов и числа зарегистрированных в них рабочих и служащих по губерниям дано в нижеследующей таблице:

№ по порядку.	Наименование губерний.	Число.		№ по порядку.	Наименование губерний.	Число.	
		Фабрик и заводов.	Заполненных личных карт.			Фабрик и заводов.	Заполненных личных карт.
1	Астраханская . .	245	12921	18	Череповецкая . .	50	2404
2	Витебская	281	5653	19	Олонская	36	2165
3	Владимирская . .	485	128143	20	Орловская	332	23176
4	Вологодская . . .	51	3866	21	Пензенская	303	11107
5	Северо-Двинская .	29	3149	22	Гор. Петроград .	661	143079
6	Воронежская . . .	79	6500	22	Петроградская г.	180	11152
7	Вятская	159	45000	23	Псковская	193	2132
8	Иваново-Вознесенская . .	257	141459	24	Рязанская	204	35000
9	Казанская	218	23200	25	Самарская	590	23000
10	Калужская	182	18190	26	Саратовская . . .	900	24000
11	Костромская . . .	171	20697	27	Смоленская	355	14539
12	Курская	286	20067	28	Симбирская	340	18500
13	Минская	230	4809	29	Тамбовская	318	21932
14	Могилевская . . .	318	3388	30	Тверская	194	45151
15	Гор. Москва . . .	1190	166286	31	Тульская	367	33950
16	Московская губ. .	593	224000	32	Ярославская . . .	241	38806
17	Нижегородская . .	623	59200				
	Новгородская . .	162	14896				
					Всего	10688	1351837

Неблагоприятные условия ¹⁾, при которых производилась Всероссийская промышленная и профессиональная перепись, отразились больше всего на времени окончания работ переписи.

Так как главную роль в смысле задержки переписи играли общие условия переживаемого времени вообще и гражданская война в частности, то задержка коснулась, главным образом, губерний прифронтовой полосы.

Губернии центрального района сравнительно быстро справились с задачами переписи. В отдельных губерниях работы длились от 1½, до 3 месяцев, средняя продолжительность работ губерний в этом районе не превышает 2½, месяцев.

В некоторых же губерниях прифронтовой полосы работы по переписи длились в течение 5—7 месяцев (как, например, в Саратовской губернии, в коей работы только что закончились).

В значительной мере перепись затянулась дополнительными работами по производству переписей в западных губерниях, в районах германской оккупации.

В результате совокупности указанных обстоятельств перепись вместо предполагаемых 1½, — 2 месяцев длилась в течение 8 месяцев (с 15 октября 1918 по 15 июня 1919 года).

¹⁾ См. статью А. Р. Брилинга в № 1 «Вестника Статистики».

Затяжка работ на местах по собиранию материалов отразилась и на доставке подлинных формуляров переписей в Ц. С. У.

Лишь к концу июня сего года Ц. С. У. удалось сосредоточить значительную часть материалов переписей. В настоящее время из 32 губерний, охваченных переписью, 27 губерний представили полностью подлинники, как формуляров промышленной переписи, так и личных карт профессиональной переписи.

От остальных 5 губерний материал получен частично. К этим последним относятся исключительно губернии, в коих перепись находилась в особо неблагоприятных условиях, как например губ.: Самарская, Саратовская, Минская, Могилевская и т. п.

Ц. С. У. приняты все меры к тому, чтобы в самое ближайшее время сосредоточить в Управлении весь недостающий материал.

Итак, Всероссийская промышленная и профессиональная перепись закончена. Доведена до конца работа огромной государственной важности. Собран материал, представляющий из себя огромную научную и практическую ценность.

Ц. С. У. предстоит не менее трудная задача — разработать эти материалы. Предстоит не только удовлетворить практические запросы органов, ведающих организацией и регулированием промышленности. На основании полученного материала надлежит найти наиболее жизненное разрешение сложных вопросов в области техники и экономики промышленности и помочь регулирующим органам найти наиболее правильные пути к скорейшему воссозданию русской промышленности на новых началах.

И в этом направлении Ц. С. У. неуклонно идет вперед. По данным переписи составлены и печатаются исчерпывающие списки фабрик и заводов, дающие полную характеристику промышленных заведений с точки зрения мощности и производительности¹⁾.

В самом ближайшем будущем выйдет предварительная сводка данных. К концу же 1919 года предполагено дать более подробную сводку данных переписей.

Несмотря на отсутствие общей сводки, данные материалов промышленной и профессиональной переписей фактически давно использованы всеми, кто имеет то или иное отношение к промышленности и труду.

Материалами переписи, главным образом, пользуются учреждения, которые в практической деятельности имеют дело с отдельными промышленными заведениями или группами таковых.

¹⁾ Из печати вышел список по Ив.-Вознесенской губ.; в ближайшее время выйдут списки по Калужской, Ярославской губ. Выход списков находится в зависимости исключительно от условий типографских работ.

Им важно знать специфические особенности не только целой отрасли промышленности, но даже отдельного заведения, отдельного производства. Для этих учреждений никакие сводки данных стирающие физиономию заведения, не могут заменить индивидуальных сведений, заключающихся в формулярах переписей.

Главки, Центры, различные отделы В. С. Н. Х., Нархозов, Продкома и т. д., как в центре, так и на местах, при разрешении различных вопросов в своей практической деятельности, прибегают к помощи данных Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года.

Использование данных переписей, как мы увидим ниже, самое разнообразное, — начиная с простой справки о числе заводов в губернии или той или иной отрасли промышленности, кончая снятием копий с формуляров переписей.

В отделе промышленной статистики ежедневно бывают заняты выборками представители двух—трех, а иногда и более учреждений.

Ниже приводим только часть учреждений, пользовавшихся материалами переписи в отделе промышленной статистики Ц. С. У., с указанием в чем выразилось «использование» материала.

1) Г. У. Н. Т. П. (центротекстиль). Взяты копии с формуляров по всем заведениям текстильной промышленности.

2) Главлеском. Взяты копии списков группы заведений «по обработке дерева».

3) В. С. Н. Х. (отдел металлов). Даны сведения 1) о техническом оборудовании заводов (выборки из формуляров), 2) копия списков.

4) В. С. Н. Х. (научно-технический отдел). Сделаны выборки из формуляров о числе рабочих и мощности двигателей.

5) В. С. Н. Х. (отдел экономических исследований). Произведена выборка из формуляров об экономическом положении металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

6) Комиссариат Статистики Латвии. Взяты копии формуляров эвакуированных фабрик и заводов из Латвии.

7) Чрезвычайная комиссия по снабжению красной армии. Даны копии списков фабрик и заводов, работавших на оборону.

8) Всероссийский Союз рабочих металлистов. Взяты копии списков металлообрабатывающей промышленности.

На местах мы наблюдаем ту же самую картину: там, как и в центре, материалами переписей широко пользуются все, у кого в этом имеется потребность.

Московское Столичное Бюро сообщает, что материалами переписей 1918 г. пользовались следующие учреждения: 1) Московский Городск. Совет Народного Хозяйства, 2) Отдел Металлов

М. Г. С. Н. Х.; 3) Главн. Управ. Национализированными текстильными предприятиями (центротекстиль); 4) Нарком Труда; 5) В. С. Н. Х. Научно-Статистический Отдел Центральной Автосекции; 6) В. С. Н. Х. Полиграфический Отдел.

Материалами Тамбовской губернии пользовались: 1) С. Н. Х., отдел военных заготовок; 2) Распределительное бюро губсовнархоза; 3) Отдел с.-х. статистики Уездотдела Козловского уезда; 4) Тамбовский губернский лесной отдел; 5) Тамбовский губ'отдел социального обеспечения; 6) Начальник Тамбовской городской милиции; 7) Отдел по товарообмену г. Козлова; 8) Отдел распределения при Губпродкоме.

Саратовское губернское бюро сообщило, что материалами переписи по губернии пользовались следующие учреждения: 1) Крайсоюз; 2) Губкожа; 3) Главмасло; 4) Губмука; 5) Чрезвычайная комиссия Приволжского военного округа.

Материалами переписи по Новгородской губернии интересовались: 1) Губсовнархоз; 2) Новгородский Комиссариат Труда; Комиссариат Путей Сообщения.

Такое явление мы наблюдаем абсолютно во всех губерниях. Нет ни одного губернского бюро, которое сообщило бы, что никто не интересовался материалами переписей.

Кроме перечисленных выше, в распоряжении Ц. С. У. имеются сообщения об использовании материалов переписей из губерний: Иваново-Вознесенской, Тульской, Калужской, Тверской, Олонекской, Астраханской, Воронежской, Смоленской и др.

Из всего выше сказанного вывод один, — что нужда в подобного рода материале огромна и что труд и средства, затраченные на производство этой работы, не напрасны.

Н. Я. Воробьев.

II. Распоряжения и постановления по делам статистики.

Постановления Коллегии при Центральном Статистическом Управлении.

По вопросу о предварительной разработке и сводке данных профессиональной переписи (по докладу Бриллинга):

- 1) Установить следующие три очереди разработки данных — а) в первую очередь — возраст в комбинации с грамотностью и независимо от возрастных групп форма заработной платы; б) вторую группу разбить на две таблицы — 1) дом, жилищные условия, вопрос о земле, уход на полевые работы, 2) семейное состояние, местожительство семьи опрашиваемого, продовольственный вопрос; в) в третью очередь — народность, форма найма, форма оплаты, профессиональное объединение, отпуска.

Выработку программы, плана разработки и сводки данных промышленной и профессиональной переписи поручить специально по этому вопросу избранной комиссии (зас. 3 января 1919 г.).

- 2) Признать первоочередной разработку следующих вопросов: а) о заработной плате и ее формах, б) о связи фабр.-завод. рабочих с землей, в) о преемственности фабр.-завод. труда и г) о семейном составе (засед. 8 апр. 1919 г.).

По вопросу об организации Статистического Института 1) принять следующий проект устава Статистического Института (зас. 21 февр. 1919 г.).

I. Положение Статистического Института как высшего учебного заведения.

1. Статистический Институт состоит в ведении Государственной статистики и по его делам сносится непосредственно с Управляющим Государственной Статистикой.

6. Распределение населения по полу и по семейному состоянию по данным переписей, ближайших к 1850, 1880, 1900 и 1910 гг.

7. Распределение населения по полу, возрасту (пятилетним возрастным группам) и семейному состоянию по данным переписей, ближайших к 1900 и 1910 гг.

Дополнением к этой таблице служит другая таблица, в которой приведены относительные цифры распределения населения мужского и женского пола по возрасту по переписям 1900 и 1910 гг.

8. Распределение населения по национальности по данным переписей, ближайших к 1850, 1880, 1900 и 1910 гг., с выделением родившихся в метрополии, в колониях и за границей.

9. Распределение наличного населения по полу и месту рождения (для некоторых государств *).

10. Распределение наличного населения по полу и разговорному языку **) за 1900 и 1910 гг.

14. Распределение наличного населения по полу и вероисповеданию по данным переписей, ближайших к 1900 и 1910 гг. (в абсолютных и относительных цифрах).

12. Неграмотное население по полу и возрасту, по данным переписей, ближайших к 1900 и 1910 гг.

13. Число лиц, страдающих физическими недостатками (идиотов, кретинизма, душевно-больных и глухонемых) с распределением их по полу и с выделением двух возрастных групп: до 60 л. и 60 л. и более, по данным переписей, ближайших к 1850, 1880, 1900 и 1910 гг.

К изданию приложены картограмма плотности населения государств Европы и диаграмма возрастного состава мужского и женского населения 30 стран Европы.

Материалом для Ежегодника послужили данные, доставленные Статистическими бюро различных государств.

Второй выпуск Ежегодника будет заключать в себе данные о движении населения, а в последующих выпусках имеется в виду дать материалы по статистике народного образования, труда, сельского хозяйства, финансов, транспорта и т. д.

В. Степанов.

*) Дании, Германии, Англии, Швеции и Голландии.

**) Германия, Австрия, Венгрия, Босния и Герцеговина, Бельгия, Болгария, Греция, Италия, Норвегия, Евр. Россия, Финляндия, Сербия, Швейцария.

Методы работы Р. Кабо. О потреблении городского населения России *).

Интересная по теме, первая по времени появления сводка данных о потреблении городского населения России, сделанная Р. Кабо, невольно привлекает к себе общественное и научное внимание. Ссылка на Союз городов, на его Статистико-Экономическое бюро и на его руководителя В. Г. Громана, сопровождаемая указанием на общественную атмосферу 1916 г., когда была написана книга, и на борьбу за планомерную государственную регулировку продовольственного дела и подчеркивание неутраченной злободневности книги, очевидно должны вызвать повышение указанного интереса. Кроме мало известного имени автора, за работу берет ручательство ее редактор Г. В. Шуб и Редакционное Издательское Отделение Продовольственного Отдела Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, хотя, надо заметить, о личном составе Редакционно-Издательского Отделения в книге вовсе не упоминается, и он читателю остается неизвестным. Однако, несмотря на все упомянутые казусы стороны поименованного издания, им совершенно нельзя пользоваться, вследствие особенностей примененных в нем методов обработки материала, скудно освещенных, а иногда и вовсе не оговоренных в книге.

Так как, насколько нам известно, в печати не было сколько-нибудь подробного разбора книги г. Кабо, нам казалось небесполезным дать на страницах «Вестника Статистики» ряд указаний по поводу методов этой работы, в целях предостеречь читателя от пользования приведенными в ней цифрами.

Целью работы является выяснение действительного потребления городского населения вообще и различных его групп в частности, сравнение размеров потребления городского населения России с размерами потребления русского сельского населения и с данными о потреблении в различных странах западной Европы и Северной Америки, а также Азии (Япония) и, наконец, сравнение данных о городском потреблении с нормами физиологии. Для более удобного сравнения количества и качества разнообразной пищи, потребляемой различными социальными группами, крестьянами и горожанами, рабочими и фабрикантами, она сведена к основным питательным началам, а затем выражена в количестве энергии (вычисляемой в калориях), которую производит потре-

*) Р. Кабо. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). Под редакцией и со вступительной статьей Г. Шуба.—Изд. Продовольственного Отдела Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. (Редакционно-Издательское Отделение) Москва, 1918 г. Ц. 7 р.

бляемая этими группами пища. Таким образом, задача поставлена правильно и при другом выполнении работа могла бы дать интересные выводы.

Сводка основана на данных троякого рода: на харчевых записях, характеризующих артельный способ питания (работы И. М. Козьминых-Ланина и В. Овсянникова), на использовании бюджетных работ (И. М. Шапошникова о рабочих Богородского у., М. А. Давидовича о петроградских текстильщиках, А. М. Стопани о Бакинских рабочих и Костромского губ. статист. бюро по Середскому фабричному району) и, наконец, на обследованиях питания городского населения, предпринятых в 1916 году (Н. И. Кокшайского по Саратову, Я. В. Бляхера—по Оренбургу, П. И. Попова по Туле и Статистического Отдела Московской Городской Управы по г. Москве).

Было бы скучно следить за многочисленными недоразумениями, возникающими при просмотре сводки всех этих данных. Достаточно будет остановиться на одном каком либо ряде данных и на нем просмотреть хотя бы важнейшие из возникающих сомнений. Такой просмотр даст понятно о методах работы г. Кабо вообще.

Для сравнения мы решили избрать ряд, основанный на исследованиях И. М. Козьминых-Ланина и являющийся одним из важнейших в работе г. Кабо. Сводка, сделанная самим Козьминых-Ланиным («Несколько сравнительных таблиц к моим исследованиям об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии». Москва, 1915) облегчит нашу задачу сравнения первоисточника и того его использования, которое сделал г. Кабо.

Мы легко находим в сводке Козьминых-Ланина те 15 артелей, которые цитирует в своей работе г. Кабо (стр. 5 и 6 его книги). По ним действительно насчитывается для 1910 г. 723.881 харчевый день. Но дальше начинаются уже расхождения и недоразумения.

Прежде всего нельзя не отметить резкую разницу в калорийной оценке пищевого довольствия по расчету на один харчевый день. Состав пищевых продуктов принят обеими работами в общем сходный, скидки на отбросы для многих продуктов (мясо, рыба, сметки) одинаковые, *) наконец, нормы усвояемости продуктов тождественны, а выводы сделаны совершенно различные. Так, по работе И. М. Козьминых-Ланина на 1 харчевый день приходилось следующее количество netto калорий в усвояемых питательных началах пищи по 15 артелям, цитируемых г. Кабо (приводим их в том порядке, как они цитируются в книге последнего): 3469,

2984, 3710, 3607, 3947, 3352, 3516, 2885, 3370, 3419, 3820, 4211, 3535, 2827 и 3228 (набраны курсивом данные о артелях, где стоялось от 94 до 100% женщин, а остальные артели чисто или преимущественно мужские), а у г. Кабо среднее дневное количество netto калорий на 1 среднюю душу, по всем 15 артелям составляет 2224 (табл. № 2, графа 3, строка 45, стр. 64).

Поиск причин такого колоссального расхождения.

Каково количество душ обоого пола в указанных 15 артелях? Количество это важно нам, так как основные свои расчеты г. Кабо делает для годового потребления на 1 среднюю душу.

На стр. 6 ой книги г. Кабо читаем, что число харчевых дней было 723.881 и что, переведя на число лиц (делением на 3657) получаем 1983 человека. Автор добавляет, что число рабочих в выбранных артелях в действительности должно быть несколько больше, потому что некоторые артели существовали в 1910 году менее года, но при расчетах на 1 годового едока это обстоятельство не может оказать никакого влияния. В таблице на стр. 52-ой (3 графа 2 строка) находим совершенно иную цифру, а именно 2.479 душ обоого пола.

Расхождение в таблице не оговорено. Нет соответствующего объяснения и в других местах книги. Лишь из неясного изложения на стр. 50-ой можно догадаться, что 2.479 есть фиктивная цифра, полученная умножением 1983 на 1,25 для получения количества «средних душ», хотя на стр. 50 и говорится о применении этого коэффициента лишь по отношению к «5 артелям Московского уезда». Надо заметить, что на стр. 23, 33, 34 книги г. Кабо эти уменьшенные указанным способом средние нормы потребления, смешанные с другими нормами для вывода средних, снова увеличиваются для перевода на взрослого рабочего мужчину. Только на этот раз множителем принимается уже не 1,25, а 1,43. Вообще постоянные переводы норм потребления «взрослого работника» на «1 душу вообще» и обратно составляют одну из главных особенностей книги. При этом почти нигде не приводятся подлинные цифры первоисточников, а даются лишь данные, перечисленные по произвольным множителям, самые переводы и множители оговорены крайне кратко и небрежно, а иногда и вовсе не оговорены; переводы, уменьшающие нормы потребления, переплетаются с переводами, увеличивающими их, и в конце концов, не только читатель, но и сам автор не в состоянии сказать, что же собственно представляют из себя его конечные цифры.

Надо заметить, что самый множитель 1,43 для перевода норм потребления средней души на «едока», «взрослого мужчину» без дальнейших рассуждений заимствован г. Кабо у Чаянова. Но если этот множитель и приложим к сельскому населению, то употре-

*) Однако для картофеля и лука г. Кабо принимает свои нормы скидок

бление его по отношению к городскому населению является совершенно неправильным. В частности все средние нормы потребления городского населения, приведенные на стр. 33 и 34, целиком ошибочны. Самый вывод, что работники и работницы фабрично-заводских предприятий питаются недостаточно, висит пока у г. Кабо в воздухе.

Конечно применение таких перечислений на «среднюю душу» или на «взрослого работника» в обследованиях питания не только возможно, но даже необходимо. Но это дело тонкое, требующее внимания, планомерности и применения строго взвешенных показателей, сообразенных с половым, возрастным и профессиональным составом обследуемой среды. Случайное же применение глазомерных—в худшем смысле этого слова,—коэффициентов не допустимо.

Однако сказанное объясняет лишь меньшую долю разницы в определении калорийности дневных харчей по Козьминих-Ланину и г. Кабо. Остальное объясняется арифметическими ошибками и ошибками в оценке пищевого значения продуктов у этого последнего автора.

В пище артелей около 60% общего количества калорий приходится на ржаной хлеб, около 12% на ядрицу, 3% на картофель, 2% на мясо и 6% на постное масло. На остальные продукты падает 17%.

По отношению к хлебу г. Кабо берет слишком высокий припек (50%) и состав его, по переводе на муку определяет по общим нормам для хлебных продуктов и круп. Благодаря этому, калорийность 1 фунта хлеба как такового (в печеном виде) им принимается примерно в 760 калорий, против 830 калорий, вычисляемых Козьминих-Ланиным, т. е. на 6% ниже. Разница эта как будто не очень велика, но в виду большого значения хлеба в пище артелей представляется немаловажной (120 калорий в день на душу). Меньше возражений встречает оценка ядрицы, однако, если принять во внимание большую усвояемость ее белков и углеводов, калорийность ее оказалась бы %%% на 12 выше, чем принятая г. Кабо.

По отношению к картофелю г. Кабо допускает колоссальную скидку на отбросы (40%). Несомненно и вдвое меньшая скидка все еще будет высока. Г. Козьминих-Ланин вовсе не делает скидки на отбросы по отношению к картофелю. При среднем потреблении картофеля на душу в 0,368 ф. оценка этого количества у г. Козьминих-Ланина (127 калорий) на 50 калорий выше, чем оценка у г. Кабо.

Грубые ошибки допущены по отношению к говядине. При потреблении от 0,10 до 0,60 ф.—в среднем 0,305 ф. на харчевой

день, всего в 15 артелях было потреблено в 1910 г. 221 тыс. ф. говядины, или даже на 2479 душ, по 89 ф. в год на душу, а г. Кабо вычислил среднее потребление говядины на душу в 37,2 ф., т. е. на 58% ниже действительной величины.

Еще замечательнее ошибка по растительным маслам. В брошюре А. В. Чайнова, откуда г. Кабо заимствовал таблицу о составе пищевых веществ по отношению к растительным маслам, вкралась опечатка: содержание жиров в растительных маслах показано не 100% (точнее 99,5%), а 10,0%. На работе г. Чайнова эта опечатка не отразилась. Но г. Кабо не только переписал эту опечатку, но и применил ее к делу: его оценка постного масла для всех обследованных городов и групп населения преуменьшена в 10 раз. А при высокой калорийности жиров это ведет к очень крупным погрешностям. Так для 15 артелей при потреблении на 1 ср. душу в 15 ф. в год или 18 гр. в день, пополнение этого пропуска означает исправление среднего потребления жиров вообще на 75%, или на 113 калорий в день.

На этом мы закончим просмотр данных г. Кабо. Прежде чем пользоваться книгой г. Кабо необходимо исправить все указанные и многие др. ошибки. Повидимому, было бы проще взять первоисточники и проделать по ним соответствующие вычисления вновь, не пользуясь рассматриваемой сводкой.

А. Лосицкий.

«Статистика Труда» — журнал, изд. Народного Комиссариата Труда Р. С. Ф. Р. №№ 1—9, 1918 г. и 1—4 (10—13) 1919 г.

Нет, кажется, отрасли статистики, где несоответствие между размерами заданий и средствами для их выполнения сказывалось бы более сильно, чем в области статистики труда. Переход к новым формам социального существования возлагает на статистику труда грандиозную задачу учета, измерения и описания социальных явлений, подлежащих государственному регулированию. Статистика труда должна вести учет наличного запаса рабочей силы, как занятой, так и свободной—по отдельным отраслям труда, в видах целесообразного ее распределения, должна следить за ходом рабочего механизма страны и отмечать малейшие трения и неисправности, должна изучать условия существования трудящихся и изменения, происходящие в этих условиях под влиянием тех или иных социальных мероприятий, и т. д., и т. д. И, казалось бы, налицо имеются все условия для успешного выполнения перечисленных заданий. С устранением полицейских рогаток и противодействия предпринимательского класса статистика труда имеет

полную возможность проникать в самую глубину изучаемых явлений и при содействии государственной власти и рабочих организаций добывать необходимые ей сведения из всех возможных источников. На деле мы видим, что организация статистического наблюдения в данной области встречает огромные препятствия. Старый аппарат, ведший статистику труда, — в лице фабричной и горной инспекции — разрушен, и с уничтожением его мы лишились тех, хотя и скудных, но собираемых регулярно и по единообразной форме сведений, которые служили для общей ориентации в этой области. Новый же, чисто статистический, аппарат налаживается медленно и с трудом, встречая на пути своего образования всевозможные препятствия, как-то: отсутствие достаточного кадра подготовленных статистиков, низкий культурный уровень служебного персонала предприятий и организаций, на котором лежит заполнение статистических формуляров, недостаточное разграничение компетенции отдельных ведомств, имеющее следствием произволство ими, параллельных статистических работ по сходной программе, центробежные стремления местных учреждений и нежелание их считаться с директивами, идущими из центра, не говоря уже о той разрухе, которая создана более общими причинами — гражданской войной, разстройством сношений и передвижений, затруднениями в продовольствии и снабжении и пр.

При этом особенно трудным является положение центральной статистики труда, на обязанности коей лежит создание статистической сети на местах, инструктирование служебно-статистических органов применительно к новым заданиям, разграничение и согласование работы с другими ведомствами и учреждениями и ряд других задач, требующих для своего выполнения массы труда и усилий; часто непропорциональных достигаемым результатам.

Все указанные условия наложили весьма определенную печать на содержание издаваемого Народным Комиссариатом Труда статистического органа. Возникший в период, когда старый статистический аппарат был уже разрушен, новый же существовал лишь в зародыше, этот орган мог иметь в своем распоряжении только скудные, отрывочные, составляемые по разнородной программе сведения, часто весьма сомнительного качества. Несмотря на то, что со времени основания журнала прошло более 10 месяцев, он до сих пор лишен возможности давать освещение всех вопросов из области статистики труда во всероссийском масштабе, но большей частью принужден довольствоваться сведениями, относящимися к обеим столицам и тем немногим городам и губерниям, которым удалось поставить у себя собрание этих сведений.

Более всего посчастливилось в этом отношении отделу статистики рынка труда, которому удалось уже с первых №№ журнала начать публикацию статистических сведений о движении безработицы по отчетам, получаемым от бирж труда. Однако и здесь до самого последнего времени приходится иметь дело с неполным и качественно неоднородным материалом. Число и состав бирж, по которым публикуются сведения, изменяются от № к № в весьма широких пределах. В отчетности бирж не хватает многих сведений, иногда самых существенных: в начале, напр., некоторые биржи не давали сведений о числе предложенных мест, так что при сводке данных, чтобы не выбрасывать этих бирж из подсчета, отделу пришлось прибегнуть к допущению, что спрос на труд по этим биржам равен посылке на места (см. «Стат. Тр.» 1918 г. № 1, стр. 8), допущению заведомо неправильному и притом существенно исказившему картину соотношения между спросом и предложением труда, так как вычисленная таким образом цифра предложенных мест дает свыше 25% всего спроса. Иногда в отчетах бирж не хватает таких элементарных сведений, как распределение безработных по полу: за январь—сентябрь 1918 г., напр., такие сведения не были получены относительно 18% безработных («Ст. Тр.» 1919 г. № 1—4 стр. 8, примеч.); поскольку речь идет о более детальных сведениях, круг наблюдения, естественно, суживается еще более. Помимо неполноты сводка страдает от неоднородности материала: в таблице распределения безработных по профессиям, помещенной в № 1 журнала за 1918 г. (стр. 16—19), отсутствуют данные по петроградской бирже, так как классификация профессий в отчете этой биржи не совпадает с общепринятой. В общем, несмотря на указанные дефекты, опубликованные сведения, при условии осторожного и критического к ним отношения, несомненно, дают исследователю материал для интересных выводов о движении безработицы за последний период времени. Осторожность при их использовании подсказывается также и другим обстоятельством, — именно — необходимостью учитывать то влияние, которое оказывают на цифры безработных те или иные государственные мероприятия по регулированию рабочего рынка. В этом отношении достаточно указать на вошедшее в силу весной прошлого года правило, что ни одно лицо не может быть принято на работу иначе, чем через биржу труда; проведение этого правила в жизнь, естественно, сразу повысило число регистрируемых безработных на весьма крупную величину. Влияние этого момента, к сожалению, недостаточно учитывается в сопровождающем таблицы текстовом комментарии.

То, что сказано выше о статистике рабочего рынка, относится в большей или меньшей степени ко всем почти материалам

других специальных отраслей статистики труда, публикуемым в журнале. О численности и составе рабочих имеются лишь отрывочные сведения по некоторым городам и местностям. В отношении конфликтов даже по Москве не удалось собрать полных и достоверных статистических данных; насколько можно судить по заметке, посвященной этому вопросу, собирание сведений здесь крайне затруднено отсутствием к—и прочного порядка и системы в разборе конфликтов: последние разбираются и ф.-э. комитетами, и профессиональными союзами и отделами труда при Совдепе, причем между названными органами нет определенной инстанционной зависимости; «регистрационные карточки применяются очень редко и очень неполны. Большую частью материалом для изучения конфликтов являются протоколы и журналы, по которым получить сколько-нибудь полные данные трудно» («Ст. Тр.» 1918 г. № 8—9 стр. 17). Не в лучшем положении находится и собирание статистических сведений по профес. союзам.

Новая в русских условиях, весьма интересная отрасль статистики труда—тарифная статистика находилась в начале не в лучших условиях. Опубликованная в № 2—3 журнала первая сводка тарифных договоров не дает никакого материала для сколько-нибудь интересных выводов. Разработанные данные охватывают в общей сложности 86 договоров, заключенных различными профессиональными союзами, из коих 72 московских и 14 по др. губерниям (всего 7 губерний). Срок начала действия договоров самый различный—от августа 1917 до апреля 1918,—казалось бы одно это обстоятельство делает ставки отдельных тарифов почти несравнимыми. В статье, комментирующей табличный материал, такое сравнение все же проводится, причем ставки группируются по их высоте и дается для различных тарифов процентное распределение ставок по группам. Независимо от того, что подобный метод дает сам по себе довольно мало для характеристики отдельных тарифов (т. к. главный интерес представляет не соотношение числа ставок, но соотношение числа лиц, оплачиваемых по той или иной ставке), здесь приходится считаться с различной степенью детальности построения тарифа: одни союзы выработали ставки по отдельным специальностям, другие же—большинство—давали общие величины, без разделения рабочих по профессиям («Ст. Тр. № 2—3, стр. 14»); это различие, конечно, еще более усилило разницу в весе отдельных ставок и затрудняло сравнение и без того обесцененное разновременностью возникновения сравниваемых тарифов.

За последнее время статистическое изучение тарифов стало на более твердую почву. Так, сентябрьским тарифам посвящен интересный очерк («Ст. Тр.» 1919 г. № 1—4, стр. 3), в котором

исследуется соотношение в размерах оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда в различных отраслях производства и измеряется прирост квалификации, которым различные союзы оценивают профессиональную выучку.

Для статистики рабочего бюджета солидное основание создано произведенным статистическим отделом Н. К. Т. в 1918—19 гг. обширным бюджетным обследованием, предварительные результаты коего в отношении Московских рабочих изложены в № 1—4 «Статистики Труда» за 1919 г. (статья А. Ст. «Бюджет Московского рабочего»). Много места отведено в журнале вопросам о прожиточном минимуме и ценах. В последних №№ журнала регулярно публикуются сводки вольных цен на продовольственные продукты.

Из других помещенных в журнале статей, кроме уже упомянутых, отметим статью «Итоги эвакуации Петрограда» (№ 2—3 за 1918 г.), рисующую на основании богатого цифрового материала печальную картину разрушения промышленной жизни прежней столицы в первую половину 1918 г. Интересные сведения о развитии русского рабочего движения даны в очерке «Забастовки в России в 1895—1917 гг.» («Ст. Тр.» 1918 г. № 4—5), оперирующем между прочим с неопубликованными до сих пор материалами отчетов фабричной инспекции за 1915—17 гг. Любопытное сопоставление действующих тарифных ставок с фактическим заработком дается в статье С. Кол-ва «Заработная плата рабочих кожевенного производства» («Ст. Тр.» 1919 г., № 1—4, стр. 21). Есть ряд интересных статей и заметок и по другим вопросам, которых мы здесь за недостатком места перечислять не будем, отсылая интересующихся к самому журналу.

Нельзя не поставить в упрек редакции журнала крайнюю пестроту содержания отдельных номеров и отсутствие системы в расположении материала. Таблицы, статьи и заметки по разным вопросам сменяют друг друга без всякого порядка; предварительные данные, разработанные в срочном порядке, чередуются с работами, основанными на проверенном материале; в результате внимание читателя дробится и у него не остается цельного впечатления от прочитанного. С этой точки зрения представлялось бы весьма полезным исключить из журнала весь срочный материал, основанный на предварительных данных, и публиковать его в специальном издании, тем более, что при современных условиях печатания, когда выход журнала задерживается часто на несколько месяцев, все такого рода данные к моменту появления номера в свет, успевают уже устареть. От устранения срочного материала, несомненно, выиграла бы и внешность издания и исчезли бы те

многочисленные погрешности, пропуски и обмолвки, которые в состоянии смутить даже наиболее терпеливого читателя, привыкшего к неприглядной внешности современных изданий, и которые можно объяснить только крайней спешностью работы.

В общем и целом, несмотря на указанные дефекты, следует признать, что журналом сделано многое для освещения вопросов труда и предстоит, повидимому, сделать еще более. Поэтому можно только пожелать этому изданию возможно широкого распространения.

Г. П.

Приложение.

Николай Алексеевич Каблуков.

(Автобиография).

Родился я в 1849 г. 5-го октября в селе Марфине Московского у. и губ., где отец мой состоял врачом крепостных крестьян гр. Викт. Ник. Панина. Отец мой был вольноотпущенным из дворовых крепостных, но не гр. Панина, а мать была дочерью мещанина—бухгалтера на одной из фабрик Богородского уезда, Московской губ. Вероисповедания православного. Из истории рода могу только указать, что по рассказам отца—отец его был в 1812 г. дворником при доме своего помещика в Москве, а родоначальником нашим является пленный Киргиз-Кайсак. Со стороны же матери—ее отец был купцом, имел фабрику, но разорился в 1812 г., а дед, по рассказам моей тетки, был некоторое время Московским Городским Головой в царствование Екатерины II.

Образование я получил, благодаря дяде—брату матери,—зарабатывавшему большие средства по службе в одной фабричной фирме и управлявшему делами другой фирмы в качестве одного из администраторов. Кончил он курс в Практической Академии Коммерческих Наук, в которой и был потом учителем бухгалтерии; он имел своих лошадей, экипажи, собственный дом в Москве, несколько крупных дач в одном подмосковном селении; под конец жизни его у него ничего этого не осталось; все прожил: он был человеком, что называется, широкой натуры. В 1867 г. я кончил курс в 4-й Московской гимназии без всяких отличий и поступил в Московский Университет на свой страх (с 7-го класса стал жить уроками). Кончил курс в Университете кандидатом прав в 1871 г.

Останавливаясь на ходе воспитания и образования и влияниях, под которыми оно происходило, укажу прежде всего, что читать и писать я выучился еще 5-ти лет и самого процесса обучения не помню. Знаю только, что научился я этому, присутствуя при обучении моих двух сестер (которые были старше меня), жившей у нас бабушкой моей (со стороны матери). Затем я помню себя уже читающим вслух священную историю Ветхого Завета Анны Зонтаг. 6-ти лет я был привезен в Москву, по желанию дяди, для дальнейшего образования. Жил одно время у дяди, где со мною никто специально не занимался, а больше я прислушивался, как шли занятия гувернанток с дочерьми дяди; потом я был

посежен у тетки (со стороны матери), муж которой (немец) имел портновскую мастерскую; здесь со мной занимался подготовкой в гимназию двоюродный брат, кончивший курс в реформатском училище и служивший в конторе. Эта тетка скоро умерла, дела мастерской шли худо; жилось в материальном отношении очень туго, но атмосфера нравственная, имея в виду товарищеское отношение двоюродных братьев (их было двое) и учеников-портных, с которыми приходилось вместе и дрова колоть и на рынок ходить и самовары ставить и белье стирать, была превосходная: по крайней мере я чувствовал себя хорошо. В виду однако полного расстройств дел и закрытия портновской мастерской меня переселили к тетке (тоже со стороны матери), имевшей мастерскую дамских платьев и шляп, куда продолжал ходить заниматься со мною двоюродный брат. В материальном отношении жилось сносно, но чувствовался нравственный гнет и неприятные впечатления от наблюдений над тем, как, например, учениц били по щекам за какую-либо ничтожную провинность. И это практиковалось независимо от личных качеств той или другой хозяйки, а просто это было в нравах того времени. Приходилось в те годы вообще, если не прямо наблюдать, то все же воспринимать ряд тяжелых впечатлений от условий, соединенных с существованием крепостного права. Вскоре после моего отъезда в Москву (в мае 1856 г.), отец мой, в виду предстоящей отмены крепостного права, был уволен от обязанностей врача крепостных гр. Панина, но соседний помещик—не из очень крупных—лечившийся у отца раньше, пригласил его для врачебных же обязанностей к себе. Здесь семья наша жила в одном доме с помещиком, только в особой, совершенно отделенной половине, но все, что происходило в пределах управления имением было на лицо. И помню летнее мое пребывание дома в семье—неоднократно все мы были в подавленном настроении, зная что в данный момент там на конюшне выбивают из крестьян недоимки. Но с другой стороны летнее пребывание в деревне давало мне впечатление трудовой жизни, так как отец постоянно был занят, то с больными, которых приходило к нему много, то, как любитель природы и сельского хозяйства, занимался огородом. Это доставило ему затем, по смерти помещика, место управляющего в том же имении. Мать же я помню постоянно склоненной над шитьем или вязанием: нас было много, как я себя помню, сперва 7, а потом 10 человек, содержание же отца было скудное и потому почти все носимое нами и отцом было домашнего приготовления.

За период гимназического учения во мне оставили впечатление некоторые учителя, повлиявшие на дальнейшее развитие, вероятно, не мое только. Помню еще в 3-ем классе оставил впе-

чатление учитель естествознания Беневоленский—еще молодой, рассказывавший между прочим и о некоторых своих наблюдениях из-заграничной жизни. Более сильное влияние, но это уже в 5-м и последующих классах имел на многих учитель истории В. М. Пржевальский, бывший потом присяжным поверенным. Он прекрасно объяснял задаваемые уроки; от него впервые пришлось слышать, между прочим, об экономических причинах некоторых исторических событий (напр. крестовых походов); он предлагал и охотно давал из своей библиотеки для чтения книги, но исключительно исторического содержания. Не мало приучал к размышлению и анализу учитель русской словесности Л. И. Поливанов. В этом же направлении влияли уроки очень не молодого уже учителя географии Маркса (осужденного потом по делу Каракова, хотя в чем была его вина, осталось невыясненным). Работа мысли вызывалась и уроками учителя немецкого языка Ф. Ф. Кайзера, а также уроками законоучителя, очень подробно останавливавшегося на истории церкви. Сильнее всех было все-таки влияние В. М. Пржевальского, который однако был недолго учителем. При оставлении им гимназии мы собирались всем классом поднести ему альбом с нашими карточками, но директор, не воспрещая нам прямо этого, сказал, что он подумает и сообщит нам как это осуществить. Сообщения этого мы не дождались и некоторые из нас, в том числе и я, посещавшие В. М. и пользовавшиеся его библиотекой, в ответ на выраженное нами желание получили его карточки и дали ему свои. Должен при этом заметить, что чего-либо тенденциозного в каком либо направлении в преподавании кого либо из отмеченных учителей—не было. Но видимо было, что каждый из них старался вызвать в нас работу мысли, а не заставить нас просто заучивать. Тоже должен я сказать и про других неупомянутых учителей; разница была только в умении вести преподавание, отчего и зависела большая и меньшая степень влияния. Такое отношение в общем фоне обуславливалось не личными свойствами тогдашних учителей, а эпохой, духом времени. Влияние это выражалось во всем. Я помню, как напр., с жаром читалось тогда среди ремесленников юмористическое рукописное стихотворение, написанное кем то по случаю увольнения губернатора Закревского, помню, как дядя, на счет которого я воспитывался, плясал в восторге от известия о предстоящей отмене крепостного права, помню день объявления манифеста, когда мы все, т. е. я и дети дяди (самому старшему из нас было 12 лет) в праздничном настроении вышли гулять по Москве и видя толпы народа, стоявшие перед расклеенными на фонарных столбах словами манифеста, спешили объявлять им: вы свободные, свободные. Помню далее, как живя во флигеле дома дяди, среди

конторских служащих, которых посещали и приказчики разных торговцев, я присутствовал при чтении ими романа Н. Г. Чернышевского: «Что делать». И хотя я немного еще понимал в то время, но то, что читали, а главное то, что они говорили по поводу читанного, производило на меня впечатление и оставляло свой след. Жил я в среде торговых служащих и конторщиков и несколько позднее—уже студентом—я слышал и видел, как там читали Бокля «История цивилизации в Англии» и толковали по поводу его. Из прочитанного мною в то время, в старших классах гимназии, а затем и в Университете—частью по собственному почину, частью по совету и указанию товарищей, производили наибольшее впечатление статьи Н. А. Добролюбова, Помяловского, Писарева; ряд книг по естествознанию: Мелешот, Фохт, Бюхнер, Дарвин, Льюис—физиология обыденной жизни, его же история философии, дальше Дж. С. Милль: о подчиненности женщины; его же политическая экономия, но с примечаниями Чернышевского. Многие из этих книг при чтении конспектировались мною. На последних двух курсах Университета мы в компании с двумя товарищами и женой одного из них—весьма образованной дамой—задумали было даже издавать журнал, при чем были распределены и редакторские роли; мне, напр., было предопределено иностранное обозрение; была у меня между прочим заготовлена статья—только не по этому отделу—в защиту женского равноправия; была и еще статья—критика деятельности Славянского Комитета, проект и программа его деятельности, что впрочем было обсуждено на нашем общем совещании. Но журнал все-таки не родился. Дело было за пустяками: денег ни у кого у нас не было, а со стороны тоже их не у кого было привлечь. Статьи эти я потом отнес к С. А. Юрьеву для напечатания в издававшейся тогда им—кажется—«Беседе». Был я принят очень любезно, приглашен бывать на редакционных вечерах, где я и бывал, слушал очень горячие схватки с кем либо проф. Бугаева, цинические анекдоты писателя Писемского; статьи мои однако после ряда обещаний поместить их, в печать не попали; не знаю были ли они даже просмотрены.

Из профессоров университетских того времени на мое мирозерцание особого влияния никто не имел. С большим интересом слушались лекции С. М. Соловьева (в то время—и полагаю совершенно правильно—юристам читалась русская история). Лекции Н. И. Крылова тоже слушались с интересом, но предмет меня не интересовал. Со 2-го курса я почти совершенно прекратил посещение лекций, но за то тем усерднее и серьезнее занимался дома чтением различных трудов по предметам юридического факультета, причем читал я совместно с одним товарищем, с которым вместе подписывались на издаваемые лекции. Участво-

вал еще в одном студенческом кружке, практиковавшемся в судопроизводстве с присяжными, причем на меня выпадала обыкновенно роль защитника, и защиту я проводил не без успеха. Должен сказать, что еще гимназистом многие из нас, в том числе и я, посещали как окружной суд, так и мировых судей для слушания дел.

В октябре 1871 г. поступил в Пензенский Окружный Суд, только что тогда открытый под председательством Ив. Ил. Мечникова, в кандидаты на судебные должности и почти тотчас же был командирован по разным уездным городам Пензенской губ. с сессиями Окружного Суда в качестве защитника по делам уголовным. Защиты вел с значительным успехом. Здесь впервые стал знакомиться с условиями провинциальной жизни и усматривать в жизни вообще многое, чего не подозревал ранее—и это ярко осветило передо мной ничтожность моих знаний и неподготовленность к тому, чтобы представлять собою что либо путное в жизни. В марте 1872 г., занимая уже должность помощника секретаря, вышел в отставку и занялся там же в Пензе адвокатурой. После успешного хода в течение двух лет этих занятий, снабдивших меня даже некоторыми избытками, после расплаты с долгами, сделанными во время студенчества и на поездку в Пензу, я решил прекратить занятия адвокатурой навсегда и уехать в Москву учиться. Дело в том, что и во время службы и адвокатуры я продолжал заниматься книжным учением не только по своей специальности. За это время, я напр., основательно проштудировал систему логики Д. С. Милля; приобрел тотчас по выходе в свет русский перевод «Капитала» Карла Маркса и внимательно прочитал его; из журналов читал «Отечественные Записки» преимущественно М. Е. Салтыкова и Н. К. Михайловского. Но с занятием адвокатурой для систематического чтения условия были неблагоприятны, и я пользовался для этого преимущественно неприсутственными днями, что тоже не всегда было возможно—и это тяготило. А затем вышло так, что я усмотрел со стороны двух клиентов попытку воспользоваться моими профессиональными сведениями и деятельностью для некоторых нечистых дел. Опасаясь, что тоже может происходить и впредь, а я могу этого не подметить—я и решил покончить с этим занятием. В Москве я намеревался найти какое-либо безобидное и скромное занятие, которое давало бы мне средства к жизни и оставляло свободными для занятий вечера. Занятия такого я не нашел и избытки частью прожил, а главное затратил их на покупку небольшого участка земли, чтобы обеспечить существование престарелых родителей, для чего я еще и задолжал, купив землю с разсрочкой в платеже. Она и теперь служит мне как мелкий ценз, при по-

средстве которого я потом проходил в земские гласные. За это время кой-что приобретал, ведя в Москве же некоторые дела, так сказать административного характера: устройство выкупа крестьян, залога земли в Поземельном Банке и т. п., но все это меня не устраивало; не находил и уроков. Тогда Д. А. Дриль, с которым мы были приятелями еще с моей университетской скамьи (он поступил в Университет позднее меня), только что оставленный при Университете, посоветывал мне обратиться к А. И. Чупрову, недавно занявшему кафедру. А. И. Чупров, узнав, что никто из профессоров меня не знает, что кандидатскую работу я подавал по уголовному праву, выразил сомнение в возможности оставления меня при Университете, но посоветывал написать сочинение на избранную мною тему. Я интересовался тогда, как и теперь, кустарной промышленностью, и засел на несколько месяцев, работая над этой темой. В результате решено было оставить меня при Университете—сперва без стипендии, а потом я получил и ее, живя ранее того уроками. Произошло это оставление, насколько могу припомнить в конце 1874 года. Тут я стал заниматься уже вплотную, пользуясь руководством А. И. Чупрова. Нужно было однако знание иностранных языков. Знание французского языка у меня было, хотя и не полное, главным образом, благодаря тому, что я в гимназии читал на французском языке книги по истории, которые получал от В. М. Пржевальского. Немецкий же язык, которым я занимался в гимназии, благодаря Ф. Ф. Кейзеру, лучше чем французским, был мне все же менее знаком, и тут в чтении немецких книг мне оказывала большую помощь теперешняя жена моя М. К.—тогда Горбунова, с которой я познакомился в Пензе и которая переселилась в Москву с детьми для воспитания их, а я жил у нее на квартире. Для чтения же по английски я брал специальные уроки английского языка.

Но одно книжное изучение не удовлетворяло меня и, узнав в декабре 1875 года из газет о постановлении Московского губернского земства о статистическом исследовании экономических условий жизни населения путем изучения на местах, я побежал к А. И. Чупрову с просьбой указать мне пути, чтобы заняться этим. Он направил меня к В. И. Орлову, который сразу произвел на меня сильное впечатление сказывающейся в нем энергией. Выяснилось, что одновременно заниматься местными исследованиями и подготовкой к магистерскому экзамену, который в виду получаемой стипендии, я считал для себя обязательным,—невозможно, и мы условились, что я буду спешить с подготовкой к экзамену, а по сдаче его, через год, когда понадобятся, вероятно, еще силы для местного исследования, он позаботится о пригла-

шении земством меня. С тех пор к кругу лиц, с которыми я общался, собиравшихся обычно на субботах у М. К. Горбуновой а именно: Д. А. Дриль, В. А. Гольцев, С. Ф. Фортунатов, В. О. Ключевский, прибавился и В. И. Орлов. К февралю 1877 года я покончил с экзаменами и был приглашен Д. А. Наумовым, как второй заведующий земско-статистическими исследованиями Московской губернии, которыми и занимался, переезжая на крестьянской телеге, а то передвигаясь и пешком из деревни в деревню—в общей сложности в 9-ти уездах губернии—в течение 1877 и 1878 гг., причем в 1877 г. каждый из нас (т. е. я и В. И. Орлов) заведывал и руководил собиранием сведений по 3-м уездам всецело, а в 1878 г. для более полного знакомства каждого из нас со всей губернией, мы разделили 4 уезда пополам и, кроме того, каждый взял на себя по одному уезду всецело. Обработку материала я продолжал до мая 1879 г., когда отправился за границу, командированный туда на 2 года для усовершенствования в науках. Летний семестр я провел в Страсбурге, слушая лекции Кнаппа и Шмоллера и присутствуя на их семинариях. Зимний семестр 1879—1880 г. провел в Берлине, занимаясь в библиотеке Прусского Королевского Статистического Бюро и слушая лекции и присутствуя на семинариях: Энгеля, Бока, А. Вагнера и др. Часть летнего семестра 1880 г. посетил несколько лекций Конрада в Галле, Рошера в Лейпциге и Л. фон-Штейна в Вене. В этом городе через посредство Т. Брауна (первоначального издателя Archiv'a für Sociale Gesetzgebung und Statistik), с которым познакомился еще в Страсбурге, а потом и сблизился (он тогда был еще студентом), я познакомился с В. Адлером, который тогда еще не был организатором рабочей партии, но с которым у меня, хотя и редкие сношения, оставались до его смерти. Вторую половину 1880 г. жил в Лондоне, занимаясь ежедневно в библиотеке Бриганского музея и проводя часть дня совместно с занимавшимся в то время там же И. И. Янжулом с его супругой Е. Н. Янжул и с Н. И. Зибером, работавшим тогда над своей книгой «Очерки первобытной экономической культуры», по поводу которой мы много беседовали с ним. С ним же вместе неоднократно бывал я у К. Маркса и Ф. Энгельса, которые охотно принимали нас и познакомили с своими семействами. Там же у Маркса мы познакомимся с А. Бебелем. Первую половину 1881 г. я занимался в Париже в национальной библиотеке и посещал некоторые лекции Левассера. Вернувшись в Россию, ездил между прочим, по поручению Комитета организации выставки 1882 г., в Пензенскую, Самарскую, Симбирскую и Саратовскую губернии для собирания некоторых сведений и материалов по кустарной промышленности в этих губерниях; затем принимал уча-

стие в переписном Комитете по переписи населения в г. Москве в 1882 г., прочел в 1881—82 г. курс публичных лекций (10 лекций) политической экономии по приглашению Московского общества купеческих приказчиков; в течение всего этого времени работал над диссертацией «вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», которая была готова лишь к 1884 г. С осени 1882 г. взял на себя заведывание первым студенческим общежитием Московского Университета; до тех пор этим общежитием, учрежденным С. В. Лепешкиным и открытым 1 февраля 1881 г., заведывал В. И. Орлов. Существование свое поддерживал в то время литературным трудом, ведя внутреннее обозрение в газете «Земство», редактировавшейся В. Ю. Скалоном, и писал передовые и иные статьи в газете «Московский Телеграф» (ред. П. И. Родзевич), в которой я вел отдел внутренних известий, писал по преимуществу передовые статьи в газете «Русский Курьер», которую тогда редактировали (фактически) одно время Ладыженский, а затем В. А. Гольцев. Тогда же помещал статьи в «Русской Мысли», «Юридическом Вестнике», в котором заведывал и редакцией экономического отдела, избранный Юридическим Обществом в число редакторов журнала, но почему то неутвержденный как таковой. Другие два редактора были С. А. Муромцев и В. М. Пржевальский. За это время мы с С. А. Муромцевым сблизились на «ты», хотя знали друг друга еще с университетской скамьи, на которой были товарищами по курсу, но не были знакомы друг с другом. Баллотировался в это время и в земские гласные, но не прошел. В феврале 1885 г., после диспута, на котором кроме официальных оппонентов, А. И. Чупрова и Н. И. Янжула, выступили еще С. Шарапов и Воейков, получил степень магистра политической экономии и статистики. Но еще до диспута с начала 1883 учебного года, после моих лекций в обществе приказчиков, получил приглашение в Практическую Академию Коммерческих Наук преподавать сперва историю торговли, а затем политическую экономию, каковое преподавание и вел там до 1887 г., когда вследствие неутверждения меня земским статистиком (о чем ниже) тот же директор Академии, по личному приглашению которого я преподавал там, лично же пригласил меня прекратить там мои уроки.

Осенью 1885 г. внезапно скончался В. И. Орлов. По смерти его Д. А. Наумов пригласил меня занять должность заведующего статистическим отделением Московской Губернской Земской Управы. Я в то время собирался уже начать приват-доцентский курс в Университете, не хотелось оставлять и уроков в Академии и потому взял неделю на размышление. А. И. Чупров и многие другие, к которым обратился за советом по этому поводу, вы-

сказались в том смысле, что взяться за это—составляет мой нравственный долг, а я, следуя наставлениям отца, который принципиально не делал долгов, как бы ни велика была нужда, привык долги платить, и потому через неделю пришел к Д. А. Наумову с положительным ответом и с 16-го октября 1885 г. по январь 1907 г. состоял заведующим статистическим отделением Московской Губернской Земской Управы. Мысль о приват-доцентстве я оставил, занятия литературой волей-неволей пришлось сократить и лишь изредка выступать со статьями по отдельным вопросам в «Русских Ведомостях», в которых я первый раз начал писать еще в начале моей земско-статистической деятельности в 1877 г.

В 1887 г. во время пребывания в гор. Можайске на статистических работах я был вызван оттуда телеграммой Д. А. Наумова. Оказалось, что в силу циркуляра, подписывавшего губернаторам утверждать земскими статистиками лиц вполне благонадежных в политическом отношении, генерал-губернатор известил Управу, что я не могу быть Заведующим Статистическим Отделением. Затем при личном объяснении Д. А. с генерал-губернатором последний высказался, что я могу числиться по другому отделу Управы и руководить статистикой, но не выезжая в уезды. Такое положение мое продолжалось года полтора или два, когда, наконец, после моих уже личных объяснений здесь в Москве и в С.-Петербурге в Департаменте Полиции и довольно продолжительной переписки между Москвой и Петербургом, с меня был снят запрет, причем частным образом для меня выяснилось, что моя политическая неблагонадежность выражалась в участии в либеральных органах печати, как «Земство», «Московский Телеграф» и т. д. В 1890 г. по моему начинанию и плану и при моем личном непосредственном участии было произведено исследование организации продовольственного дела в Московской губернии, что и составило X т. сборн. стат. свед. по Московской губ. по отделу хозяйственной статистики. В 1892 г. намечено было исследование грамотности населения, которое и было произведено уже без моего участия, так как с 1892—3 г. я два года почти непрерывно болел желчными камнями в печени, имея продолжительный отпуск, ездил два раза для излечения за границу, где и познакомился, благодаря Г. А. Джаншиеву, с Н. А. Белоголовым, медицинскими советами которого и пользовался там. Знакомство с ним имело для меня громадное значение в нравственном и умственном отношениях. Несмотря на то, что мне было в то время за 40 лет, на меня, однако, никто в жизни до тех пор не производил такого сильного впечатления. Это был человек определенных, твердых убеждений, человек не слова, а дела твердого характера и в то же время поразительной душевной

теплоты и мягкости. Ежедневные прогулки с ним по набережной в Ницце и затем на берегах Тунского озера в Швейцарии, сопровождавшиеся длинными беседами, оставили на мне навсегда неизгладимое впечатление. Там же в Ницце я имел возможность испытывать доброту и любезность М. М. Ковалевского, с которым был знаком еще ранее, в Москве, а до тех пор я многим был обязан в своем выздоровлении А. А. Остроумову. По возвращении в Москву я решил, что пора уже поделиться своими научными знаниями с слушателями и с 1894 г. в качестве приват-доцента стал читать необязательный курс по экономии сельского хозяйства, который и вышел в свет 1897 г. в печатном виде «для студентов» по запискам одного из слушателей, которых было у меня приблизительно 30—50 человек, а затем уже в 1898 году этот же курс переработанный и расширенный с повторным заглавием «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (в издании магазина «Книжное Дело») был представлен мною, как докторская диссертация, по защите которой в мае 1899 года я и получил степень доктора политической экономии и статистики. За этот же период, т. е. с 1894 по 1899 г., я принимал участие в работах особой комиссии в С.-Петербурге и в Москве, результатом которых вышла под редакцией А. И. Чупрова и А. С. Постникова книга «О влиянии урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». В 1897 г. я оставил заведывание первым студенческим общежитием, учрежденным С. В. Лепешкиным. В 1897—8 г. вместе с А. Н. Глаголевым заведывал только что учреждавшимся тогда обществом распространения коммерческого образования, торговыми классами в Москве и читал на них курс политической экономии. С 1898 по 1900 г. под моим руководством и при моем непосредственном участии производилось статистическое подворное обследование хозяйственных условий Московской губернии. Осенью 1899 года по предложению А. И. Чупрова, переселившегося за-границу и по приглашению юридического факультета Московского Университета, я начал читать обязательный курс статистики, прекратив уже чтение курса по экономии сельского хозяйства. Но до начала курса статистики в первой половине сентября того же года я ездил в Вятку по приглашению Вятского Губернского Земства для выработки программы и организации по постановке текущей статистики. С тех пор мне пришлось получать приглашения из ряда губерний в качестве эксперта по вопросам земской статистики, а именно, я был приглашен один для оценки произведенных работ или указаний на то, как они должны быть поставлены — в губернии Калужскую, Тульскую. Затем совместно с К. А. Вернером я был приглашен для тех же целей в Таврическую губер-

нию, совместно с Н. Ф. Анненским, А. А. Русовым — в Костромскую, совместно с Н. Ф. Анненским, А. В. Пешехоновым, Н. М. Кисляковым, Ф. А. Щербиной и А. Ф. Островским (из мин. фин.) — в Черниговскую губернию, совместно с Ф. А. Щербиным и Ф. А. Смирновым (из мин. фин.) — в Олонецкую губернию и позднее в 1912 году еще раз туда же совместно с Н. М. Кисляковым; с ним же и Н. И. Неволным в 1913 году Котельничским уездным земством Вятской губернии.

В других отношениях деятельность моя за этот период протекала так. Еще с 1895—6 г. читал по вечерам курс экономии сельского хозяйства, а затем и курс политической экономии на Женских Коллективных курсах в Москве, вплоть до закрытия их с открытием в Москве Высших Женских Курсов. В 1900—901 г. по болезни К. А. Карышева читал в Московском Сельско-Хозяйственном Институте курс статистики. С того же времени и до 1912—13 г. читал курс политической экономии, экономии сельского хозяйства и учение об оценке земель в Константиновском Межевом Институте. В этот же период читал один год краткий курс по статистике на Голицынских женских курсах в Москве, два года под ряд несколько лекций на Пречистенских курсах для рабочих в Москве. С открытия Университета А. Л. Шанявского читал 3 года курс политической экономии, а последующее время курс по экономии промышленности и торговли, и на курсах по самоуправлению курс по земской оценочной статистике. В 1903 г. по избранию факультета состою профессором Московского Университета, где, помимо курса статистики, стал читать снова курс по экономии сельского хозяйства, а с 1911—12 учебного года, оставив этот последний курс, читаю курс политической экономии. С 1907 года, к каковому времени вышла в свет разработка оценочных данных, собранных при упомянутой подворной переписи 1898—900 гг., оставил заведывание Статистическим Бюро Московского Земства, по невозможности совместить предъявляемые этим занятием требования с расширившимися университетскими занятиями. За время моего заведывания земской статистикой Московской губ., помимо упомянутого исследования продовольственного дела, общего подворного обследования и исследования грамотности, были собраны сведения по кустарным промыслам в районах корзиночных изделий, затем о ящичном промысле; собраны данные по целому ряду местностей по дорожному делу, обработан и сведен материал по пожарному делу за 25 лет, на основании чего и выработан был потом страховой тариф в Московской губ., действовавший много лет, собраны и разработаны данные по оценке дач, городских недвижимых имуществ и составлены под моей редакцией 22 т. Статистического Ежегодника Мос-

ковской губ., причем в большинстве этих томов мною лично составлены иногда один, иногда несколько отделов или глав в том или другом из отделов. Мною же составлялись за это время все доклады о статистических работах в Московской губ.; несколько докладов по кустарной промышленности; мною же составлялась и значительная часть текста во всех работах, производившихся статистическим Отделением.

В 1894 г. я прошел наконец в гласные Московского уездного земства, которым затем выбирался в течение 6-ти трехлетий по 1912 г., когда был забаллотирован совместно с рядом единомышленников по земским вопросам. За этот период времени два трехлетия был губернским гласным, состоял в уездном земстве одно время членом ревизионной комиссии, председателем санитарного совета и все время председателем экономического совета и поверочного совета земской кассы мелкого кредита.

По забаллотировке меня в гласные в 1912 г., я был осенью того же года ошачтливлен неожиданным для меня рядом приветствий со стороны некоторых гласных «третьего элемента» Московского уездного земства и со стороны крестьян гласных и членов поверочного совета. В письменном приветствии «от благодарных крестьян» выражено, что я был в земском собрании всегда истинным, правильным толкователем их интересов и мнений. Кстати упомяну, что еще в декабре 1902 г. также совершенно неожиданно для меня удостоился ряда приветствий со стороны многих лиц, органов печати и учреждений, как из Москвы, так и из С.-Петербурга и провинций по случаю 25-тилетия со дня появления в свет II т. сборн. статист. свед. по Московской губ., в котором «Введение к экономическим таблицам» составлено мною. Укажу еще, что в 1895 г. в день 10-тилетия моего заведывания стат. отд. Москов. земства получил от статистиков товарищей по работе в Московском земстве очень теплое приветствие, в котором отмечалось товарищеское отношение: «первый между равными». От них же имел приветствие в 1900—двадцатипяти-летие земской стат. Моск. губ. и в 1907 г. по оставлении мною занятий в Москов. губ. земстве. Дополню еще, что я принимал участие во всех статистических с'ездах в России, за это время, а также был членом с'ездов по техническому и профессиональному образованию, по кустарной промышленности, кооперативных.

В течение 15—16 лет, пока не отказался по недостатку времени, состоял членом Комитета общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского Университета, состоял членом Московского Комитета Грамотности; состоял председателем Музея содействия труду, основанного при моем участии Х. С. Леденцовым; был секретарем, а потом товарищем председателя статист.

отд. Московск. Юрид. Общ.; состою председателем общества имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук.

В 1906—7 г. читал краткий курс (в 5 лекций) по основным вопросам политической экономии в г.г. Смоленске, Саратове, Туле по приглашению тамошних обществ Народных Университетов. Был выборщиком по г. Москве в 1-ю Государственную Думу и по Московскому уезду во 2-ю и 3-ю. В своей университетской деятельности, где, между прочим, мною положено основание Статистическому Кабинету, в который я внес значительную часть присылавшихся мне земско-статистических изданий и статистических бланков, я счастлив своими учениками. Говорю о тех, которые сами считают себя моими учениками. Один из них, слушавший еще мой первый приват-доцентский курс и занимавшийся между прочим, пользуясь моими указаниями, заведует уже несколько лет статистическим отделением в одном земстве; один, зарекомендовавший себя уже печатными научными работами, выступает в этом году в качестве приват-доцента в Московском Университете и читает уже не первый год на популярном отделении в Университете Шанявского, два другие еще также имеют уже ряд признанных научных работ.

В 1886 г. я вступил в брак с М. К. Каблуковой (по первому мужу Горбуновой) внучкой известного Г. Меркеля, содействовавшего своими статьями освобождению при Александре I латышей от крепостного права. До сих пор латыши ежегодно чествуют его память, посещая его могилу (близ Риги), на которой ими же воздвигнут ему памятник. Жена моя известна между прочим по исследованиям женских кустарных промыслов в Московской губ., по очеркам «По деревням», печатавшимся в Отечественных Записках, при редакции М. Е. Салтыкова, и как деятельница по вопросам преподавания рукоделия в начальных училищах.

Детей не имею, но с женой моей и ее детьми от первого брака живем в непрерывном согласии, любви и дружбе. Все это, конечно, имеет свое доброе влияние и на ход моей деятельности.

Приступаю к исполнению наиболее трудной задачи: перечню всего мною написанного и напечатанного. Трудно это сделать не потому, что мною было бы очень много написано, а потому, что многого из написанного у меня нет под руками; не говоря уже о газетных статьях, которых доброй части я совершенно не помню, и не ручаюсь за перечисление и журнальных статей.

Первые газетные статьи мною были помещены (в 1872 или 1873 г.) в Пензенских Губернских Ведомостях по поводу Самарского голода и по вопросу о подвижных народных школах, две или три под псевдонимом Сурский. Было несколько корреспонденций в «Петерб. Вedom.» (изд. Корша). Затем в 1877 г. в 137 №

«Русских Ведомостей» «К вопросу об общинном владении землею» за подписью Н. К-ков. Была по этому же вопросу, а именно по поводу закона устанавливающего 12-ти-летние сроки передела общинных земель, была и еще там моя статья в том же или следующем году, но найти ее № затрудняюсь. В 1878 году в газете «Неделя» (№ не помню) была статья «Отчего крестьянин бросает землю»; приблизительно тогда же была и корреспонденция в газете «Русская Правда» (Д. Гирса) по поводу шоссейного сбора. В «Юридическом Вестнике» в 1879 или 1880 г. по поводу брошюры Н. А. Русанова о книге А. С. Постникова: «Общинное землевладение» — заметка полемиического содержания. За те же годы (1878—81) в издававшемся М. М. Ковалевским и В. Ф. Миллером «Критическом Обозрении» ряд библиографических заметок. За время пребывания за-границей в 1881 г. помещена мною в «Юридическом Вестнике» в марте заметка: «Статистика движения населения в Баварии и значение вопроса о продолжительности брака» и в декабре 1880 г. «Развитие мелкой промышленности в Пруссии». В этом же журнале в мае 1883 г. мною напечатана «Экономическая Хроника» ст. 1-я, в сентябре — тоже ст. 2-я и в январе 1884 году — тоже ст. 3-я. Кроме того там же в 1884 году, №№ 3 и 4 мною напечатана статья «Статистика современного состояния сельского хозяйства в Англии», представляющая выдержки из намеченных глав моей диссертации, «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», и в №№ 7, 8 и 9 за тот же год, из той же работы, ст. «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве в Англии», в 1888 г., в № 10 ст. «Положение рабочего класса в Голландии», в 1890 г., № 12 «Очерк истории русского законодательства по обеспечению народного продовольствия», доклад, читанный в заседании Юридического Общества. Кроме того в 1889 г., в № 10 за подписью М. К. в «Хронике Русского законодательства», составленная совместно с С. А. Муромцевым статья по поводу закона о земских начальниках.

В газете «Земство» помещены мною в 1881 г. в № 38 ст. «Обезлюдение деревень во Франции», в № 41 «Организация статистики посевов и урожаев в Германии и у нас», (доклад читанный в Статистической Комиссии Юридического Общества), в № 44 «Будущность землевладения», в № 53 «Фермерство и его последствия», в № 56 «Роль поземельного кредита в решении аграрного вопроса», в № 57 «Северо-Американская хлебная конкуренция и ее значение для решения аграрного вопроса». В 1882 г. «Внутренние Обозрения» за подписью Н. Кб. в каждом из № кроме № 5-го, кончая июнем, так как с июля газета уже не выходила. Каждое из этих обозрений носило особое заглавие, а именно: «Общий обзор явлений нашей внутренней жизни за

1881 г.: № 1), «Крестьянские переселения» (№ 2), «По поводу Крестьянского Поземельного банка» (№ 3), «К питейному вопросу» (№ 4), «Обзор явлений нашей внутренней жизни за январь» (№ 6), «Хищения, увольнения, безправие, воинственные клики», «Виды на урожай», «Ревизия Балтийских провинций» (№ 7), «Наше экономическое положение» (№ 8), «Грамотность и экономическое благосостояние» (№ 9), «Народное образование и духовенство» (№ 10), «Наши охранители» (№ 11), «По поводу перемены министра Народного Просвещения» (№ 12), «Обзор явлений нашей внутренней жизни за март» (№ 13), «По поводу еврейских погромов» (№ 14), «Земская и университетская медицина» (№ 15), «Обезземеление крестьян, крестьянское безправие», «Положение о полицейском надзоре» (№ 16), «Еврейские погромы и публицистика» (№ 17), «Дело Пейч». К вопросу о допущении защиты на предварительном следствии и о защите на военном суде» (№ 18), «Практика доносов. Явления экономической жизни» (№ 19), «Кустарный отдел на выставке. О сельско-хозяйственных школах. Дело Буша. Политика в школе» (№ 20), «Переселения» (№ 21), «Отмена подушной подати». «Неурожай и другие бедствия. Перемена министра Внутренних Дел» (№ 22), «По поводу положения о крестьянском поземельном банке» (№ 23), «Усовершенствования в крестьянском земледелии» (№ 24), «К еврейскому вопросу» (№ 25), «Слухи и законодательная деятельность в июне» (№ 26). Кроме того за тот же год в № 20 помещена библиографическая заметка о книге Н. Н. Златовратского «Деревенские будни».

Из отдельных статей, помещенных за 1881—84 гг. в «Московском Телеграфе» и «Русском Курьере», припоминаю лишь одну довольно обширную о книге Н. И. Зибера: «Очерки первобытной экономической культуры», напечатанную в «Русском Курьере» вслед за появлением в свет этой книги. Большею же частью это были, и даже почти исключительно передовые статьи, следовательно без подписи и заглавия, по вопросам преимущественно внутренней жизни.

В «Русских Ведомостях» в то время не писал, а затем, помимо указанных уже статей, а также библиографических заметок за разные годы по книгам исключительно экономическим и статистическим могу отметить следующие статьи: в конце 1890 или начале 1891 г. за подписью Н. Щ. статья «Разрешен ли вопрос о призрении душевно-больных в Московской губернии», 1891 г. № 72 «Из истории одной общины»; в 1893 г. за подписью Ю. Б. в июле или в августе (№№ не знаю) две или три корреспонденции из Цюриха «О международном рабочем Конгрессе», 1894 г. № 7 «Новое изобретение: участки прямоугольной формы, как со-

действие экономической эволюции», 1895 г. № 135 «К вопросу об аренде» (А. Мануилов. Аренда земли в Ирландии), 1893 г. № 67 «По поводу отчета о помощи в неурожайных местностях», № 185 «По поводу статьи Н. Колюпанова» (по вопросу о народном продовольствии), № 243 «К продовольственному вопросу» (ответ Н. П. Колюпанову), 1899 г. №№ 42 и 47 «Новая книга по истории русской фабрики», № 309 «Интеллигенция и крестьянство в совместной деятельности» (Витское земство). 1900 г. № 107 «Новая книга о русской общине» (К. Р. Кочаровский). 1901 г. № 162 «Об условиях развития мелкого кредита», № 275 «По поводу земских статистических конфликтов», 1906 г. № 279 «Новый вид экспроприации» (по поводу закона 9-го ноября 1906 г.), 1909 г. № 74 «Из земской статистики крестьянского хозяйства», 1912 г. № 145. «Некоторые черты крестьянского хозяйства Московского уезда», 1913 г. № 28 «С'езд кооператоров», № 180 «О хулиганстве», № 218 «О значении третьего элемента в земстве», № 227 «Кустарная промышленность», № 252 «Кооперация и земство», № 259 «Эволюция отношения крестьян к малоземелью» и несколько библиографических заметок.

Были еще статьи в 1893 г. о деятельности Д. А. Наумова — не помню точного заглавия статьи и не найду в каком № — за подписью «Давний Земец», было помещено по смерти Н. П. Колюпанова воспоминание о нем, так как я с ним был близок. По выходе в свет моей книги «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», он, прочитав ее, пришел ко мне познакомиться и затем, проживая по зимам в Москве, он ежедневно посещал нас до конца своей жизни. Теперь не припомню в каком году и в каком № помещены эти воспоминания.

В № «Р. В.», вышедшем по получении известия о кончине А. И. Чупрова помещена была моя статья: «А. И. Чупров, как статистик». По смерти С. А. Муромцева была в «Русских Ведомостях» моя статья памяти С. А. Муромцева.

В журнале «Русская Мысль» статьи: 1881 г. № 9 «Русские исследователи, как источники немецкой учености». 1883 г. № 2 «Поземельный вопрос в трудах русского и немецкого ученого» (Собственность и Государство—Б. Чичерина, Die drei Fragen des Grundbesitz und seiner Zukunft L. V. Stein. В 1885 г. № 10, В. И. Орлов—земский статистик († 22-го сентября 1885 г.), некролог его был напечатан мной и в «Юридическом Вестнике» № 10 за 1885 г. и ст. Ежег. Моск. Земства 1885 г. В «Русской Мысли» ст. в 1886 г. № 11 «Практические результаты земской статистики», в 1888 г. № 12 «О значении профессионального образования при экономических условиях России» (публичная лекция, читанная в пользу Лубянских женских курсов), а затем некоторые библиографические заметки.

В журнале «Друг женщин» ст. «Женщины-самоубийцы» — ни года, ни № не помню. В журнале «Вестник Воспитания» в ред. Н. Ф. Михайлова в 1900—1903 г.г. «О мастерской учебных пособий Вятского Земства» и по поводу книги «Экономическая оценка грамотности».

В «Журнале для всех» за 1901 г. № 1 «Разделение труда, как основа единения», № 5 «Основы единения в первобытном обществе», № 8 «Как начались торговые сношения» и некоторые библиографические заметки.

В журнале «Русское Богатство» 1892 г. № 10 «Экономические и юридические мотивы произведений М. Е. Салтыкова», в 1909 г. № 1—Письмо в Редакцию по поводу земельного дара М. Е. Салтыкова крестьянам

В журнале «Новое Слово» в 1896 г. № 5 помещена ст. «Экономическое значение женских кустарных промыслов и способы содействия им». Она же помещена в трудах 2-го С'езда Деятелей по техническому и профессиональному образованию, так как это был доклад, читанный мною в VI секции того с'езда 4 января 1896 г. в засед. под председ. А. И. Чупрова; это был доклад, читанный в Юридическом Обществе осенью в год смерти М. Е. Салтыкова в заседании, посвященном его памяти. Доклад этот вызвал статью «Московских Ведомостей», а затем последовало воздействие на Юридическое Общество, так как согласно Правительственной бумаге доклад изображает в мрачных чертах прошедшее и настоящее России, что не соответствует видам Правительства. Подробнее об этом я говорю в кн. «С. А. Муромцев» в гл. «В Московском Юридическом Обществе». В том же журнале, за тот же год №№ 10 и 14 «К вопросу о сельскохозяйственном кризисе», там же № 9 за подписью К. А. Лубков: «По вопросу об экономическом материализме». В 1906 г. в газ. «Народный Путь», издававшейся М. Г. Комиссаровым и редактировавшейся В. Е. Якушкиным, помещен мною ряд статей по земельному вопросу. Одна из них «К чему поведет новый закон о земле» вошла в № 34 издания «Народное Право» — сборник статей: «Земельное Дело без Думы». М. 1906 г. В трудах М. О. Русского Технического Общества в 1889 г. помещен читанный мною там 13-го февраля того года доклад «Статистические данные о размерах зла, причиняемого сельскими пожарами в России». В журнале «Кооперативная Жизнь» № 5—6 за 1913 г. ст. «Новое начинание в деятельности наших кредитных товариществ». В Вестнике Кооперации за 1911 г. № 2 «Письмо по вопросам Кооперации»; оно вошло в отдельное издание «О Кооперации» с предисловием В. Ф. Тогомианца С. П. Б. 1911 г. В газете «Союз Потребителей» несколько статей в 1897—99 г.г. В издававшемся М. П. Щепкиным в 1906 г. журнале «Самоуправление»

в журнале «Современник» (март 1915 г.), затем в «Вестнике воспитания» (1917 г. № 1) ст. «Задачи народного образования и физический труд».

Из газетных статей позднейшего времени, писавшихся мною под особым заглавием, отмечу лишь две статьи в газете «Власть Народа». Одну под заглавием «Самим надо переработаться», написанную по поводу письма ко мне знакомого крестьянина, который прочитав мою брошюру «Мелкое хозяйство и кооперация», высказывает в письме ко мне, что для проведения в жизнь кооперации и связанных с тем последствий «самим надо переработаться». Другая статья под заглавием «В чем ужас» по поводу жестокостей и дикостей, проявленных при последних аграрных беспорядках, отмечает, что ужас не в них, а в той затаенной ненависти и злобе со стороны населения, среди которой мы живем постоянно, из чего и вытекают также бессмысленные мстительные проявления, которые теперь приводят многих в ужас, тогда как жизнь среди такого отношения массы населения к остальным классам общества представляет собою больший ужас. На этом я и заканчиваю свою автобиографию, которой и так уже уделил внимания больше чем следует.

Не мешает впрочем добавить еще, что 23 октября 1918 года я был арестован по ордеру В. Ч. К. и содержался два дня в помещении во дворе дома, где помещается В. Ч. К., а затем два дня в Бутырской тюрьме, из которой 26 октября вечером я был выпущен на свободу без всякого допроса и объяснения причин ареста, о которых и до сих пор не знаю. Здесь я встретил со стороны знакомых и незнакомых, находившихся одновременно со мной под арестом, такое участливое отношение к себе, которое уже не в первый раз привело меня к заключению, что люди вообще не так дурны, как они сами о себе думают и как нередко проявляют себя. А 17 марта сего 1919 года мои добрые друзья и знакомые по случаю двадцатипятилетия моего пребывания на университетской кафедре совершенно неожиданным для меня образом осчастливили меня своими добрыми приветствиями и пожеланиями, чем чрезвычайно тронули меня.

О ПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Следует:	Стран.	Строка.
Переписе	переписи	98	6 сверху
специальностях	специальной	101	13 снизу
подготовке	подготовки	112	11 сверху
разработке	разработки	113	20 сверху
статистике	статистик	115	24 сверху
предложит	предложить	117	9 сверху
Программу А. Е. Лосицкого	Программу (по докладу А. Е. Лосицкого)	117	12 сверху
Наркомпрос	в Наркомпрос	127	7 снизу
характера	характере	134	9 сверху
Elbeton Paulin, Fredue- ney: Cuvres and Corre- lation	Elderton Palin, Fre- quency curves and correlation	135	9 снизу
Tehorie	Theorie	135	7 снизу
Lebenskosten	Lebenskosten	137	3 снизу
Volksernährhg	Volksernährung	138	15 сверху
tsächlichen	täglichen	138	15 сверху
передвигаясь	передвигаясь	7 (прилож.)	8 сверху

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Государственная Статистика.

ВЕСТНИК

СТАТИСТИКИ

Орган Центрального
Статистического
Управления.

Август—Декабрь 1919 года.

№ 8—12.

ВЕСТНИК СТАТИСТИКИ.

Орган Центрального.
Статистического
Управления.

Август—Декабрь 1919 г.
№ 8—12.

МОСКВА.
14-я типография Горсовнархоза (б. Городская).
1920 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Потери русской статистики	I
Н. А. Каблуков <i>П. Попов.</i>	II
Н. А. Каблуков. Некролог. <i>И. Поплавский.</i>	III
 1. Статьи и заметки.	
1. Об университетском преподавании статистики. <i>Р. Орженецкий.</i>	1
2. Об единстве статистической товарной номенклатуры <i>Г. Шапшиников.</i>	7
3. Эволюция русского земледелия по данным об урожаях. <i>Н. Череванин.</i>	14
4. Возраст и грамотность рабочих по предварительным данным всероссийской профессиональной переписи 1918 года . . . <i>А. Бриллинг.</i>	46
5. Хлебная кампания 1918—19 г. <i>А. Михайловский.</i>	73
6. Статистика наказаний, наложенных народными судами в 1918 году <i>Е. Тарновский.</i>	97
7. Обследование питания городского населения в 1919 году. <i>А. Лосицкий.</i>	122
8. О выборочном исследовании <i>Н. Четвериков.</i>	168
9. Население, скот, яровые посевы и состояние продовольствия в Zubцовском уезде Тверской губ. в 1918—19 году <i>А. Лосицкий.</i>	185
 2. Хроника.	
1. Отделение статистики снабжения и распределения. <i>А. Михайловский.</i>	189
2. Постановления Коллегии при Центральном Статистическом Управлении.	195
 П р и л о ж е н и е.	
Николай Алексеевич Каблуков (Автобиография)	1—2

Эволюция русского земледелия по данным об урожаях.

I. Статистический факт периодических четырехлетних колебаний урожайности в России.

В 1908 году я погрузился в данные об урожаях, стараясь по этим данным установить, прогрессирует ли русское земледелие, наблюдается ли в нем подъем урожайности, или нет. Я начал располагать урожаи по обычному шаблону, по пятилетиям и получил странные результаты: в зависимости от того, с какого года я начинал свои пятилетия, получалась иная картина изменения урожайности, то получалось как будто стационарное состояние, то непрерывный прогресс, то колеблемость урожайности в разные стороны. Стремясь объяснить это странное явление, я начал внимательно присматриваться к группировке урожаев по годам и по периодам того времени, в течение которого имелись однородные данные Центрального Статистического Комитета, а именно с 1883 по 1907 год. И прежде всего—что мне бросилось в глаза, это два чрезвычайно характерные четырехлетия—в начале и в конце этого периода—четырёхлетие 1889—1892 гг. и 1905—1908 гг. 1891 год был, можно сказать, историческим годом по резкому падению урожайности, но оказалось, что он был окружен еще свитой неурожайных лет: 1889 год был сильно неурожайный, 1890 год был по урожайности несколько ниже среднего, 1891 исключительно неурожайный год и 1892 ниже среднего. И чрезвычайно похожим на это четырехлетие оказалось четырехлетие 1905—08 гг. Подобно четырехлетию 1889—92 гг. один год—1906-ой выделяется в этом четырехлетии исключительной неурожайностью, 1905 и 1907 гг. заметно ниже среднего и, как тогда уже было видно по предварительным данным, ниже среднего по урожайности оказался и 1908 год. В промежутки между этими двумя четырехлетиями такого же характерного по подбору неурожайных лет четырехлетия не оказалось. Но когда я расположил, отправляясь

от этих двух крайних четырехлетий, урожаи по четырехлетиям и вычислил по четырехлетиям среднюю урожайность, то в изменении последней, начиная с 1885, получил правильную периодичность. Пониженным по средней урожайности рядом с упомянутыми четырехлетиями (1889—1892 и 1905—1908) оказалось тогда еще четыр. 1897—1900, а повышенным 1893—96 и 1901—04 гг.

Урожайность мною исследовалась тогда только для всего зерна, при чем урожайность бралась в виде общего сбора всех хлебов, деленного на посевную площадь. Рядом со всей Россией я исследовал ту же урожайность (всего зерна) по семеновшим районам и ту же четырехлетнюю периодичность установил для 6 семеновших районов: 1) Центрально-земледельческого, 2) Средне-вожского, 3) Нижневожского, 4) Новороссийского, 5) Юго-западного и 6) Малороссийского. В остальных районах этой периодичности не оказалось *).

Силами Центрального Статистического Управления удалось теперь совершить большую работу по исследованию изменений урожайности, расширив рамки исследования в следующих направлениях: 1) для анализа изменения урожайности всего зерна взяты все губернии, 2) для губерний, в которых оказалась периодичность в колебании всего зерна, исследована урожайность и по 5 главнейшим хлебам—озимой ржи, озимой пшенице, яровой пшенице, овсу и ячменю, при чем это исследование фактически распространилось почти на всю черноземную часть Европейской России (не считая Сев. Кавказа), 3) для исследования урожайности в губерниях с периодическими ее колебаниями рядом с данными Центрального Статистического Управления взяты данные также Отдела Сельско-хозяйственной Экономии и Сельско-хозяйственной Статистики, 4) в зависимости от наличия периодичности и ее характера были перестроены некоторые семеновшие районы и 5) исследование доведено до 1917 года.

В настоящей статье я изложу наиболее существенные результаты этого исследования и выводы, полученные мною, пользуясь в этой статье почти исключительно данными Центр. Стат. Ком., т. к. к моменту писания настоящей статьи таблицы по данным Отдела С.-Х. Эк. и Ст., еще не вполне были закончены.

Начну с общей таблицы, устанавливающей периодичность урожайности для 50 губ. Европейской России и 72 губ. Европейской и Азиатской России.

*) Результаты моего исследования были опубликованы в журнале «Познание России» за 1908 год.

Т а б л и ц а 1.

Средний сбор зерна на 1 дес. ($\frac{\text{сбор}}{\text{пос. вл.}}$) по четырехлетиям.

Четырехлетие.	50 губерний Европейской России.						72 губ. Европ. и Азиат. России.			
	В пудах.		В % к средн. за 24 летие.		В % к сбору за пред. четыр.		В пудах.		В % к сбору за пред. четыр.	
	Вал. сбор.	Чист. сбор.	Вал. сбор.	Чист. сбор.	Вал. сбор.	Чист. сбор.	Вал. сбор.	Чист. сбор.	Вал. сбор.	Чист. сбор.
1885—88 . . .	38,2	29,7	88,4	85,3	—	—	—	—	—	—
1889—92 . . .	32,1	23,7	74,3	68,1	84,0	79,8	—	—	—	—
1893—96 . . .	46,8	38,3	108,3	110,1	145,8	161,6	47,4	38,8	—	—
1897—900 . . .	42,4	33,9	98,1	97,4	90,6	88,5	43,5	34,9	91,8	89,9
1901—904 . . .	47,4	38,9	109,7	111,8	111,8	114,8	47,8	39,9	109,9	112,3
1905—08 . . .	40,8	32,3	94,2	92,8	86,0	83,0	43,3	34,7	90,6	88,3
1909—12 . . .	49,9	41,4	115,5	119,0	122,3	128,7	50,5	42,0	116,6	121,1
1913—16 . . .	53,7	45,2	124,3	129,9	107,6	109,2	—	—	—	—
24-летие 1889—1912 }	43,2	34,8	100	100	—	—	—	—	—	—

Мы видим правильную периодичность урожайности до 1913 г. Периодичность начинается с четырехлетия 1889—92 гг. Как показал мой анализ в «Познании России» и как это подтвердилось и данными Отд. С.-Х. Эк. и Стат., обработанными в Центральном Статистическом Управлении; четырехлетие 1885—88 гг. было по ржи несколько повышенным по сравнению с предыдущим четырехлетием (1881—84 гг.), по яровым же хлебам, напротив, заметно пониженным, для всего же зерна оно дало, вероятно, незначительное понижение¹⁾. Периодические колебания обрываются по

¹⁾ За 1893—96 гг. взяты сборы по 63 губ. (50 губ. Европ. России, Польша и 3 губ. Сев. Кавказа). Насколько близки сборы по 63 губ. к сборам по 72 губ. видно из следующего сопоставления чистых сборов по 63 и 72 губ. в последующие четырехлетия.

	1897—900 гг.	1904—04 гг.	1905—08 гг.
63 губ.	34,6	39,4	34,0
72	34,9	39,2	34,7

²⁾ По данным Отд. С. Э. и С. С. сбор на дес. в черноз. части Европейской России был.

	1881—84	1885—88	% отн. П. ч. к 1-му
Рожь	45,5	46,6	102,4
Оз. пшен.	48,1	47,0	97,7
Яров. пшен.	35,6	31,1	87,3
Овес.	47,5	36,9	77,6

Данные за 1881 и 1882 гг. основаны на небольшом числе показаний и поэтому далеки от точности. По данным всеподд. отчетов урожая ржи во всей (Европ.) России были в 1881—84 гг. в среднем сам 4,2, в 1885—88—4,6, т.-е. в посл. чет дали увеличение на 9,5%.

сле четырехлетия 1909—1912. Это последнее четырехлетие было повышенным, тем не менее следующее четырехлетие не только не дало понижения, но дало заметное повышение урожайности. Итак мы имеем перед собой временные колебания урожайности по четырехлетиям, продолжавшиеся в течение 24 лет (1889—1912 гг.). В течение этого времени колебания несомненны.

Как сильно эти колебания должны были отражаться на положении населения, видно из следующей таблички, взятой из статьи моей в «Познании России».

Т а б л и ц а 2.

Чистый сбор зерна и картофеля, выраженного в зерне (4 п. картофеля = 1 п. зерна) по 50 губ. Европейской России на 1 душу населения по четырехлетиям.

	В пудах.	В % к пред. чет.
1885—88	22,9	—
1889—92	18,3	79,9
1893—96	27,5	150,3
1897—900	24,4	88,7
1901—04	27,6	113,1
1905—08	22,3	80,8

Из трех пониженных четырехлетий наименее сильно должно было почувствоваться населением четыр. 1897—900; оно дало наименьшее понижение сбора на душу населения—на 11,3% и этому понижению предшествовало чрезвычайное повышение сбора на душу населения в предыдущее четырехлетие—на 50,3%. Но 1889—92 гг. и 1905—08 гг. должны были ощущаться населением как сильнейшие кризисы.

Падение сбора на душу на 20% по сравнению с предыдущим четырехлетием! Наиболее резкий кризис был в 1889—1892 гг. где приблизительно на те же 20% можно считать падение сбора не только по сравнению с предыдущим четырехлетием, но и по сравнению с 8-летием, так как по общему сбору 1885—88 гг. мало отличались от 1881—84 гг. Менее резкий кризис был в четыр. 1905—1908, давшее падение сбора по сравнению с 8-летием 1897—1904—на 14,3%. Для целого четырехлетия это достаточно сильное падение, но население должно было ярче и сильнее почувствовать разницу с непосредственно предшествующими годами, т.-е. степень падения урожайности для него должна была скорей измеряться 20%, чем 14%.

2. Периодические колебания всего зерна по районам и губерниям.

Из таблицы 1-ой мы могли видеть, что во всей России (в 72 губ.) колебания менее резки, чем в 50 губ. Европейской России. Это ослабление колебаний обязано тому, что в Польше, в Северном Кавказе и Азиатских владениях четырехлетней периодичности колебаний не наблюдалось. Но и из 50 губ. свободна от этих колебаний была вся нечерноземная Россия, свободны были от них также такие получерноземные губернии, как Нижегородская, Черниговская, Волынская, Астраханская, а также черноземная Оренбургская губерния. Эти губернии пришлось поэтому исключить из соответственных семенованных районов.

Периодические четырехлетние колебания средней урожайности оказались установленными для 21 губерний, т. е. почти для всей черноземной полосы Европейской России, за исключением только черноземной Оренбургской и четырех указанных выше только частями черноземных губерний.

Эти 21 губернии по характеру колебаний пришлось несколько иначе разместить по районам, чем они размещены были Семевым.

В итоге мы получаем следующую таблицу. (См. стр. 19-ю)

Для всех губерний, входящих в таблицу, колебания обрываются на четырехлетии 1909—12 гг. Последнее четырехлетие, входящее в таблицу—1913—16 гг., дает или тот же сбор, что в 1909—12 гг. или повышение сбора, между тем как по четырехлетней периодичности оно должно было дать понижение сбора.

Но в Екатеринославской губернии колебания обрываются еще раньше. Она изменяет четырехлетним колебаниям уже в 1905—08 гг., давши в это четырехлетие незначительное повышение вместо падения сбора. И она не составляет в этом отношении особенно резкого исключения в своем районе. Из Новороссийских губерний только Херсонская губ. дает в 1905—08 гг. падение сбора на 7%, Таврическая дает только на 4%, Бессарабская только на 3% и весь район только на 3%. Таким образом в Новороссии колебания выступают в очень ослабленном виде уже с 1905—08 гг. с тем, чтобы совсем оборваться так же, как и в других губерниях,—с 1913 года.

Во всех других губерниях колебания имеют место без прерыва и выступают заметно в течение всего периода до 1913 года, причем в последние четырехлетия—при переходе от 1901—04 к 1905—08 гг. и от 1905—08 к 1909—12 гг. они приобретают более резкий характер, чем в предыдущие четырехлетия.

Таблица 4-ая дает картину изменения за весь период по районам в ‰ и среднему за 24-летие и каждого четырехлетия и предыдущему.

Т а б л и ц а 3-я.

Средний валовой сбор зерна на 1 дес. по четырехлетиям.

Губернии и районы.	В и у д а х.							
	6-лет. 1883— 1888	1889— 1892	1893— 1896	1897— 1900	1901— 1904	1905— 1908	1909— 1912	1913— 1916
1. Центрально-Земледельч.								
Курская	40,5	31,5	49,2	45,7	55,6	46,2	61,8	65,6
Орловская	40,3	34,5	45,6	43,7	47,3	38,9	53,0	52,8
Тульская	44,6	37,3	52,8	48,6	53,8	41,6	54,7	54,4
Рязанская	46,1	35,5	53,5	48,0	52,5	43,0	55,6	55,9
Гамбовская	47,3	34,3	59,6	54,2	63,0	46,6	63,8	59,4
По району	43,2	34,3	52,5	48,5	55,4	43,8	58,9	58,5
2. Средне-Волжский.								
Симбирская	45,3	28,2	47,6	43,8	48,5	31,8	46,8	50,8
Пензенская	46,1	28,8	50,7	46,7	49,5	34,1	54,3	45,4
Казанская	35,6	23,5	46,1	42,6	45,1	34,0	45,0	48,5
По району	40,7	26,4	47,9	44,1	47,4	33,4	48,3	48,2
3. Нижне-Волжский.								
Саратовский	38,8	27,6	45,4	39,6	42,1	23,8	39,4	43,0
Самарский	30,5	20,7	37,8	29,9	33,3	20,7	35,0	44,1
По району	32,9	23,7	41,0	34,0	36,7	21,9	36,7	43,7
4. Южно-Уральский.								
Уфимская	38,3	29,7	47,2	43,2	46,2	42,2	48,0	52,6
5. Юго-Восточный.								
Воронежская	45,7	27,2	49,7	40,5	51,5	31,9	52,9	56,0
Донская	30,0	28,2	40,3	30,0	35,7	28,1	37,5	44,4
По району	33,6	27,7	43,9	33,9	41,1	29,2	42,2	48,1
6. Новороссийский.								
Бессарабская	43,4	34,0	53,3	44,9	57,0	55,3	62,5	61,9
Херсонская	29,0	23,2	48,7	31,5	46,8	43,4	47,4	53,7
Таврическая	30,8	24,7	43,3	32,6	42,0	40,2	47,8	56,4
Екатеринославская	33,6	27,1	44,4	39,1	48,6	49,2	59,8	50,3
По району	30,5	26,5	46,9	36,3	48,0	46,4	53,7	55,0
7. Юго-Западный.								
Подольский	42,6	36,4	59,7	52,1	75,1	64,7	72,5	74,1
Киевский	47,7	41,6	61,1	58,5	79,1	69,1	80,5	83,9
По району	45,0	38,9	61,8	55,3	77,1	66,8	76,4	79,0
8. Малороссийский.								
Харьков	33,6	27,9	45,7	40,9	48,2	39,5	59,4	64,0
Полтава	40,4	32,6	57,1	51,4	62,4	57,1	66,3	71,8
По району	37,5	30,3	51,5	46,3	55,4	48,3	62,8	67,9
По 8-ми районам или 21 губ.	38,3	29,5	48,3	41,3	49,4	39,9	51,7	54,9

Р а й о н ы.	Сред. сб. в пуд. за 24 года.	В %/о к среднему сбору за 24-летие.										В %/о к среднему сбору за предыдущее четырехлетие.				
	1889—1912.	1883—1888.	1889—1892.	1893—1896.	1897—1900.	1901—1904.	1905—1908.	1909—1912.	1913—1916.	1889—1892.	1893—1896.	1897—1900.	1901—1904.	1905—1908.	1909—1912.	1913—1916.
1. Центр. земл.	48,9	88,3	70,1	107,4	99,2	113,3	89,6	120,4	119,6	79,4	153,1	92,4	114,2	79,1	134,5	99,3
2. Средне-Волжский . . .	41,3	98,5	63,9	116,0	106,8	114,8	80,9	116,9	116,7	64,9	181,4	92,1	107,5	70,5	144,6	99,8
3. Нижне-Волжский . . .	32,3	101,9	73,4	126,9	105,3	113,6	67,9	113,6	135,3	72,0	173,0	82,9	107,9	59,7	167,6	119,1
4. Южно-Уральский . . .	42,8	89,5	69,4	110,3	100,9	107,9	98,6	112,1	122,9	77,5	158,9	91,5	107,0	91,4	113,7	109,6
5. Юго-Восточный . . .	36,3	92,6	76,3	120,9	93,4	113,2	80,4	116,3	132,5	82,4	158,5	77,2	121,2	71,0	144,5	114,0
6. Новороссийск.	43,0	70,9	61,6	109,1	81,4	111,6	107,9	124,9	127,9	86,9	177,0	77,4	132,3	96,7	115,7	102,4
7. Юго-Западный	62,7	71,8	62,0	98,6	88,2	123,0	106,5	121,9	126,0	86,4	158,9	89,5	139,5	86,6	114,3	103,4
8. Малороссийский . . .	49,1	76,4	61,7	104,9	94,3	112,8	98,4	127,9	138,3	80,8	170,0	89,9	119,6	87,2	130,1	108,1
8 районов	43,4	88,2	68,0	111,3	95,2	113,8	91,9	119,1	126,5	77,0	163,7	85,5	119,6	80,8	129,6	106,1

Средний валовой сбор зерна на 1 дес. по районам и четырехлетиям в %/о.

Т а б л и ц а 4-я.

Если мы сравним эту таблицу с таблицей 1-ой, то увидим, что в выделенной нами области периодических колебаний, охватывающей 8 районов и 21 губернию, колебания выступают значительно резче, чем в 50 губ. Если во всей Европейской России (50 губ.) в 1897—1900 гг. урожайность упала на 9,4%, а в 1905—08 гг. на 14%, по сравнению с предыдущим четырехлетием, то в черноземной полосе Европейской России (21 губ.) она упала на 14,5% в 1897—900 гг. и на 19,2% в 1905—08 гг. В отдельных же районах колебания урожайности выступают с еще большей резкостью: падение урожайности достигает в отдельных районах до 35—40%, а повышение до 70—80% по сравнению с предыдущим четырехлетием.

Если мы теперь обратимся к характеру колебаний за весь период, то рассматриваемые районы у нас распределятся на следующие группы.

Особое место занимает Новороссийский район (Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ.). В нем наблюдаются сильные колебания в период времени между 1885 и 1905 гг., при чем падение достигает особенной силы в 1897—900 гг. (на 22,6% по сравнению с предыдущим четырехлетием), а повышение в 1893—96 гг. (на 77%). Но затем колебания замирают, давши уже в 1905—08 гг. еле заметное падение сбора.

Совершенно иной характер колебаний мы наблюдаем в Центрально-землед. (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская губ.) и Средневожском (Симбирская, Пензенская, Казанская губ.) районах. Тут, наоборот, резкое падение урожайности (по сравнению с предыдущим четырехлетием) в двух крайних четырехлетиях 1889—92 и 1905—08 гг. (на 20—35%) и, напротив, сравнительно слабое падение в 1897—900 гг. (на 8%).

Известное сходство с этим характером колебаний дает и Нижневожский район (Саратовская и Самарская губ.). В этом районе падение урожайности имеет достаточно резкий характер и в 1897—900 гг.—на 17%, но в двух крайних четырехлетиях это падение значительно резче—на 28% в 1889—92 гг. и на 40,3% в 1905—08 гг. Сходство этого района с предыдущими двумя еще усугубляется, если мы возьмем изменение урожайности по сравнению с средней за 24-летие. Тогда во всех трех районах мы получаем в 1897—900 гг. урожайность или совпадающую с средней за 24-летие (Центр.-землед.) или несколько выше ее (Средневож. и Нижневожск. р.), в крайние же четырехлетия 1889—92 гг. и 1905—08 гг. во всех трех районах мы получаем урожайность значительно ниже средней.

Из остальных районов необходимо отметить Южноуральский Уфимская губ.), в котором после сильного падения урожайности

ржи, заключающие в себе $\frac{3}{4}$ всей посевной площади ржи в 21 губ. С другой стороны в двух из этих районов—в Центрально-земл. и Средневожском, именно в тех двух, в которых более резко выступает отмечаемое нами взаимоотношение между тремя пониженными четырехлетиями, рожь является в то же время резко преобладающим хлебом. Очевидно устанавливаемый нами характер колебаний имеет место для ржи в пределах именно этих районов, и что это действительно обстоит так, мы можем убедиться из таблицы 6-ой, дающий сборы ржи по губерниям, выраженный в % отн. к среднему за 24-летие.

Из этой таблицы мы видим, что по соотношению между пониженными четырехлетиями получаются два крайние полюса в лице Новороссийского и Центрально-земледельческого районов. Ряд других районов располагается между ними.

Так же, как относительно всего зерна, и относительно ржи Новороссийский район дает в 1897—900 гг. резкое падение сбора ржи, еще более резкое, чем в 1889—92 гг., при слабом его падении в 1905—08 гг., но если мы от Новороссийского района перейдем к следующему с ним Юго-восточному району (Воронежская губ. и Донская обл.), то получим соотношение между этими четырехлетиями перевернутым уже в обратную сторону: в 1897—900 гг. падение сильное (по сравнению с пред. четырехлетием), но для Воронежской губ. значительно менее сильное, чем в 1889—92 гг. и для обеих губерний района (Воронежской и Донской) сильно уступающее падению сбора в 1905—08 гг. Если от этого района мы перейдем к соседнему с северо-восточным, району Нижневожскому (Саратовская и Самарская губ.), то получим то же явление в усиленном виде: падение сбора (по сравнению с предыдущим четырехлетием) ржи в 1897—900, хотя и сильное, но еще более, чем в предыдущем районе, уступающее падению сбора и в 1889—92 гг. и 1905—08 гг.

В двух губерниях Средневожского района (Пензенской и Казанской) количественное различие между двумя четырехлетиями уже становится почти качественным различием: при сильном падении сбора в 1889—92 и в 1905—08 гг. мы в 1897—900 гг. наблюдаем только слабое падение сбора.

И, наконец, в Симбирской губ. Средневожского района и в губерниях Центрально-земледельческого района различие становится уже вполне качественным: из этих губерний в 1897—900 гг. только Курская дает сколько-нибудь заметное (на 5,6%) падение сбора по сравнению с предыдущим четырехлетием, остальные же губернии,—Симбирская, Орловская, Тульская, Рязанская, и Тамбовская при значительном падении сбора в 1889—92 и в 1905—08 гг. дают в 1897—900 гг. сбор, не уступающий

Т а б л и ц а 6 - я.

Изменение сбора ржи на 1 десятину в % к среднему за 24-летие.

Губернии.	В пудах.		В процентах.							
	24-лет.									
	1889— 1912	1883— 1888	1889— 1892	1893— 1896	1897— 1900	1901— 1904	1905— 1908	1909— 1912	1913— 1916	
1. Центрально-Земледельческий.										
Курская	52,1	93,9	62,6	106,1	100,2	115,2	92,5	123,0	127,8	
Орловская . . .	45,7	96,7	81,2	102,6	105,9	109,8	85,6	114,9	110,1	
Тульская	48,2	97,1	82,2	108,5	108,1	113,5	83,8	103,3	112,4	
Рязанская . . .	51,2	97,1	79,7	109,6	106,6	115,6	86,9	108,2	114,6	
Тамбовская . . .	58,0	90,9	69,7	109,5	109,1	119,8	87,2	105,0	113,8	
2. Средне-Волжский.										
Симбирская . . .	47,5	100,6	69,5	111,8	108,8	118,7	83,8	106,9	129,7	
Пензенская . . .	50,5	98,6	67,5	119,6	109,3	114,5	79,8	109,9	108,7	
Казанская	44,5	89,7	62,9	118,0	105,4	117,5	90,3	105,2	127,0	
3. Нижне-Волжский.										
Саратовская . . .	42,4	97,2	76,4	124,5	114,9	120,0	74,8	88,9	129,0	
Самарская	33,8	106,5	67,8	124,6	104,7	116,0	71,0	115,7	137,6	
4. Южно Уральский.										
Уфимская	49,6	81,9	73,2	100,8	93,1	114,9	104,2	113,9	114,1	
5. Юго-Восточный.										
Воронежская . .	48,1	100,0	63,0	116,0	98,5	120,2	83,6	118,1	140,7	
Донская обл. . .	24,8	112,9	80,2	144,8	98,0	112,5	69,4	96,0	182,7	
6. Новороссийский.										
Бессарабская . .	50,7	86,4	62,1	121,3	72,6	119,9	108,3	116,8	119,1	
Херсонская . . .	38,9	77,1	53,0	125,7	67,9	127,8	103,1	122,9	160,7	
Таврическая . . .	31,4	92,0	69,1	110,2	77,7	115,9	109,8	122,9	159,6	
Екатеринослав . .	39,0	78,5	48,5	94,9	88,7	113,6	107,2	146,4	153,8	
7. Юго-Западный.										
Подольская . . .	62,4	76,3	63,8	100,8	88,0	121,2	102,7	123,8	125,5	
Киевская	65,6	79,0	66,0	97,4	92,4	124,1	95,6	124,8	131,4	
8. Малороссийский.										
Харьковская . . .	48,2	90,5	53,9	106,2	92,5	111,6	95,9	139,8	164,1	
Полтавская . . .	57,6	82,6	59,0	104,0	92,7	119,1	99,0	126,0	144,4	
По 8 районам или 21 губ.	48,0	93,1	67,9	112,4	101,3	117,8	88,2	112,6	130,4	

или почти не уступающий по размерам сбору за предыдущее повышенное четырехлетие 1893—900 гг.

Таким образом, для этих губерний по отношению к ржи непрерывных колебаний по четырехлетиям мы не получаем, а получаем после резкого падения сбора в четырехлетие 1889—92 гг. 12 лет—1893—1904 гг. полного благополучия и затем снова резкое падение сбора в течение четырехлетнего периода—1905—1908 гг.

Обстоит ли так дело в этих районах только с озимыми хлебами^{*)}, или ту же картину представляют и яровые хлеба? Очевидно нет, так как иначе мы не имели бы определенных и отчетливых колебаний в Центрально-земледельческом районе по отношению ко всему зерну (см. табл. 4). Но обратимся все-таки к яровым хлебам в этих районах. Преобладающим яровым хлебом в Центр.-землед. и Средневожском районах является овес. Картина изменения сбора овса дает таблица 7.

Т а б л и ц а 7-я.

Изменение сбора овса на 1 десятину в % к среднему за 24-летие.

Губернии.	В	В п р о ц е н т а х .								
	пудах.									
	24-лет. 1889— 1912	1883— 1888	1889— 1892	1893— 1896	1897— 1900	1901— 1904	1905— 1908	1909— 1912	1913— 1916	
1. Центрально-Земледельческий.										
Курская	47,2	79,7	70,1	96,2	86,0	113,6	101,7	132,4	140,2	
Орловская . . .	44,0	86,6	80,2	105,0	88,0	102,7	95,2	128,4	119,3	
Тульская	49,6	89,1	76,1	110,7	90,9	109,5	88,9	124,2	112,3	
Рязанская . . .	46,5	91,8	68,8	110,8	83,9	111,8	94,0	130,1	120,4	
Тамбовская . . .	52,4	87,0	61,5	116,2	85,7	115,1	87,4	134,7	104,4	
2. Средне-Волжский.										
Симбирская . . .	36,5	112,6	65,8	122,2	101,4	118,1	63,8	129,3	115,3	
Пензенская . . .	39,9	104,3	65,4	103,3	99,2	111,8	71,9	148,9	93,5	
Казанская	36,5	79,3	53,7	119,9	115,6	109,3	80,5	121,6	116,7	
3. Нижне-Волжский.										
Саратовская . . .	38,4	97,1	66,7	125,8	104,7	112,5	59,1	131,0	99,0	
Самарская	29,9	121,1	56,5	141,8	112,0	101,7	63,9	123,1	152,5	

В двух губерниях Средневожского района — Пензенской и Казанской мы получаем относительно овса картину очень близкую к той, которую имели относительно ржи в Симбирской губ. и губерниях Центрально-землед. района. Относительно овса данные

^{*)} Мы брали только рожь для этих районов, так как посевы озимой пшеницы в этих районах ничтожны.

губерний повторяют даже более близко эту картину, чем они это делали относительно ржи. Относительно ржи они дали и в 1897—900 гг. падение сбора на 9—11%, а по овсу в это четырехлетие падение сбора в этих губерниях достигает только 3—4%. Третья губерния этого района, Симбирская, дает и в 1897—900 гг. значительное падение сбора овса по сравнению с предыдущим четырехлетием, но гораздо меньшее, чем в 1889—92 и 1905—08 гг. То же самое наблюдается в обеих губерниях Нижневожского района (Саратовской и Самарской). Но губернии Центрально-землед. района, именно те губернии, которые относительно ржи дали резко выраженную особую картину колебаний, не дают ничего похожего на эту картину относительно овса. Мы находим тут обычные четырехлетние колебания, в области которых четырехлетие 1897—900 гг. не отличается в общем от четырехлетия 1905—08 гг.

Так обстоит дело с овсом. Но в губерниях Нижневожских, Саратовской и Самарской более преобладающим яровым хлебом является яровая пшеница, чем овес. Некоторую роль из остальных губерний рассматриваемых районов играет яровая пшеница еще в Симбирской губернии.

Таблица 8 даст изменение сбора яровой пшеницы в этих трех губерниях.

Т а б л и ц а 8-я.

Изменение сбора яровой пшеницы на 1 десятину в % к среднему за 24-летие.

Губернии.	В пудах. 24-лет. 1889—1912	В процентах.							
		1883—1888	1889—1892	1893—1896	1897—1900	1901—1904	1905—1908	1909—1912	1913—1916
Симбирская . . .	32,8	112,5	79,6	100,0	107,0	122,3	65,9	125,0	123,1
Саратовская . . .	29,2	101,4	76,0	123,3	99,7	116,1	57,5	128,1	104,1
Самарская	27,7	95,3	64,3	127,1	97,8	116,7	72,2	122,4	155,8

В области яровой пшеницы и Симбирская губерния дает совершенно ту же специфическую картину колебаний, которую эта губерния и губернии Центрально-земледельческого района дали по ржи, а другие две губернии Средневожского района по овсу: четырехлетний кризис (1889—92 гг.), 12 лет повышенных сборов и опять четырехлетний кризис (1905—08 гг.). Саратовская же и

Самарская губ. и тут также как по ржи и по овсу дают только некоторое сходство с этой картиной: хотя и значительное падение сбора в 1897—900 гг., но гораздо менее значительное, чем в 1889—92 и 1905—08 гг. По краям тут тоже сильнейшие кризисы и отделяют их те же 12 лет, но не сплошного благополучия, в середине их имеется хотя и слабый, но тоже четырехлетний кризис.

Замкнута ли эта вскрытая только что нами картина колебаний по ржи и отчасти по овсу в тот период времени, который мы рассматриваем, или она имела и раньше?

Что касается ржи, то завесу, скрывающую от нас годы, предшествующие рассматриваемому периоду, мы можем значительно приподнять, благодаря имеющимся у нас разработанным данным об урожаях ржи по всеподданнейшим отчетам, начиная с 1870 г. К сожалению эти данные за все время, кончая 1888 годом, имеются только для всей России, в ее целом (50 губ.). Тем не менее они все-таки могут бросить свет на интересующий нас вопрос. Эти данные сгруппированы в таблице 9.

Т а б л и ц а 9.

Урожай ржи «сам сколько» по всеподданнейшим отчетам.

Годы.	Урожай ржи.	Годы.	Урожай ржи.	Годы.	Урожай ржи.	Годы.	Урожай ржи.	Годы.	Урожай ржи.
1870....	4,2	1873....	4,0	1877....	4,3	1881....	4,5	1885....	4,2
1871....	3,8	1874....	4,8	1878....	4,6	1882....	4,2	1886....	4,3
1872....	3,5	1875....	3,7	1879....	3,5	1883....	3,8	1887....	5,1
В средн.	3,83	1876....	3,5	1880....	3,3	1884....	4,4	1888....	4,8
		В средн.	4,00	В средн.	3,93	В средн.	4,23	В средн.	4,60

Таблица эта дает чрезвычайно интересные результаты. Во-первых она, как это мне приходилось уже устанавливать в «Познании России», свидетельствует о том, что изучаемым нами колебаниям—по четырехлетиям и смене 12 лет благополучия 4-летним кризисом—предшествовали в области ржи другие колебания—по двухлетиям. С какого года они начались, мы к сожалению не знаем. Тот период времени, который мы можем обозреть, уже с самого начала находится в пределах этих колебаний. К сожалению, данные начинаются с 1870 года, а не с 1869 года. Если в 1869 год был урожай, как можно думать, так же как в 1870 г. повышенный, то 1869—1870 гг. уже звено колебаний, затем идет правильная смена двух лет повышенных урожаев двумя годами пониженных урожаев и наоборот, вплоть до 1883 года. 1883 год начинает собой очередное пониженное двухлетие и дает пониженный сбор, но с 1884 года колебания обрываются: 1884 год дает повышенный сбор вместо

пониженного и потом идет волна непрерывного повышения: двухлетие 1885—86 гг. дает более высокий сбор, чем 1883—84 гг., и 1887—88 гг. более высокий, чем 1885—86 гг.

Отсюда мы должны сделать прежде всего вывод, что в условиях русского земледелия таились какие-то моменты, благоприятные для периодических колебаний, создающие тенденцию к группировкам лет с очередными повышениями и понижениями уровня урожая.

Создалась по ржи смена повышенных и пониженных урожаев по двухлетиям. Сколько времени она существовала, мы не знаем, но 14 лет этих колебаний перед нами. Затем эта смена была уничтожена волной повышения урожаев в течение 6 лет. Было ли это отражением прогресса сельского хозяйства? Очевидно, нет. Последовавший за этой повышательной волной жестокий кризис 1889—92 гг. служит этому опровержением. А раньше? Раньше никакого прогресса. Двухлетия повышенные и пониженные компенсируют друг друга и по четырехлетиям дают устойчивые средние. Если, как можно предполагать, 1869 г. был годом повышенного урожая, тогда по трем последовательным четырехлетиям, 1869—1872, 1873—1876 и 1877—1880 гг. мы получаем почти одинаковую среднюю урожайность.

Дальше уже и по четырехлетиям идет повышение урожайности. Но очевидно это случайное повышение. Какие-то силы требуют компенсации за это повышение и получают его в виде жестокого четырехлетнего кризиса 1889—92 гг. Пробивается русло для новых колебаний. И тут для различных районов получаются несколько различные колебания. Южный чернозем (Новороссийский, Юго-западный, Малороссийский районы) идет путем правильных четырехлетних колебаний. Северный чернозем (Центрально-земледельч. и Симбирская губ. Средневожского района) получает смену 4 лет кризиса и 12 лет благополучия, и наконец, некоторые районы (Пензенская и Казанская губ. Средневожского района, Нижневожский и Юго-восточный районы) выбирают смешанный путь, дают своеобразное соединение обеих тенденций.

Таблица 9-ая, как касающаяся всей России, не говорит нам ничего о том, не существовали ли для этих групп районов в эти годы такие особенности, которые создали предпосылки для особых видов колебаний. Но данные этой таблицы говорят о предпосылках, при известных условиях прокладывающих русло для обоих видов колебаний. В самом деле. Если мы сосредоточим внимание на том, что три последние четырехлетия перед кризисом 1889—92 гг. дают в результате обрыва двухлетних колебаний волну повышения в течение 12 лет, то вот перед нами 12-летний период благо-

получия, пробивающий дорогу для смены следующего затем 4-летнего жестокого кризиса 12 годами нового благополучия. Если же мы сосредоточим внимание на повышении средней урожайности четырехлетия в 1885—88 гг. по сравнению с четырехлетием 1881—84 гг., то мы получим прокладывание русла для чистых четырехлетних колебаний.

Господствующей формой колебаний даже для ржи стали во всяком случае четырехлетние колебания. Из 21 губернии отсутствуют по ржи четырехлетние колебания и вместо них действует в чистом виде другая форма колебаний только в 5 губерниях (Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Симбирской) и преобладает другая форма колебаний в 3 губ. (Курской, Пензенской и Казанской).

Что касается других хлебов, то кроме двух губерний по овсу (Пензенской и Казанской) и одной по яровой пшенице (Симбирской), безусловным господством в рассматриваемый период пользуются четырехлетние колебания.

4. Общая характеристика и объяснение периодических колебаний.

Все таблицы наши давали нам только среднюю по четырем годам, и четырехлетние колебания мы констатировали по отношению к этой средней урожайности. Четырехлетние колебания не означают смену четырех высоких урожаев четырьмя низкими урожаями. По отдельным губерниям и отдельным хлебам мы наблюдаем в пределах отдельных четырехлетий самые разнообразные сочетания высоких и низких урожаев, при чем в четырехлетиях с низким средним уровнем урожайности встречаются отдельные года с высоким урожаем и в четырехлетиях с средней повышенной урожайностью встречаются низкие урожаи. Но, по мере того как мы будем подниматься от отдельных губерний к районам, от районов ко всей области колебаний (21 губ.) и от отдельных хлебов к зерну в целом, все реже и реже будут оказываться в четырехлетиях с средней пониженной урожайностью отдельные года с высокой урожайностью и в повышенных четырехлетиях отдельные низкие урожаи.

Уже для отдельных хлебов, но взятых во всей черноземной полосе (21 губ.) такие года являются незначительным меньшинством в общем количестве лет, входящих в период действия колебаний. Если же мы возьмем все зерно для всей области колебаний, то тут уж, как общее правило, мы найдем, что в пониженных четырехлетиях и отдельные годы дают урожайность ниже средней за предыдущее четырехлетие, а в повышенных урожайность выше средней.

Еще резче и определеннее действует другая тенденция.

В пределах каждого четырехлетия и высокого, и низкого по средней урожайности, мы наблюдаем довольно резкие колебания урожайности по отдельным годам, но если мы расположим годы в каждом четырехлетии по возрастанию или убыванию урожайности и сопоставим между собой года этих четырехлетий, занимающие в них соответственное место, то получим, что первый по высоте урожай низкого четырехлетия будет иметь тенденцию уступать по величине первому по высоте урожаю второго четырехлетия, второй по высоте—уступать второму и т. д. Эта тенденция опять-таки окажется только слабо заметной в отдельных хлебах по отдельным губерниям, но все определеннее выступает по мере перехода к районам и всей области колебаний и ко всему зерну в целом.

Таблица 10 с 1889 года по 1912 г. располагает урожаи в каждом четырехлетии в порядке от самого высокого к самому низкому.

Т а б л и ц а 10.

Сборы на десятину в 21 губ. по четырехлетиям, расположенные в порядке понижения от самого высокого к самому низкому.

Четырехлетия.	I.	II.	III.	IV.	Среднее.	% отнош. самого высокого урожая к самому низкому.
1889—1892	35,7	30,3	27,5	24,3	29,5	121,0
1893—1896	53,1	50,6	45,8	43,7	48,3	121,5
1897—1900	47,3	42,8	41,6	33,3	41,3	142,0
1901—1904	55,2	55,1	49,3	37,9	49,4	145,6
1905—1908	43,4	41,6	39,7	34,7	39,9	125,1
1909—1912	39,1	54,2	53,9	39,4	51,7	150,0

За двумя исключениями—урожай 37,9 1901 года и урожай 39,4 1911 года—все остальные урожаи в повышенных четырехлетиях (1893—96, 1901—05, 1909—12 гг.) оказываются выше среднего уровня, а в пониженных четырехлетиях (1889—92, 1897—900, 1905—08 гг.) оказываются ниже среднего уровня предшествующих им четырехлетий. Но тут имеются все таки два исключения. Без всяких за то исключений действует тут та тенденция, которую мы только что отмечали: первый по высоте урожай повышенного четырехлетия всегда выше и первый по высоте урожай пониженного четырехлетия всегда ниже урожая предыдущего четырехлетия, такое же отношение существует между вторыми по высоте

урожаями, третьими и четвертыми. И если самый низкий урожай высокого по урожайности четырехлетия 1901—04 гг., именно урожай 1901 года, вопреки общему правилу оказался ниже среднего уровня за предыдущее четырехлетие, то он все таки выше и даже заметно выше (на 13,8%) самого низкого урожая предыдущего четырехлетия (урожая 1897 г.). Точно также самый низкий урожай повышенного по урожайности четырехлетия 1909—12 гг., если не превышает по своей величине средний уровень предыдущего низкого четырехлетия, то по сравнению с самым низким урожаем предыдущего четырехлетия он оказывается заметно повышенным (выше на 13,5%). И так всюду без исключений: периодичности средних уровней урожайности соответствует периодичность первых, вторых, третьих и четвертых по высоте урожаев, при переходе к ним от четырехлетия к четырехлетию.

Повторяем: в таком чистом виде эта тенденция проявляется только во всей области колебаний по отношению ко всему зерну в целом. Уже для отдельных хлебов взятых для всей области эта тенденция имеет отдельные нарушения. Ни одного отступления от нее не дает только озимая пшеница, по одному отступлению дают яровая пшеница и ячмень, два отступления дает овес и три отступления рожь. При переходе к районам и губерниям число отступлений будет расти.

Очевидно в рассматриваемый нами период времени уровень урожайности определялся двумя силами, или двумя комплексами причин. Одна сила совершенно несомненна и может быть сразу названа: это комбинация метеорологических условий, различающаяся от года к году, и от года к году определяющая высоту урожая. Внутри каждого четырехлетия мы видим большую колеблемость урожаев, и высокие по своему среднему уровню урожайности четырехлетия дают не менее резкие колебания урожайности, чем низкие.

Так напр. в высоких по урожайности четырехлетиях 1901—04 и 1909—12 гг. мы имеем разницу между самым высоким и самым низким урожаем в 45—50%, а с другой стороны в четырехлетиях с низкой урожайностью 1897—900 гг. эта разница равняется 42%. Объяснить эту разницу внутри каждого четырехлетия можно только различием метеорологических условий, действовавших из года в год. Но рядом с этим действовали еще очевидно в течение рассматриваемого периода какие то условия, определявшие тот уровень, вокруг которого происходили колебания урожаев в каждом четырехлетии, повышавшие этот уровень в одном четырехлетии, понижавшие его в другом. При этом предположении делаются понятными те особенности четырехлетних колебаний, которые мы только что установили.

Если мы возьмем какой-нибудь отдельный хлеб на пространстве одной губернии, мы получим естественно максимальную резкость погодных колебаний в зависимости от меняющихся метеорологических условий. Но в процессе произрастания отдельных хлебов, в особенности главных групп—озимых и яровых—метеорологические условия действуют различно, выступают до известной степени противоположные влияния на урожайность, взаимно нейтрализующие друг друга по отношению к урожаю зерна в целом. Поэтому резкость колебаний урожаев зерна в целом даже в пределах той же губернии должна быть ниже, поскольку она зависит от меняющихся метеорологических условий. Еще больше нейтрализуются действующие в противоположные стороны на урожайность метеорологические условия по мере расширения пространства той области, в пределах которых исследуется урожайность. Резкость колебаний урожаев по годам в зависимости от метеорологических условий становится в результате все меньше и меньше. Отсюда делается понятным, что те условия, которые в рассматриваемый период действовали периодически повышающе и понижаяще на урожаи от четырехлетия к четырехлетию в пределах одной губернии и по отношению к одному хлебу могли, максимум, достигнуть известной периодичности только по отношению к среднему уровню урожайности по четырехлетиям. При переходе от отдельных хлебов к зерну в целом и расширении пространства рассматриваемой области, находящейся в пределах той же тенденции, по мере ослабления резкости погодных колебаний урожаев в зависимости от метеорологических условий, наша тенденция к периодичности естественно достигает больших результатов, она начинает давать периодичность не только средних уровней урожайности по четырехлетиям, но и отдельных лет в четырехлетиях, занимающих определенное место в них в порядке убывания или возрастания урожайности (первых по высоте урожайности лет, вторых и т. д.) и наконец максимальное действие этой тенденции к периодичности выражается в том, что каждый год, даже самый низкий, в четырехлетии с повышенной урожайностью дает урожай выше среднего уровня предыдущего четырехлетия и каждый год, даже самый высокий, в пониженном четырехлетии дает урожай ниже среднего уровня четырехлетия высокого ему предшествующего.

Итак весь этот анализ делает несомненным, что, рядом с погодным влиянием на урожаи метеорологических условий, действовали в течении рассматриваемого периода условий, периодически в течение одного четырехлетия из года в год повышавшие урожайность, в течение другого четырехлетия понижавшие ее.

Что же это за условия? Не следует ли их искать тоже в ме-

теорологической области? Что метеорологические условия могут случайно скомбинироваться в течение целой группы лет в благоприятную или неблагоприятную сторону для урожаев, определивши для целой группы лет высокую или низкую урожайность, в этом не может быть никаких сомнений.

И если в области ржи мы видели в течении 5 лет с 1884-го по 1888-й включительно высокие урожаи (см. таблицу 9), оборвавшие двухлетние колебания и создавшие вместо прежней устойчивости средней урожайности по четырехлетиям повышательную волну в течение трех четырехлетий—1877—80, 1881—84, 1885—88 гг., то причины этих высоких урожаев и вытекшей из них повышательной волны мы можем искать только или в сельскохозяйственном прогрессе, или в случайной комбинации метеорологических условий в течение 5-летия 1884—88 гг. Сильнейшее падение после этого урожайности ржи в течение целого четырехлетия 1889—92 гг., как я указывал уже раньше, заставляет думать, что повышательная волна в течение трех предыдущих четырехлетий была вызвана случайной комбинацией 5 урожайных лет в зависимости от случайной благоприятной комбинации метеорологических условий.

За пятью годами высоких урожаев ржи 1885—88 гг. последовали четыре года низких. Действовала ли тут тоже случайная комбинация метеорологических условий? Несомненно, хотя очень мало вероятно, что одной этой случайной комбинацией объясняется не имевшее прецедентов раньше чрезвычайное падение урожайности в течение целого четырехлетия. Ну, а дальше установившаяся периодичность колебаний? Она уже, очевидно, не может быть объяснена случайностью. Предполагать же периодичность в изменении каких нибудь из основных метеорологических условий нет оснований, да и это предположение встретило бы ряд непреодолимых трудностей.

История урожаев ржи говорит нам о какой то эволюции, о каком то развитии периодических колебаний, переходе одних в другие, а не простой длящейся периодичности внешних для урожаев метеорологических условий.

И мы сможем найти ключ к этой эволюции, если обратим внимание, что и колеблемость урожаев по годам ни в каком случае не может быть объяснена только влиянием метеорологических условий.

Еще в старой своей статье под тем же, что и эта заглавием, в журнале «Познание России», стараясь объяснить открытые мною периодические колебания, я использовал для этой цели одно из писем Маркса к Николаю—ону.

Приведу и сейчас соответственную выдержку, с тем, чтобы дававшееся мною тогда объяснение периодичности развить не-

сколько дальше и обосновать на основании тех более широких данных, которыми мы сейчас располагаем, благодаря произведенной в Центральном Статистическом Управлении работе.

«Почва, писал Маркс, будучи непрерывно истощаема и не получая путем растительного, животного или искусственного удобрения, необходимых для ее восстановления элементов, но представленная лишь изменчивым влиянием более или менее благоприятной погоды и других независящих от человека обстоятельств будет все же продолжать приносить жатвы очень различного изобилия.

При таких обстоятельствах, благоприятные климатические условия только пролагают путь голодному году, вследствие быстрого потребления и освобождения еще скрывавшихся в почве минеральных оплодотворителей; и наоборот голодный год, а еще более ряд неурожайных лет позволяет свойственным данной почве минералам накопиться сызнова и обнаружить новое благодетельное присутствие при новом возвращении благоприятных климатических условий».

Иначе говоря в стране с низким уровнем земледелия и вытекающим из него хищническим хозяйничанием на земле на уровень урожаев рядом с метеорологическими и климатическими условиями влияет также внутренняя причинная связь между высокими и низкими урожаями. Истощенная почва реагирует гораздо сильнее на неблагоприятные метеорологические условия. Действие их при истощении почвы дает гораздо более резкое падение урожая. Но, благодаря этому резкому падению, почва отдыхает, элементы плодородия в ней накаплиются и таким образом прокладывается путь к повышению урожая, и, если в следующем году действуют более благоприятные условия, то действие их значительно усиливается этой повышательной тенденцией.

Этим объясняется тот факт, что в стране с отсталым земледелием резкость колебаний урожаев значительно выше, чем в странах, в которых земледелие поставлено рационально. На этот факт я указывал уже и опирался в статье своей в «Познании России» и затем в «Нашей Заре» (1911 г., № 7—8). Этот же факт твердо установлен затем на основании большого количества данных Д. Н. Иванцовым в очень интересной брошюре «Об устойчивости русских урожаев».

Используем все таки имеющиеся у нас данные, чтобы бросить еще больше света на этот вопрос. Д. Н. Иванцов брал и сравнивал прежде всего колеблемость урожаев за очень большой период—за 28 лет, но в силу этого ему же приходилось учитывать и выделять особый фактор колеблемости, вытекающей из прогресса земледелия.

Страны рационального земледелия являются в то же время странами прогрессирующего земледелия, и при большом периоде времени самая максимальная высота урожая становится выше, а следовательно растет и разница самого высокого урожая, оказывающегося при большом периоде времени естественно ближе к концу периода, с самым низким урожаем, оказывающимся ближе к началу периода. Тем более показательно при таких условиях, что даже при большом периоде времени страна с земледелием слабо прогрессирующим, как Россия дает все таки значительно большую разницу между максимальным и минимальным урожаем, чем страны рационального земледелия.

Но мы можем с самого начала устранить влияние прогресса, взявши ряд сравнительно небольших периодов, в течение каждого из которых сельскохозяйственный прогресс не может оказать заметного действия на урожайность. В виду четырехлетних колебаний ясно, что лучше всего для этой цели будут служить 8-летия и именно такие восьмилетия, которые будут слагаться из пониженного и повышенного по урожайности четырехлетий.

Если мы возьмем при этом рожь, то получим ту выгоду, что сможем проследить эволюцию колеблемости урожаев за достаточно значительный период времени, пользуясь для 1870—1888 гг. данными всеподданейших отчетов, а в дальнейшем данными Центр. Стат. Ком. Тогда представление об эволюции колеблемости урожаев ржи и в то же время сопоставление с нормальной их колеблемостью при рациональной постановке земледелия даст нам таблица 11.

Т а б л и ц а 11-я.

Колеблемость урожаев ржи в 50 губерниях Европейской России.

Период времени.	Год самого высокого урожая.	Высота урожая.	Год самого низкого урожая.	Высота урожая.	% отношение самого высокого урожая к самому низкому.
1873—1880 гг.	1874	4,8 ¹⁾	1880	3,3 ¹⁾	145,5
1881—1888	1887	5,1 ¹⁾	1883	3,8 ¹⁾	134,2
1889—1896	1894	53,8 ²⁾	1891	29,6 ²⁾	181,8
1897—1904	1904	57,1	1897	38,0	150,3
1905—1912	1912	58,6	1906	35,0	167,5
Германия:					
1905—1912 гг.	1909/1912	123 ³⁾	1905	104 ³⁾	118,3
Франция:					
1905—1912 гг.	1905	78 ³⁾	1910	61 ³⁾	127,9

¹⁾ Урожай сам сколько. % отношение между выраженными, таким образом, урожаями будет приблизительно такое же, как между валовыми сборами на десятину, т. к. посевы на десятину изменяются от года к году незначительно.

²⁾ Здесь и до конца валовые сборы в пудах на десятину.

³⁾ Данные взяты из сборников ст. свед. изд. Отд. С. Э. и С. С.

До 1883—84 гг., как мы видели раньше из таблицы 9, в урожаях ржи наблюдались правильные периодические колебания по двухлетиям: два высоких урожая сменялись двумя низкими и в итоге за четырехлетия устанавливалась устойчивая средняя.

В этот период времени с неизменными средними урожаями отношение самого высокого урожая к самому низкому было равно 145,5 против 127,9 во Франции и 118,3 в Германии в 1905—12 гг. след. по сравнению с тем отношением, какое могло быть достигнуто при рациональном земледелии, должно быть признано очень высоким.

В 1881—88 гг. это отношение понижается, но это—случайное понижение, оно произошло только в силу того, что случайная комбинация метеорологических условий оборвала двухлетние колебания.

Дальше, как мы знаем, последовало резкое падение урожайности (1889—92), сменившееся потом резким повышением. Рождаются из двухлетних четырехлетние колебания, и муки родов этих колебаний сопровождаются чрезвычайным усилением резкости колебаний: отношение самого высокого урожая к самому низкому становится вместо 145,5 в 1873—80 гг. и 134,2 в 1881—88 гг.—181,8 в восьмилетие 1889—96. Затем эта резкость ослабевает, но остается очень высокой; отношение самого высокого урожая к самому низкому достигает 150,3 в 8-летие 1897—900 гг. и 167,5 в 8-летие 1905—1912 гг. Состояние земледелия стало менее нормальным, чем раньше. Истощение почвы сказалось в заметном усилении резкости колебаний по годам. И если эта резкость была ненормальной и в 1873—80 гг., то теперь она стала совершенно ненормальной: в 1905—12 гг.—167,5 против 127,9 во Франции и 118,3 в Германии за те же годы.

Для того, чтобы иметь сравнимые данные с 70-ми и 80-ми годами, мы брали 50 губерний Европейской России. Но в черноземной полосе Европейской России урожаи отличались и отличаются гораздо большей устойчивостью. Возьмем поэтому еще для 90-х и 900 гг. колебания урожаев ржи для исследуемых нами 21 губернии, охватывающих почти всю черноземную полосу и по населению представляющих область приблизительно равную Германии.

Т а б л и ц а 12-я.

Колеблемость урожаев ржи в 21 губ. черноземной России.

Период времени.	Год самого высокого урожая.	Высота урожая.	Год самого низкого урожая.	Высота урожая.	% отношение самого высокого урожая к самому низкому.
1889—1896 гг.	1894	59,1	1891	23,1	255,9
1897—1904	1904	61,2	1897	33,5	182,7
1905—1912	1912	60,7	1906	34,0	178,1

Тут (т. 12) мы видим еще большую резкость колебаний, чем во всей Европейской России: отношение самого высокого урожая к самому низкому при зарождении четырехлетних колебаний достигло 255,9, а в последующее время равнялось 182,7—178,1 против 118,3 в Германии и 127,9 во Франции.

Для характеристики резких колебаний, установившихся в 90 и 900 гг. сравним за период времени 1905—12 гг. кроме ржи еще и отношение между урожаями пшеницы.

Т а б л и ц а 13-я.

Колеблемость урожаев пшеницы (озимой и яровой) в 8-летие 1905—1912 гг.

	Год самого высокого урожая.	Высота урожая в пуд. с дес.	Год самого низкого урожая.	Высота урожая в пуд. с дес.	% отношение самого высокого урожая к самому низкому.
50 губ. Европ. России .	1909	55,5	1906	31,5	176,2
21 губ. черн. пол.	1909	56,4	1906	31,2	180,8
Франция	1907	104 ¹⁾	1910	72 ¹⁾	144,4
Германия	1912	156 ¹⁾	1905	128 ¹⁾	121,9
Англия	1907	159 ¹⁾	1912	136 ¹⁾	116,9

Тут и страны Западной Европы разместились в порядке соответствующем уровню их земледельческой культуры. Англия страна с наиболее высокой культурой, с средним сбором в рассматриваемое 8-летие в 151 пуд с дес., дает наименьшее % отношение между максимальным и минимальным урожаем—116,9%; Германия с несколько более низкой культурой, с средним сбором 136 пуд. с дес., дает уже несколько большее отношение высокого к низкому урожаю—121,9; значительно уступающая Англии и Германии по уровню культуры Франция с средним сбором 91 п. с дес. дает значительно более резкую колеблемость урожаев, % отн. самого высокого к самому низкому урожаю у нее достигает 144,4, и, наконец, Россия с средним сбором не достигающим и 40 пуд. с дес. (39,9 для 50 губ. и 39,3 для 21 губ.), дает естественно и самые резкие колебания урожаев: отношение самого высокого урожая к самому низкому в ней достигает 176,2—180,8%.

Все эти данные блестяще подтверждают меткие замечания Маркса о внутренней причинной связи между высокими и низкими урожаями при нерациональной культуре, истощающей почву.

Но если при отсталом земледелии, истощающем почву, каждый отдельный высокий урожай прокладывает сам путь к низкому

¹⁾ Цифры сборов взяты из сборн. ст.-эк. св. изд. Отд. С.-Э. и С.-Х. С

урожаю и наоборот, то еще с большей силой эта внутренняя причинность урожаев должна выступать тогда, когда благодаря случайной комбинации метеорологических и климатических условий создается группа урожайных или неурожайных лет. Тогда должна создаться сильная тенденция к понижению или повышению урожайности, которая должна действовать в течение ряда лет.

Четырехлетние периодические колебания для всех хлебов во всем признакам родились в тяжелое 4-летие 1889—92 гг. В это четырехлетие несомненно действовали неблагоприятные метеорологические условия. Но падение урожайности для всего зерна в течении четырехлетия на 23% в среднем не может быть сведено только к неблагоприятным условиям погоды. Это был несомненный жестокий кризис земледелия на основе истощения почвы, вызванного нерациональным хозяйничанием на земле, имевшим место в в ряде предшествующих лет.

Истощенная почва реагировала в чрезвычайной степени на неблагоприятные метеорологические условия. Но сильное падение урожаев в течение четырехлетия содействовало усиленному накоплению элементов плодородия и таким образом прокладывало путь к повышению урожаев в следующее четырехлетие.

Именно четырехлетний период в данном случае не представляет собой чего нибудь необходимого. Как мы видели выше, в 70-х гг. в сборах ржи наблюдались двухлетние колебания. Затем в статье своей в «Познании России», я привел ряд данных, заставляющих думать, что в области яровых наблюдалась своеобразная форма колебаний—смена одного низкого урожая тремя повышенными, форма колебаний, которая для яровых наблюдается и в четырехлетие, непосредственно предшествующее кризису 1889—92, именно четырехлетие 1885—88 гг.

Но интересно отметить то, что мне не приходилось отмечать до сих пор: в обеих формах колебаний—и для ржи и для яровых—повышение и понижение сборов компенсировались и создавали устойчивую среднюю в течение четырехлетия.

Для ржи мы видели эту устойчивую среднюю в течение трех четырехлетий—1869—72, 1873—76 и 1877—80 гг. По яровым у нас имеются более скудные данные, но поскольку они имеются, они дают для 70-х гг. два четырехлетия 1871—74 и 1875—78 гг. с указанной формой колебаний внутри их и с мало отличающимся средним уровнем урожайности для обоих четырехлетий.

Относительно ржи мы знаем, что двухлетние колебания были оборваны по всем признакам случайной игрой сил природы. В результате получились два четырехлетия с незаработанным повышением урожайности: 1881—84 гг. с повышением на 7% и 1885—

1888 гг. на 15% по сравнению с прежней устойчивой средней. Эти два четырехлетия непосредственно подходят к четырехлетию 1889—92 гг. со своим незаработанным повышением, требующим компенсации. И не случайно поэтому рожь в эти критические годы дала большее падение урожайности, чем яровые хлеба.

История яровых, насколько в указанной статье мне удалось ее восстановить, носит более запутанный характер. Действовавшая там форма колебаний тоже была сорвана, но после известного перерыва на почве резкого падения урожая яровых в 1885 году она снова появляется в четырехлетие 1885—88 гг.: низкий урожай 1885 г. сменяется тремя высокими. Четырехлетие 1885—88 гг. по яровым не было высоким, как по ржи. Насколько можно судить по данным Отд. С.Э. и Ст. (впрочем очень неточным для 1881 и 1882 гг.) оно было пониженным по сравнению с предыдущим четырехлетием, но повидимому предыдущее четырехлетие было очень высоким, и то понижение урожайности, которое произошло в среднем в четырехлетие 1885—88 гг., не компенсировало предыдущего повышения урожайности. Поэтому и яровые реагировали чрезвычайно сильно на неблагоприятные климатические условия в 1889—92 гг.

Определенная комбинация урожаев в предшествующие годы и та сила оздоравливающего влияния в смысле накопления элементов плодородия, которая вытекала из большего или меньшего падения средней урожайности в 1889—92 гг.¹⁾, очевидно определили собой в одних случаях чистую четырехлетнюю форму колебаний, в других смену четырехлетнего кризиса 12 годами благополучия, в третьих сочетание обеих форм колебаний, для всей же черноземной полосы и для всей России и для зерна в целом создали колебания по четырехлетиям.

На чем покоились двухлетние колебания по ржи в 70-х гг.? На том, что случайные колебания метеорологических условий, действующие из года в год, по отношению к двухлетиям должны были отличаться значительно меньшей резкостью, чем по отдельным годам. И вызванное неблагоприятными климатическими условиями, а истощением почвы усиленное падение урожайности в течение какого-нибудь случайного двухлетия должно было создать тенденцию к чередованию повышения и понижения урожайности по двухлетиям, поскольку погодные колебания метеорологических условий по двухлетиям уравнивались. Но двухлетие слишком небольшой период для этого уравни-

1) Под устойчивой средней я понимаю среднюю или сохраняющую постоянство, или правильно изменяющуюся под влиянием прогресса или регресса.

нения и поэтому двухлетние колебания были легко разрушены случайной игрой сил природы в 1884—88 гг.

Четырехлетний период для такой случайной игры представлял большие препятствия: в течение четырехлетия погодные колебания метеорологических условий гораздо больше уравниваются, и в течение четырехлетия тенденцию к повышению или понижению урожайности, переданную ему предыдущим четырехлетием, случайной игре сил природы уже сравнительно трудно преодолеть. Это и дало возможность четырехлетним колебаниям не только проложить себе путь, но и просуществовать в течение 24—30 лет.

Четырехлетние колебания, как мы знаем уже, оказались также не вечными. Для Новороссийского района они начали умирать уже в 1905—8 гг., для других районов они умерли в 1913—1916 гг. Действовала ли тут опять случайная игра сил природы? Возможность этой причины заранее, конечно, нельзя считать устраненной, но помимо того, что разрушить четырехлетние колебания было гораздо труднее, чем двухлетние, тут могла действовать другая причина, уничтожающая не только те или другие колебания, но и самую тенденцию к ним. Я имею в виду сельскохозяйственный прогресс.

То объяснение периодических колебаний, к которому я пришел на основании своего анализа, говорит нам, что эти колебания не подарок просто природы, а результат взаимодействия между человеком и природой, взаимодействия ненормального, вытекающего из таких методов хозяйничанья на земле, которые не поддерживают необходимого равновесия между приходом и расходом элементов плодородия в обрабатываемой почве. Это нарушенное равновесие природа стихийно восстанавливала путем периодических кризисов. Так как первопричиной этих кризисов является общественная организация производства, то они в такой же степени не являются чем-то роковым и неустраняемым для человека, как и периодические кризисы в промышленности. В последнем случае требуется только более коренное изменение, захватывающее всю организацию производства в обществе и требующее для этого социалистической революции. Устранение же сельскохозяйственных кризисов достигается хотя и сложным, но более безболезненным и постепенным, чисто эволюционным путем, путем рационализации, навязываемой земледелию общественной эволюцией города и деревни.

Эта рационализация несомненно должна была иметь место и у нас. Остается, следовательно, нам проанализировать, не была ли именно эта рационализация, не был ли сельскохозяйственный прогресс причиной смерти установленных нами четырехлетних колебаний.

5. Прогрессирует ли наше земледелие?

Для того, чтобы решить, имел ли место у нас сельскохозяйственный прогресс и создалась ли у нас, наконец, на почве этого прогресса гарантия против периодических жестоких кризисов, расположим урожай по периодам, в которые может создаваться устойчивая средняя. Такими периодами для всех хлебов, кроме ржи являются 8-летия, сложенные именно из тех четырехлетий, которые были звеньями периодических колебаний *).

Таблица 14 дает для 17 районов Европейской России, последовательно, подвигаясь от 8-летия к 8-летию на одно четырехлетие вперед, все возможные комбинации 8-летий, сложенных из четырехлетий с периодическими колебаниями.

Так как для нечерноземной полосы и получерноземных Полесского и Восточного районов не удалось установить какого-нибудь принципа для получения нормальной средней, то те же 8-летия применены ко всем районам.

Что говорит нам наша таблица? Относительно всей Европейской России, так же, как относительно черноземной полосы в ее целом, она говорит во-первых о переломе при периоде от 80-х к 90-м годам. Жестокий кризис 1889—92 гг. очевидно встряхнул наше земледелие и дал сильный толчок к сельскохозяйственному прогрессу.

Средняя урожайность поднялась, но прогресс для всей Европейской России и всей ее черноземной полосы не стал непрерывным: средняя между 1892—1912 гг. осталась почти неизменной, незначительно колеблясь в разные стороны, и только после нового жестокого кризиса 1905—08 гг. как будто наблюдается новый перелом, новый подъем сельскохозяйственной культуры. Чтобы оценить, насколько он широк и насколько он прочен, необходимо обратиться к отдельным районам. (См. таблицу 14-ю).

И тут мы прежде всего можем выделить ряд районов, непрерывно прогрессирующих в течение всего рассматриваемого периода. Это—три района в черноземной полосе—Новороссийский, Юго-Западный и Малороссийский, два района в нечерноземной полосе—Белорусский и Литовский и один получерноземный—Полесский (Волинская и Черниговская губ.), из остальных районов никакого прогресса даже по сравнению с 80-ми гг. не наблюдается в Восточном районе (Оренбургская и Астраханская губ.) Скорее даже можно констатировать регресс в этом районе до

*) Расположение урожаев по всякого рода другим периодам, не учитывающим периодических колебаний, давало бы случайные результаты, как это и показал опыт, сделанный мною с расположением урожаев по пятилетиям (см. мою статью в «Познании России», на которую я не раз уже ссылаюсь).

Т а б л и ц а 14-я.

Изменение валового сбора зерна на десятину по 8-летиям в ‰ к 24-летнему сбору (1889—1912 гг.).

Р А Й О Н Ы.	1883— 1888	1889— 1895	1893— 1900	1897— 1901	1901— 1908	1905— 1912	1909— 1916
1. Центрально-Земледельческий	88,3 ¹	88,8	103,3	106,3	101,5	105,0	120,0
2. Средне-Волжский	98,5	90,0	111,4	110,8	97,9	98,9	116,8
3. Нижне-Волжский	101,9	100,2	116,1	109,5	90,8	90,8	124,5
4. Юго-Восточный	92,6	98,6	107,2	103,3	96,8	98,4	124,4
5. Южно-Уральский	89,5	89,9	105,6	104,4	103,3	105,4	117,5
6. Новороссийский	70,9	85,4	96,8	98,0	109,8	116,4	126,4
7. Юго-Западный	71,0	80,3	93,4	105,6	114,8	114,2	124,0
8. Малороссийский	76,4	83,3	99,6	103,6	105,6	113,2	133,1
8 районов	88,2	89,7	103,3	104,5	102,9	105,5	122,8
9. Полесский	73,5	80,5	92,8	104,9	108,3	114,5	—
10. Восточный	105,1	106,7	109,5	99,5	99,9	93,4	105,5
11. Москов.-Промышл.	90,3	95,1	103,4	104,6	99,3	100,4	110,0
12. Белорусский	82,0	93,0	98,4	101,7	98,6	105,2	119,2
13. Приуральский	79,2	93,3	111,2	104,4	101,8	102,3	110,0
14. Крайне-Северный	89,3	100,0	96,2	97,2	98,7	102,6	106,6
15. Приозерный	92,2	97,5	98,5	98,2	97,3	104,3	112,5
16. Литовский	80,2	88,1	96,2	99,4	101,0	112,6	—
17. Прибалтийский	92,7	95,7	99,6	100,3	96,5	103,9	—
50 губерний	86,8	91,3	103,2	103,9	102,1	105,0	119,9 ¹⁾

четырёхлетия 1913—16 гг. В других районах наблюдается в общем только прогресс при переходе от 80-х к 90-м гг., или вернее к середине 90-х гг. Но относительно четырех черноземных районов—Центрально-земледельческого, Средневолжского, Нижневолжского и Юго-Восточного—таблица наша недостаточна для получения определенных результатов. В этих районах по ржи действовала или исключительно или комбинируясь с четырехлетней другая форма колебаний—смена четырехлетнего кризиса 12 годами, более благоприятными. Эта форма колебаний должна была сделать невозможной устойчивую среднюю в 8-летия для этих районов. И мы действительно видим довольно резкие скачки в этих районах по 8-летиям. Нормальная средняя для этих районов может быть достигнута только в 16-летние периоды. Поэтому, чтобы судить и об этих районах, дополним таблицу 14 таблицей 15, дающей урожайность для всего зерна и ржи по 16-летиям, образо-

1) 46 губерний.

ванным по тому же принципу, как раньше 8-летия, т. е. путем передвижения от 16-летия к 16-летию на 4-летие вперед.

Т а б л и ц а 15-я.

Изменение валового сбора всего зерна и ржи на десятину по 16-летиям в $\frac{0}{100}$ к 24-летнему сбору (1889—1912 гг.).

Все зерно.

	1885—900	1889—904	1893—908	1897—12	1901—16
1. Центрально-Земледельч.	91,3	97,6	102,4	105,7	110,8
2. Средне-Волжский	96,3	100,4	104,7	104,9	107,4
3. Нижне-Волжский	101,9	104,9	103,5	100,2	107,7
4. Юго-Восточный	95,8	101,0	102,0	100,9	110,6
8 районов	90,7	97,1	103,1	105,0	112,9

Р о ж ь

	1885—900	1889—904	1893—908	1897—12	1901—16
1. Центрально-Земледельч.	95,9	100,6	104,1	104,7	107,6
2. Средне-Волжский	96,8	102,3	106,4	104,1	107,6
3. Нижне-Волжский	102,0	106,4	107,3	101,4	106,7
4. Юго-Восточный	98,8	104,6	106,1	100,2	114,6
8 районов	93,7	99,9	105,0	105,0	112,3

Из таблицы 15 мы видим, что в 16-летие и по ржи и по всему зерну для рассматриваемых 4 районов действительно устанавливается нормальная устойчивая средняя урожайность. Даже для Нижневолжского, наименее устойчивого района, дававшего самые резкие колебания по 8-летиям, тут получается, особенно для зерна в целом, довольно устойчивая средняя.

Какие же результаты дает нам таблица 15-ая?

Относительно всей черноземной полосы она только укрепляет прежние выводы относительно перелома в начале 90-х гг. и затем о статическом положении между 1893 и 1912 годами. Для всей черноземной полосы повидимому наблюдается прочный прогресс и после второго жестокого кризиса 1905—08 гг. Но слагаемыми этого прогресса являются главным образом три южные района, Новороссийский, Юго-Западный и Малороссийский. Кроме этих районов таблица дает основание предполагать известный прогресс после 1905—08 гг. также в Центрально-Земледельческом и Юго-Восточном районах.

Но пока нет у нас данных о четырехлетии 1917—20 гг. *) мы не имеем оснований предполагать даже небольшой прогресс в Средневолжском и Нижневолжском районах. В Средневолжском районе 16-летие 1901—16 гг. дает по сравнению с 16-летиями 1893—908 и 1897—1912 гг. увеличение урожайности только на 2,4—2,6%. В Нижневолжском же районе 16-летие 1901—1916 гг. по сравнению с 16-летием, отодвинутым от него назад на одно четырехлетие (1897—1912), дает заметное повышение урожайности, но это случайное повышение, т. к. если мы возьмем раннее 16-летие 1889—1904 гг., то оно очень мало уступает по урожайности 16-летию 1901—1916 гг., только на 2,6%. Нижневолжский район не дает оснований даже для предположения прогресса и в середине 90-х гг. после кризиса 1889—92 гг., прогресса, который несомненен во всех остальных районах.

Если мы от этих результатов нашего анализа вернемся к вопросу о том, гарантировала ли Россия в дальнейшем от периодических колебаний урожайности и от кризисов, возникающих на почве этих колебаний, то на этот вопрос с большой вероятностью мы можем ответить, что для трех южных районов, Новороссийского, Юго-Западного и Малороссийского сельскохозяйственный прогресс устранил на будущее время возможность колебаний. В этих районах колебания действовали слабее уже с 1905 года, а с 1913 года можно думать, что не только оборваны четырехлетние колебания, но подорвана возможность и всяких колебаний. Что касается Центрально-Земледельческого и Юго-Восточного районов, то степень прогресса, наблюдаемого в них после кризиса 1905—08 гг. можно будет оценить только после ряда следующих лет. В Средневолжском же и Нижневолжском районах пока нет оснований предполагать скольконибудь заметного сельскохозяйственного прогресса, и обрыв четырехлетних колебаний в этих районах, отличающихся чрезвычайно сильной колеблемостью урожаев вообще, по всей вероятности обязан случайной игре сил природы.

Во всяком случае благодаря сильному прогрессу южных районов острота кризисов, если они и будут иметь место, для всей России значительно смягчится.

Н. Череванин.

*) Скольконибудь серьезными и сравнимыми с прежними данными мы располагаем только за 1917 год (см. Урожай хлебов в России в 1917 г. обр. под ред. А. Е. Лосицкого). По этим данным в обоих районах в этом году был урожай очень низкий. Сведения, которые имеются относительно 1918 и 1919 гг. (субъективные оценки) дают основания только предполагать хорошие урожаи в обоих районах в оба года, но степень их высоты мы лишены возможности определить. При чрезвычайно же большой колеблемости урожаев в обоих районах высота урожая будущего 1920 г. может оказать, кроме того, значительное влияние на средний уровень урожайности четырехлетия 1917—1920 гг.

Возраст и грамотность рабочих по предварительным данным всероссийской профессиональной переписи 1918 года

В связи с промышленной переписью 1918 года, охватившей территорию 32 губерний Европейской России, была произведена профессиональная перепись рабочих и служащих, занятых в промышленных предприятиях. Профессиональная перепись коснулась только тех предприятий, которые удовлетворяли цензу, установленному для промышленной переписи, т. е. промышленных заведений с 16 и более рабочим при наличии механического двигателя и с 30 и более рабочими при отсутствии двигателя. *) В пределах указанной выше территории переписью зарегистрировано на фабриках и заводах всего около 1.350.000 человек обоего пола. Регистрация рабочих и служащих производилась по особым личным картам, заключающим 36 отдельных вопросов. Предварительная сводка данных по четырем группам вопросов была поручена губернским статистическим бюро, при чем по двум группам вопросов работа большинством бюро уже выполнена и материалы в виде сводных карт, приуроченных к каждому отдельному заведению, получены в центре для дальнейшей обработки.

Первая группа вопросов включает данные о составе рабочих и служащих по полу и возрасту и о грамотности. Разработка этих данных в центре подходит к концу и, можно надеяться, будет закончена в ближайшее время. Окончание работы задерживается благодаря тому, что некоторые губернии, находящиеся в полосе непрерывных военных действий, окончили перепись с большим запозданием и не успели полностью доставить материалы и сводные карты. В виду несомненного интереса, который имеют

*) Этот сравнительно высокий ценз был понижен для некоторых отраслей промышленности. Согласно § 3 Инструкции переписи подлежали а) все промышленные заведения, подчиненные экзисной инспекции или горному надзору, независимо от числа рабочих, б) мыловаренные заводы, имеющие более 10 рабочих, в) кожевенные заводы, имеющие более 10 дубильных чанов или 3 дубильных барабанов, г) все вальцевые мельницы, все кирпичные заводы с непрерывно действующими печами, все стекольные заводы с генераторными печами, д) все типографии с числом рабочих свыше 15.

материалы профессиональной переписи, мы считаем не лишним привести на страницах Вестника Статистики некоторые предварительные цифровые данные, характеризующие возрастной состав и грамотность рабочих.

Мы располагаем сводными данными по 6 губерниям, расположенным в разных частях Европейской России и отличающимся по этому весьма существенно друг от друга, как характером промышленности, так и целым рядом факторов, могущих влиять на состав рабочего населения и его культурный уровень. По точному подсчету в этих губерниях переписью зарегистрировано 192.223 рабочих и служащих, что составляет около 14% по отношению к общему числу наемных лиц, занятых в промышленности 32 губерний, охваченных переписью. Количество рабочих и служащих по отдельным губерниям видно из следующей таблицы:

Губернии.	Число рабочих.			Число служащих.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1. Калужская	13.000	3.459	16.459	1.405	249	1.654
2. Псковская	523	223	746	62	6	68
3. Могилевская	2.187	804	2.991	300	21	321
4. Тульская	25.434	3.589	29.019	4.501	222	4.723
5. Олонская	1.592	237	1.829	148	25	173
6. Ив.-Вознесенская . .	52.542	74.288	126.830	6.961	449	7.410
Итого	95.278	82.596	177.874	13.377	972	14.349

Наибольшее число рабочих приходится на Иваново-Вознесенскую губернию *), входящую в состав центрального промышленного района, отличающегося резким преобладанием текстильной промышленности. Наименьшее число рабочих относится к Псковской губернии. Среднее место занимает Тульская губерния центрально-черноземного района. Число рабочих и служащих Иваново-Вознесенской губернии составляет 69,8% от общего числа рабочих и служащих во всех 6 губерниях. Таким образом, данные по этой губернии численно как бы подавляют данные по остальным губерниям.

Необходимо заметить, что в 7 губерниях Европейской России, в которых доминирующее место занимает текстильная промышленность, число рабочих и служащих составляет по данным переписи около 910.000 или 68% всего числа рабочих и служащих, зарегистрированных переписью. К таким губерниям мы относим: Московскую, включая г. Москву (390.286 раб.), Петроградскую, включая столицу (154.231 раб.), Владимирскую (128.143 раб.), Тверскую (45.151 раб.), Ярославскую (38.806 раб.), Костром-

*) Губерния образовалась после революции, причем в состав ее вошли: Кинешемский, Юрьевецкий и значительная часть Нерехтского уезда Костромской губернии, а также Шуйский и части Суздальского и Ковровского уездов Владимирской губернии.

кую (20.697 раб.) и Иваново-Вознесенскую. Сюда можно было бы отнести и некоторые губернии, в которых текстильная промышленность играет довольно видную роль, напр., губ. Рязанскую. Во всяком случае, численный перевес данных по Иваново-Вознесенской губернии в общем и целом соответствует преобладанию определенных отраслей промышленности, а следовательно и профессиональных групп рабочих, характерному для всей территории Советской России. Отсюда можно вывести заключение, что рассматриваемый цифровой материал по 6 губерниям, несмотря на то, что он составляет весьма скромную часть общего материала, может все же дать довольно верное представление об изучаемых явлениях на всей территории, охваченной переписью.

Из приведенной выше таблицы видно, что число служащих составляет по отношению к общему числу наемных лиц в промышленности около 7,5%. По отдельным губерниям этот процент колеблется в пределах от 5,5 (Ив.-Вознесенская губ.) до 16,2 (Тульская губ.). Группа служащих включает в себя весьма разнообразные элементы, начиная от высших должностей фабрично-заводской администрации и кончая лицами, по роду деятельности мало отличающимися от чернорабочих. Необходимо заметить, что сторожа, обычно относимые к категории служащих, были при сводке данных причислены к рабочим, все же остальные категории наемных лиц были отнесены к той или иной группе в зависимости от квалификации, принятой в списках фабрично-заводских контор. Разнородный состав группы служащих обнаружится в дальнейшем при анализе цифровых данных, характеризующих возраст и грамотность служащих. Интересно отметить сравнительно небольшой процент женщин в группе служащих. В то время как на 100 рабочих приходится 53,6 мужчин и 46,4 женщин, число мужчин составляет в группе служащих 93,1%, а число женщин всего лишь 6,8%. Поэтому среди мужского населения, зарегистрированного переписью, процент служащих значительно больше, чем среди женщин. В первом случае он составляет 12,3, во втором только 1,1.

Если эти выводы, полученные по сравнительно небольшой части материала, с известными оговорками приложить ко всему числу лиц, зарегистрированных переписью, то можно констатировать, что в период производства переписи, т. е. в последней трети 1918 г. число рабочих на фабриках и заводах 32 губерний Европейской России составляло около 1.245.700 человек, в том числе 667.700 мужчин и 578.000 женщин, число же фабрично-заводских служащих доходило в этот период до 104.250 лиц обоего пола.

В нижеследующей таблице показано распределение рабочих по возрастным группам.

Возрастной состав рабочих.

Название губерний.	Число рабочих в возрастных группах.												Возраст не указан.	Всего рабочих.
	До 14 л.	15-16 л.	17-19 л.	20-24 л.	25-29 л.	30-34 л.	35-39 л.	40-44 л.	45-49 л.	50-54 л.	55-59 л.	60 и ст.		
Калужская	муж.	157	617	1309	1582	1448	1320	1403	1453	1116	762	559	561	1300
	жен.	103	328	768	551	452	356	284	169	161	73	58	30	3459
	всего.	260	1006	2077	2133	1900	1676	1687	1622	1277	835	617	591	16159
Псковская	муж.	23	35	62	38	64	41	53	68	39	29	22	25	523
	жен.	24	27	50	36	17	17	21	10	6	3	4	2	223
	всего.	47	62	112	74	81	61	74	78	45	32	26	27	746
Могилевская.	муж.	67	159	275	286	221	217	182	224	188	134	98	75	2187
	жен.	22	86	270	220	109	34	27	11	8	6	2	1	804
	всего.	89	245	545	506	330	251	209	235	196	140	100	76	2991
Тульская	муж.	88	763	4037	4536	3199	2871	2572	2239	1857	1175	708	503	25434
	жен.	22	195	1104	739	435	295	276	188	151	74	29	16	3585
	всего.	110	958	5141	5275	3634	3166	2848	2427	2008	1249	737	519	29019
Олонская	муж.	47	89	107	121	141	140	139	130	116	91	69	91	1592
	жен.	10	43	66	22	16	14	16	10	5	1	1	1	308
	всего.	57	132	173	143	160	154	155	140	127	96	70	92	1829
Ив.-Вознесенская	муж.	595	2456	6052	6196	6403	6041	5617	5235	3948	2792	2086	1826	52542
	жен.	415	3142	12076	15807	12131	8446	7156	4494	3236	1997	1305	710	74288
	всего.	1010	5598	18128	22303	18634	14490	12803	9729	7184	4789	3391	2536	126830
Итого по 6 губерниям	муж.	977	4179	11842	13039	11479	10336	9996	9349	7261	4983	3542	3081	95278
	жен.	596	3822	14334	17375	13260	9162	7780	4882	2158	2158	1399	760	82596
	всего.	1573	8001	26176	30414	24139	19798	17776	14231	9419	7141	4941	3811	177874

Из таблицы видно, что число малолетних рабочих и подростков сравнительно невелико и составляет по отношению к общему числу рабочих 5,4% (4,5% подростков и 0,9% малолетних). Процент малолетних колеблется по отдельным губерниям от 0,4 до 6,3, процент подростков—от 3,3 до 8,3. Минимум в обоих случаях приходится на Тульскую губернию, а максимум на губернию Псковскую. Среди рабочих мужчин процент малолетних несколько выше, чем среди женщин, процент подростков наоборот несколько выше среди женщин; в общей же сложности малолетние и подростки вместе взятые, дают одно и то же процентное отношение, как в разряде мужчин, так и женщин. Если исключить группу рабочих, возраст которых не указан в материалах переписи, то процент малолетних и подростков по отношению к общему числу рабочих, возраст которых был установлен, выразится для мужчин в 5,7, для женщин в 5,5%.

К такому выводу мы приходим, оставаясь в пределах старых границ, установленных для малолетних и подростков. Но если принять предельный возраст малолетних в 16 лет, а подростков в 18 лет, то число малолетних составит: мужчин 2.299, женщин 1.684, а всего 3.983 человека, число подростков: мужчин 6.561, женщин 6.820, а всего 13.381 человек. В таком случае число малолетних и подростков будет составлять 2,4% и 7,9%, а всего 10,3% от общего числа рабочих, если не принимать во внимание лиц, в отношении которых не имеется сведений о возрасте.

Процентное соотношение 12 возрастных групп представляется на основании помещенной выше таблицы в следующем виде:

№№ групп.	Возрастные группы.	% к общему числу.		Всего.
		Мужчин.	Женщин.	
1	До 14 лет	1,1	0,7	0,9
2	15—16	4,6	4,8	4,7
3	17—19	13,1	18,1	15,4
4	20—24	14,4	22,0	18,0
5	25—29	12,7	16,8	14,6
6	30—34	11,8	11,6	11,7
7	35—39	11,1	9,8	10,5
8	40—44	10,3	6,2	8,4
9	45—49	8,0	4,5	6,4
10	50—54	5,5	2,7	4,2
11	55—59	3,9	1,8	2,9
12	60 лет и старше.	3,4	1,0	2,3

Как видно отсюда, максимум рабочих приходится на возрастную группу от 20 до 24 лет, при чем это явление наблюдается как в разряде мужчин, так и в разряде женщин, но только выражено в последнем более резко. В последующих возрастных группах относительное число рабочих постепенно падает и доходит до минимума в последней группе (от 60 лет и старше). В разряде мужчин это падение менее резко, чем в разряде женщин, особенно в средних возрастных группах (30—45 л.), в которых относительное число мужчин держится довольно устойчиво приблизительно на одном уровне. Если процентное отношение числа рабочих мужчин и женщин различных возрастных групп представить графически, то мы получили бы кривые, пересекающиеся близко к точкам ординат, соответствующим двум возрастным группам: от 15 до 16 лет и от 30 до 34 лет; при этом кривая, характеризующая возрастную состав женщин, отличалась бы большей выпуклостью и шла бы между указанными точками пересечения над кривой, изображающей возрастную состав мужчин, а до и после этих точек отклонялась бы ближе к оси абсцисс.

В сводке данных по 6 губерниям мы располагаем подробными сведениями о числе рабочих каждого возрастного года, начиная от 12 до 24 лет. Приводим процентное отношение числа рабочих каждой погодной возрастной группы к общему числу рабочих, возраст которых точно указан в материалах переписи.

Погодные возрастные группы. % к общему числу.
Мужчин. Женщин. Всего.

1. До 12 лет	0,04	0,01	0,02
2. 12	0,08	0,05	0,06
3. 13	0,23	0,14	0,19
4. 14	0,73	0,57	0,65
5. 15	1,46	1,38	1,42
6. 16	3,13	3,49	3,30
7. 17	4,13	5,13	4,60
8. 18	4,98	6,70	5,78
9. 19	3,94	6,35	5,06
10. 20	3,56	5,85	4,63
11. 21	2,61	3,77	3,15
12. 22	3,05	4,91	3,92
13. 23	2,79	4,09	3,40
14. 24	2,43	3,36	2,86

В приведенных цифровых данных обращает на себя внима-

ние полный параллелизм двух рядов, дающих количественное соотношение возрастных групп в разряде мужчин и женщин. Максимальные числа приходятся в обоих случаях на группу восемнадцатилетних. Точно также в обоих рядах замечается значительное понижение процентного отношения в группе рабочих, которым исполнилось 21 год, и повышение относительного числа в следующей возрастной группе двадцати двухлетних. Как и прежде, цифровой ряд, характеризующий возрастной состав работников, обнаруживает более выпукло общую тенденцию в соотношении возрастных групп. Трудно сказать, насколько наши выводы выражают общую закономерность в возрастном составе рабочих. Быть может при разработке всего материала переписи соотношения несколько изменятся, так как нельзя упускать из вида, что наши выводы построены на сравнительно небольшой части данных. Однако, едва ли можно ожидать существенных изменений в общем характере числовых соотношений. В этом нас убеждает тождественность рядов, получающихся для каждой губернии в отдельности.

Трудно объяснить резкий скачек в процентном отношении группы рабочих, которым минул 21 год. Если для мужчин отлив рабочих данного возраста может быть объяснен призывом на военную службу, то для женщин нельзя констатировать каких либо осязательных обстоятельств, могущих влиять на сокращение числа работниц данной возрастной группы. Быть может комбинационная сводка в связи с семейным состоянием, профессией и другими факторами даст возможность установить причины, объясняющие парадокс. Пока же приходится смотреть на констатируемое явление как на эмпирический вывод, нуждающийся в проверке на основании более обширного материала.

Для того, чтобы судить о степени устойчивости наших выводов, мы можем привести здесь результаты неполной сводки данных по другой группе губерний. В состав этой новой группы входят следующие губернии: Вологодская (3.285 раб.), Курская—без некоторых южных уездов—(15.727 раб.), Петроградская—без г. Петрограда и Кронштадта—(10.455 р.), Пензенская (10.928 р.), Рязанская (32.819 р.) и Смоленская (13.144 р.). Общее число рабочих в этих губерниях составляет 86.358 человек, не считая служащих. Как и раньше, губернии новой группы не представляют сплошного района и весьма разнообразны по характеру преобладающей в каждой из них отрасли промышленности. Поэтому нельзя предполагать какой либо однородности в суммарных данных о составе рабочих в этих губерниях, хотя все же следует иметь в виду, что новые данные и с количественной и с качественной стороны менее пригодны для суждения о возрастном составе фаб-

рично-заводских рабочих во всей России, чем те данные, с которыми мы раньше оперировали.

Мы видели раньше, что число рабочих в возрасте до 25 лет составляло по отношению к общему числу рабочих 39%. По данным, относящимся к новой группе губерний, оно составляет 41,7%. Таким образом, новые данные весьма мало меняют первоначальный вывод. Что касается до числовых соотношений отдельных возрастных групп до 25 летнего возраста, то, как мы увидим ниже, несмотря на некоторое расхождение с прежними выводами, они дают в общем ряды, совершенно аналогичные тем, какие были получены нами раньше.

Погодные возрастные группы.	Процентное отношение к общему числу.		
	Мужчин.	Женщин.	Всего.
1. До 12 лет	0,05	0,06	0,05
2. 12 лет.	0,15	0,13	0,14
3. 13 »	0,34	0,27	0,32
4. 14 »	1,06	1,05	1,06
5. 15 »	2,44	2,90	2,59
6. 16 »	4,10	6,11	4,76
7. 17 »	4,63	8,89	6,03
8. 18 »	4,95	9,91	6,57
9. 19 »	3,28	7,54	4,67
10. 20 »	2,70	7,89	4,40
11. 21 года.	2,00	3,21	2,39
12. 22 лет.	2,89	4,00	3,25
13. 23 »	2,83	3,30	2,98
14. 24 »	2,46	2,59	2,51

Как и прежде, в новых данных наибольший процент рабочих мужчин и женщин приходится на группу восемнадцатилетних. В предшествующих группах процент рабочих последовательно возрастает, хотя и в иной прогрессии, чем раньше. Падение относительного числа рабочих в группе, достигших 21 года, здесь не менее резко, чем в данных предыдущей таблицы. Небольшое отклонение получается только в разряде мужчин, в котором процент 22-х и 23-х летних несколько выше процента 20-ти летних, тогда как раньше замечалось обратное явление. В общем же новые данные отличаются от прежних только числовыми значениями, а не характером рядов, выражающих возрастной состав рабочих.

Интересно отметить, что несмотря на ограничения старых законов о фабрично-заводском труде, к моменту переписи в со-

ставе рабочих оказалось известное число детей, не достигших 12-ти летнего возраста. Это явление констатируется в обоих группах губерний, но в новых данных оно выражено более определенно.

До сих пор мы строили наши выводы по отношению ко всей совокупности рабочих 6 губерний. В этих губерниях имеются предприятия всех главнейших отраслей промышленности, встречающихся в Европейской России. Интересно проследить состав рабочих в отдельных группах производств, технические условия которых, несомненно, должны оказывать влияние на специальный подбор рабочих. Однако, здесь мы должны оговориться. Поскольку наши выводы по отношению ко всей массе рабочих могут в общих чертах служить прогнозом для числовых отношений, которые должны получиться в дальнейшем при сводке данных всего материала, постольку выводы, приуроченные к отдельным производствам могут дать лишь весьма отдаленное представление о тех соотношениях, которые получают при полной разработке всего материала переписи. При распределении рабочих даже по более обширным производственным группам число их в некоторых группах настолько невелико, что строить какие либо выводы на этих данных весьма рискованно.

Только в более многочисленных группах могут получиться числовые соотношения, более или менее характерные для отдельных отраслей промышленности. Сравнительно более устойчивыми должны быть выводы о соотношении числа мужчин и женщин в главнейших производствах, поэтому мы приводим их целиком. Что же касается возрастного состава рабочих, то в виду дробности возрастных групп, между которыми распределяются числовые показания, мы полагаем достаточным привести данные только по производствам, насчитывающим хоть сколько-нибудь значительное число рабочих.

За основу для распределения предприятий по группам производств мы приняли новую классификацию, выработанную Ц.С.У. Оказалось, что в 6 губерниях, по которым мы имеем сводку данных, отсутствуют 3 группы производств: обработка шелка (гр. ХУШ), обработка смешанных волокнистых веществ (гр. ХХI) и художественная и прикладная научная промышленность (гр. ХХV). Что касается двух первых групп, то для них в общем характерны выводы, относящиеся к другим отраслям текстильной промышленности; последняя же группа настолько имеет мало значения в нашем народном хозяйстве, что ее отсутствие в материале не может считаться существенным пробелом. Численный состав рабочих мужчин и женщин в остальных 17 группах производств виден из следующей таблицы.

Группы производств:	Число рабочих.			%о/о отношен.	
	Муж.	Жен.	Всего.	Муж.	Жен.
VII. Добывание и обработка камней, земель и глины	1.539	682	2.221	69,3	30,7
VIII. Горная и горнозаводская промышленность	4.662	288	4.950	94,2	5,8
IX. Металлообрабатывающая промышленность	8.352	1.049	9.401	88,8	11,2
X. Производство машин, инструментов и аппаратов	21.650	2.801	24.491	88,6	11,4
XI. Обработка дерева	1.252	257	1.509	83,0	17,0
XII. Химическая промышленность	1.145	499	1.644	69,6	30,4
XIII. Производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков	1.323	845	2.168	61,0	39,0
XIV. Обработка материалов животного происхождения	86	21	107	80,4	19,6
XV. Кожевенная и меховая промышленность	1.086	194	1.280	84,8	15,2
XVI. Обработка хлопка	46.068	68.970	115.034	40,0	60,0
XVII. Обработка шерсти	256	232	488	52,5	47,5
XIX. Обработка льна	3.084	4.707	7.791	39,6	60,4
XX. " " " " и пр.	7	—	7	100,0	—
XXII. Одежда и туалет	703	377	1.080	65,1	34,8
XXIII. Обработка бумаги	2.712	1.460	4.172	65,0	35,0
XXIV. Полиграфическое производство	1.154	204	1.358	85,0	15,0
XXVI. Производство физических сил и водоснабжение	159	9	168	94,6	5,4
Итого.	95.278	82.596	177.874	53,6	46,4

На первом месте по числу рабочих стоит группа производств по обработке хлопка: на ее долю приходится 64,7% общего числа рабочих, занятых в промышленности 6 губерний. Следующее место занимает машиностроительная промышленность, насчитывающая 13,8% общего числа рабочих. Далее следуют: обработка металлов (5,3%), обработка льна (4,4%), горная и горнозаводская промышленность (2,8%) и обработка бумаги (2,3%). Все остальные отрасли промышленности насчитывают небольшое число рабочих. Таким образом, шесть главных производственных групп, имеющих в своем составе 93,3% общего числа рабочих, определяют собой в конечном счете вывод, касающийся рабочих всех отраслей промышленности 6 губерний.

В последних двух графах таблицы указан % рабочих мужчин и женщин в каждой производственной группе. Оказывается, что если не принимать во внимание группы XX, представленной в нашем материале несколькими мало типичными мелкими заведениями, в которых было занято в день переписи всего 7 рабочих, то наиболее резким преобладанием мужского труда характери-

зуются следующие группы производств: производство и передача физических сил (94,6% мужчин), горная и горнозаводская промышленность (94,2% мужчин), обработка металлов и машиностроение (88,8 и 88,6% мужчин). Первая из этих групп представлена в наших данных небольшим числом рабочих, так как она играет мало заметную роль в народном хозяйстве рассматриваемых губерний. Остальные три группы занимают в общей сложности 21,9% общего числа рабочих и находятся в составе шести указанных выше главных производственных групп.

Группы производств, относящиеся к текстильной промышленности, наоборот резко выделяются из остальных групп численным преобладанием женского труда над мужским. Так, в обработке льна рабочие мужчины составляют всего лишь 39,6% общего числа рабочих, в обработке хлопка мужчин насчитывается 40%, а женщин 60%. В обработке шерсти число рабочих мужчин составляет 52,5%, однако необходимо заметить, что эта отрасль промышленности представлена слабо в 6 губерниях, к которым относятся наши данные, поэтому такое соотношение едва ли типично. Скорее можно полагать, что и в этой группе численный перевес должен быть на стороне женщин-работниц. Обработка хлопка и льна находится в составе главных производств, перечисленных выше. Таким образом, в эти главные производства вошли преимущественно крайние группы по соотношению числа мужчин и женщин.

Группы текстильной промышленности численно подавляют остальные группы, но—как было разъяснено раньше на основании сопоставления числа рабочих текстильного района с числом рабочих на всей территории 32 губерний—это преобладание в грубых чертах соответствует общим условиям промышленности Советской России.

Из остальных производств выделяются преобладанием мужского труда над женским: полиграфическое производство (85% мужчин), кожевенная и меховая промышленность (84,8%), обработка дерева (83%) и обработка материалов животного происхождения (80,4%). Для первых трех групп можно считать констатируемое соотношение достаточно типичным, несмотря на сравнительную малочисленность данных; последняя группа остается под сомнением, так как в ней число рабочих совершенно незначительно.

Из прочих групп, занимающих среднее место по соотношению числа мужчин и женщин, заслуживают упоминания: производство пищевых продуктов (XIII гр.), добыча и обработка камней, земель и глин (VII гр.) и химическая промышленность (XII гр.). Производство пищевых продуктов напитков и нарко-

тиков играет видную роль в промышленной жизни страны. Однако, большая часть крупнейших предприятий сосредоточена в южных губерниях, не захваченных переписью. В пределах же великорусских губерний фабрики и заводы этой отрасли промышленности работали в момент переписи сокращенным ходом, а во многих случаях вовсе бездействовали. Этим объясняется малочисленность группы XIII. Можно полагать, что ~~мужчин~~ мужчин, указанный для этой группы в таблице, несколько высок и должен понизиться при включении более крупных фабрик и заводов этой отрасли, находящихся в столичных центрах. Сравнительно небольшое число рабочих в группе VII—добыча и обработка камней, земель и глин—объясняется тем, что многие производства этой группы носят сезонный характер, при чем сезон производства не совпадает со днем переписи (31 августа 1918 г.). Относительно химической промышленности можно сказать, что в пределах 6 губерний, рассматриваемых нами, ее состав является несколько односторонним.

Некоторые из производственных групп, установленных классификацией, обнимают довольно разнородные производства, значение которых в народном хозяйстве весьма различно. Если из этих сложных групп выделить наиболее характерные производства и вычислить для них отдельно соотношение между числом рабочих мужчин и женщин, то в большинстве случаев получаются значительные отклонения от вывода, относящегося ко всей группе в целом. Так, в группе VII находится керамическая, стеклянная и цементная промышленность. Эти три производства должны значительно разниться друг от друга по составу рабочих; еще больше отличаться должны они от остальных отраслей промышленности, добывающей камни, земли и глины. Большинство предприятий VII группы находилось в момент переписи в особо тяжелых условиях, поэтому состав рабочих, констатируемый переписью, должен быть несколько иным, чем состав нормального времени. Выше было отмечено, что процент рабочих мужчин составляет для всей группы 69,8. Для керамической промышленности он составляет 61,8, для стеклянной—69,2, а для цементной—96,4.

В группе VIII на 100 рабочих приходится в среднем 94,2 мужчин; в каменноугольной промышленности, входящей в состав группы, процент мужчин равняется 95,2, в другом же крупном производстве этой группы—железодобывающей промышленности—процент рабочих мужчин составляет 92,1%.

Более значительные отклонения от среднего процента по группе замечаются в химической промышленности (гр. XII)—и в производстве пищевых продуктов, напитков и наркотиков (гр. XIII).

В химической промышленности при среднем проценте рабочих мужчин 69,6, процентное отношение числа мужчин весьма различно в отдельных производствах. Так, в спичечном производстве мужчины составляют всего лишь 44,3%, в мыловаренном—49,1%, и во всех остальных—90,4%. В четырех главных производствах XIII группы процент рабочих мужчин составляет: в мукомольном и крупяном—95,4, в свеклосахарном—92,9*, в винокуренном, пивоваренном и водочном—84,4, в табачном—73,0, во всех же прочих производствах группы всего лишь—22,7. Средний процент мужчин в XIII группе равнялся—61,0.

Перейдем теперь к рассмотрению возрастного состава рабочих в отдельных группах производств. В помещенной ниже таблице приведены данные (в процентах) о возрастном составе рабочих мужчин и женщин в 11 отраслях промышленности, из которых—как мы видели раньше—шесть отраслей включают подавляющее число рабочих 6 губерний. Из таблицы видно, что наибольший процент малолетних приходится на производства по добычанию и обработке камней, земель и глин (8,5%), по обработке льна (5,3%) и на полиграфические производства (4,2%), наибольший процент подростков—на полиграфические производства (18,0%), производства пищевых продуктов (11,1%) и обработку льна (10,6%). В этих отраслях промышленности насчитывается по нашим данным сравнительно небольшое число рабочих, тем не менее для всякого, знакомого с условиями промышленности, ясно, что указанные цифры отмечают явления, чрезвычайно характерные для данных отраслей промышленности. Так, напр., в типографском производстве, особенно в мелких предприятиях, вошло в обычай содержать довольно значительное число учеников—наборщиков. В небольших провинциальных типографиях ученики составляют почти весь кадр рабочих. В производстве пищевых продуктов особенно большое применение имеет труд малолетних и подростков на кондитерских и конфектных фабриках. Большой процент малолетних и подростков в обработке льна находится в зависимости от технических условий льнопрядения. Таким образом, во всех этих производствах имеются на лицо условия, объясняющие значительный процент малолетних и подростков в составе рабочих. На этом основании можно полагать, что как бы ни изменялись числовые отношения в отдельных группах производств в результате сводки более значитель-

*) Свеклосахарные заводы некоторых губерний подвергались переписи еще до начала производственной кампании, поэтому указанный процент далеко не выражает действительного соотношения между числом рабочих мужчин и женщин. В сезон производства сахарные заводы обычно широко пользуются женским трудом.

ного цифрового материала, основная тенденция в возрастном составе рабочих должна в общем совпасть с нашими выводами.

Очень характерно, что минимальный % малолетних и подростков приходится на машиностроительное производство, которое по техническим условиям требует главным образом высококвалифицированных рабочих. Соседняя группа производств по обработке металлов, в состав которой в наших данных попали преимущественно чугунолитейные заводы, слесарно-кузнечные мастерские и т. п. заведения, насчитывает уже значительно большее число рабочих, не достигших 17-ти-летнего возраста.

Особенно большой процент подростков замечается среди женщин в тех производствах, в которых подростки обоего пола составляют наибольший процент. В полиграфическом производстве число женщин—подростков составляет 30,7% от общего числа работниц. Однако, выше мы указывали, что эта отрасль промышленности применяет женский труд в небольшом размере, поэтому здесь необычно высокий процент может зависеть от случайных обстоятельств, тем более, что имеющийся в нашем распоряжении цифровой материал по этой отрасли очень малочислен. То же самое можно сказать о производстве по обработке дерева, в котором подростки женского пола составляют 17,1% от общего числа женщин-работниц.

В четырех наиболее крупных отраслях промышленности максимальное число рабочих приходится на возрастную группу от 20 до 24 лет (группы VIII, IX, X, XVI), в остальных же—на более молодую группу от 17 до 19 лет. Особенно резко выделяется производство пищевых продуктов, в котором почти четвертая часть рабочих находится в возрасте от 17 до 19 лет. Характерные соотношения числа рабочих мужчин различных возрастных групп получились в производстве по обработке бумаги. Оказывается, что в пяти возрастных группах (от 17 до 40 лет) число рабочих стоит, приблизительно, на одном уровне, максимума же оно достигает в возрастной группе от 40 до 44 лет. Интересно отметить, что в некоторых других производствах на последнюю группу приходится больший процент рабочих по сравнению со смежными возрастными группами (производства VII, IX, XI групп). Причины этого явления можно выяснить только при разработке материала переписи по профессиональным группам рабочих.

Наибольшее число рабочих мужчин приходится в большинстве производств на возраст от 20 до 24 лет, затем на более ранний возраст 17—19 лет и на более зрелый—от 25 до 29 лет. Наибольший процент женщин в подавляющем большинстве производств относится к возрастной группе—от 17 до 19 лет.

Возрастной состав рабочих в главных производствах (процент рабочих в про

[illegible]

ное отношение числа рабочих возрастной группы к общему числу изводу).

[illegible]

По отдельным группам производств мы располагаем такими же данными о числе рабочих каждого возрастного года до 24-х летнего возраста, какие мы приводили раньше в отношении всей совокупности рабочих 6 губерний. Характер рядов в подавляющем большинстве случаев одинаков. Некоторые незначительные отступления замечаются только в группах производств, насчитывающих небольшое число рабочих. Мы полагаем достаточным привести здесь более подробные данные по двум только крупным объединениям однохарактерных производств: 1) по обработке хлопка и льна (группа XVI и XIX), как наиболее видным отраслям текстильной промышленности, 2) по обработке металлов и машиностроению (гр. IX и X)—двум крупным отраслям, близким друг к другу в техническом и экономическом отношениях.

Процент рабочих по отношению к общему числу:

Возрастные группы.	а) в обработке хлопка и льна.			б) в обработке металлов и машиностроении.		
	Муж.	Жен.	Об. пола.	Муж.	Жен.	Об. пола.
До 12 лет	0,02	—	0,01	0,01	—	0,01
12 "	0,07	0,01	0,04	0,04	0,05	0,04
13 "	0,25	0,09	0,16	0,08	0,26	0,10
14 "	0,82	0,46	0,60	0,36	0,97	0,43
15 "	1,50	1,18	1,31	0,87	1,74	0,97
16 "	3,23	3,18	3,20	2,52	3,03	2,58
17 "	3,79	4,65	4,31	4,41	6,72	4,68
18 "	4,63	6,22	5,59	5,60	10,12	6,12
19 "	3,64	6,15	5,15	4,52	9,35	5,08
20 "	3,24	5,72	4,73	4,28	7,01	4,59
21 года.	2,10	3,85	3,17	3,47	3,98	3,53
22 лет.	2,66	5,05	4,10	3,55	4,11	3,62
23 "	2,60	4,22	3,58	3,11	3,56	3,16
24 "	2,20	3,47	2,96	2,74	2,61	2,72

В обеих группах максимальное число рабочих приходится на 18-ти летний возраст, при чем это явление одинаково выражено в разряде мужчин и женщин. Далее, с повышением возраста относительное число рабочих идет на убыль. Процент рабочих в возрасте 21-го года значительно ниже, чем в предыдущей и в последующей возрастной группе. Таким образом, мы имеем здесь картину совершенно аналогичную прежней, относящейся ко всей совокупности рабочих 6 губерний. В производствах по обработке металлов и в машиностроительной промышленности скачек, относящийся к возрасту 21 года, менее резок, чем в текстильной промышленности.

Для суждения о том, насколько общая закономерность выражена в остальных группах производств приводим здесь цифро-

вые данные, относящиеся к рабочим обоего пола пяти отраслей промышленности.

%-ное отношение к общему числу рабочих о. п.:

Возрастные группы.	а) в горно-заводской промышлен. (гр. VIII).	б) в обработ. ке бумаги (гр. XXIII).	в) в произ-водстве пи-щевых про-дуктов (гр. XIII).	г) в добыч. и обработ. камей, зе-мель и глин (гр. VII).	д) в поли-графич. про-изводстве. (гр. XXIV).
До 12 лет.	0,02	0,03	—	0,82	—
12 "	0,06	—	0,49	1,50	0,07
13 "	0,45	0,08	0,68	2,37	0,98
14 "	1,31	0,29	2,33	3,83	3,08
15 "	2,39	1,12	6,23	3,74	8,71
16 "	4,66	2,69	16,84	4,74	9,16
17 "	5,50	4,56	21,91	5,70	9,23
18 "	6,36	5,30	18,50	6,70	7,36
19 "	4,96	4,77	9,44	4,51	3,15
20 "	4,59	3,94	7,20	3,92	4,43
21 года.	3,54	2,05	3,21	1,96	2,70
22 лет.	3,88	3,20	6,23	2,33	3,08
23 "	3,75	2,56	3,70	2,46	2,78
24 "	2,97	2,29	3,21	1,96	2,25

Как видно из таблицы, ряды, характеризующие возрастной состав рабочих, в данном случае менее правильны, хотя основная тенденция числовых соотношений в общем совпадает с прежними выводами. В трех производствах максимальный процент рабочих приходится попрежнему на группу восемнадцатилетних, в двух он передвинулся в сторону более юного семнадцатилетнего возраста. Понижение процента, соответствующее возрасту 21 года, сказывается во всех без исключения производствах. Только в полиграфическом производстве имеет место второй скачек в сторону понижения в группе 19-ти летних. Интересно отметить, что во всех производствах ряды, характеризующие возрастной состав женщин до 24-летнего возраста, более рельефно выделяют тенденцию, чем ряды, характеризующие возрастной состав мужчин. Мы не приводим этих данных, так как они не имеют самостоятельного интереса в виду малочисленности рабочих в производствах, указанных в последней таблице.

Приведенные в таблице данные должны несомненно значительно измениться при разработке полностью материалов переписи. Мы привели их только для того, чтобы показать, насколько устойчива та закономерность, которая получилась в отношении возрастного состава всей совокупности рабочих 6 губерний и в каком направлении она может меняться в зависимости от условий отдельных производств.

Остановимся теперь вкратце на возрастном составе группы

служащих. Большинство фабрично-заводских служащих по роду их деятельности менее связано с специфическими условиями производства, поэтому достаточно проследить возрастной состав всей совокупности служащих, не разделяя их по группам производств. Это тем более допустимо, что численный состав группы служащих в нашем материале весьма невелик, и едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь устойчивые выводы, если имеющиеся у нас данные разбить на более мелкие группы. Как уже было сказано, в составе фабрично-заводских служащих женщин очень мало, поэтому возрастной состав женщин должен дать менее устойчивые соотношения.

В помещенной ниже таблице приведены процентные отношения числа служащих по тем же возрастным группам, которые были приняты для анализа возрастного состава рабочих.

Возрастные группы.	% к общему числу служащих:			пола.
	мужчин.	женщин.	обоих	
до 14 лет	1,58	1,04	1,54	19,50
15—16 лет	5,49	3,56	5,35	
17—19	12,08	21,20	12,70	27,22
20—24	12,69	35,47	14,24	
25—29	12,76	15,95	12,98	21,81
30—34	11,70	6,93	11,38	
35—39	10,70	6,72	10,48	18,42
40—44	10,72	3,46	10,23	
45—49	8,56	3,04	8,19	9,64
50—54	6,50	1,26	6,14	
55—59	3,72	0,63	3,50	3,32
60 лет и старше	3,50	0,74	3,32	

Оказывается, что в группе служащих также имеется известное число малолетних и подростков. Среди служащих-мужчин насчитывается несколько больший процент лиц, не достигших 17-ти летнего возраста, чем среди рабочих-мужчин. Среди служащих-женщин процент малолетних и подростков наоборот несколько ниже, чем среди работниц. Сравнивая возрастной состав служащих и рабочих, можно прийти к следующему выводу. Возрастной состав мужчин среди рабочих и служащих почти одинаков. Отклонения в отдельных возрастных группах настолько невелики, что можно поражаться тождеству выводов, полученных в результате сборки данных, относящихся к объектам, количественно и качественно весьма разнородным. Из приведенных раньше данных можно убедиться, что возрастной состав рабочих различных производств варьирует в гораздо большей степени, чем возрастной состав рабочих и служащих, взятых в общей массе. Что касается служащих-женщин, то их возрастной состав значительно отличается от состава работниц. Во то время как среди работниц молодые женщины в возрасте 20—29 лет составляют 36,8%, среди

служащих они составляют 51,42%. Соответственно этому в группе служащих-женщин насчитывается меньше лиц зрелого и старческого возраста. Раньше мы видели, что возрастной состав женщин, работающих в разных производствах, отличается вообще значительным разнообразием. Принимая во внимание малочисленность группы служащих-женщин в нашем материале, можно полагать, что возрастной состав в этой группе трудящихся будет более близок к составу фабрично-заводских работниц по мере привлечения более обширного материала.

Приводим в заключение данные о количественном соотношении служащих до 25-ти летнего возраста по возрастным годам.

Возрастные группы.	% отношение к общему числу служащих:		
	мужчин.	женщин.	обоих пола.
до 12 лет	—	—	—
12	0,02	—	0,02
13	0,32	0,11	0,30
14	1,24	0,94	1,22
15	2,20	1,15	2,12
16	3,29	2,41	3,23
17	3,86	6,09	4,02
18	4,26	7,34	4,48
19	3,96	7,76	4,21
20	3,07	11,23	3,63
21 года	2,89	8,92	3,31
22 лет	2,59	7,13	2,90
23	2,18	4,83	2,36
24	1,96	3,36	2,04

В данном случае цифровой ряд, характеризующий возрастной состав служащих, имеет несколько иной характер, чем ряд, дававший процентное отношение числа рабочих в погодных группах до 25-ти-летнего возраста. Максимальное число здесь также относится к 18-летнему возрасту, но за этим максимумом ряд правильно убывает, достигая минимума к 24 годам. Таким образом, скачек, относящийся к возрасту 21-го года, в данном случае отсутствует.

Наибольший процент служащих-женщин приходится на 20-ти-летний возраст, однако, это явление может зависеть от случайных особенностей нашего материала. Можно полагать, что при полной разработке материалов переписи возрастной состав женщин даст несколько иные соотношения.

В заключение небезынтересно будет сопоставить возрастной состав фабрично-заводских рабочих и служащих с возрастным составом всего населения Европейской России. Как мы видели

раньше, среди рабочих имеется известный, хотя и небольшой, процент детей, не достигших 12-ти-летнего возраста. С другой стороны, можно полагать, что старцы в возрасте старше 70 лет, хотя и встречаются среди фабрично-заводских рабочих и служащих, но в виде исключения. Поэтому можно без существенных погрешностей привлечь для сравнения состав населения в пределах от 10 до 70-летнего возраста. За неимением более свежего материала, мы воспользуемся для этой цели данными переписи населения 1897 года *).

Возрастные группы.	На 100 чел. населения Евр. России в возрасте 10—70 л. приходится по переписи 1897 г.	На 100 чел. ф.-з. рабочих приходится по проф. переписи 1918 г.	На 100 ч. ф.-з. служащих приходится по дан. проф. переписи 1918 г.
От 10 до 19 лет. . . .	30,5	21,0	19,6
» 20 » 29 » . . .	22,5	32,6	27,2
» 30 » 39 » . . .	17,7	22,2	21,8
» 40 » 49 » . . .	13,4	14,8	18,4
» 50 » 59 » . . .	9,6	7,1	9,6
» 60 » 70 » . . .	6,3	2,3	3,3
	100	100	100

При изучении возрастного состава фабрично-заводских рабочих и служащих мы имели основание полагать, что выводы, построенные на данных профессиональной переписи по 6 губерниям, взятым из различных районов соответственно значению последних в промышленной жизни страны, могут быть распространены с известными оговорками на всю территорию, охваченную переписью.

Что касается грамотности рабочих, то здесь дело обстоит несколько иначе. Поскольку грамотность можно связать с демографическими признаками—в данном случае с возрастом—постольку наши выводы могут иметь более широкое значение. Но для суждения о степени грамотности фабрично-заводских рабочих России вообще наш материал недостаточен.

При выборе губерний мы стремились найти такое сочетание, которое соответствовало бы соотношению числа рабочих различных отраслей промышленности на территории 32 губерний. Грамотность рабочих стоит, несомненно, в связи с характером производства, в котором они заняты. Но, помимо этого, грамотность зависит от ряда общих причин, определяющих культурный уровень населения раз-

*) Статистический Ежегодник России, год двенадцатый, изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. стр. . . Приведенные в нем данные мы перевели в процентные отношения к числу населения в возрасте от 10 до 70 лет.

личных губерний. Само собою разумеется, что при подборе губерний мы не могли иметь в виду этих общих условий, поэтому может быть наши губернии недостаточно типичны для того, чтобы дать представление о грамотности рабочих на всей территории, охваченной переписью. Во избежание ошибочных заключений, мы постараемся в дальнейшем использовать данные по некоторым другим губерниям, по которым начата разработка.

Мы располагаем пока только самыми элементарными сведениями о грамотности фабрично-заводских рабочих. Разработка материалов переписи в этом отношении коснулась только числа грамотных и неграмотных рабочих различных производств в связи с полом и возрастом. К грамотным отнесены все рабочие, которые умеют хотя бы только читать на каком либо языке; неграмотными—считались лица, которые не умеют ни писать, ни читать. Необходимо заметить, что регистрации подлежали все рабочие, которые в день переписи состояли на службе в фабрично-заводских предприятиях. Карточки составлялись также на отсутствующих рабочих, каковых в момент производства переписи оказалось довольно много. В отношении таких рабочих не всегда можно было установить, грамотны ли они или нет. Поэтому в материалах переписи много личных карточек без обозначения грамотности рабочего. При вычислении процента грамотных мы принимали во внимание только лиц, в отношении которых имелись точные указания на то, грамотны они или нет.

Подсчет данных по 6 губерниям обнаружил, что на 100 рабочих мужчин приходится 78,4 грамотных, на 100 работниц только 38,3 грамотных; всего же среди рабочих обоего пола насчитывается 59,1% грамотных. Процент грамотных по губерниям подвержен значительным колебаниям, как это видно из следующих данных.

Губернии.	Процент грамотных рабочих. Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
Олонецкая.	83,17	71,49	81,51
Тульская	82,28	53,65	78,66
Могилевская	77,45	77,39	77,44
Калужская	73,49	48,38	68,13
Псковская.	61,73	38,74	54,85
Ив.-Вознесенская	78,20	35,81	53,14
Всего по 6 губ.	78,40	38,29	59,07

Наибольший процент грамотных дает Олонецкая губерния, наименьший—Иваново-Вознесенская. По грамотности рабочих мужчин Иваново-Вознесенская губерния занимает третье место, на

последнем же месте стоит губерния Псковская. Наибольший процент грамотных женщин приходится на Могилевскую губернию. В этой губернии грамотность мужчин и женщин почти одинакова. Для сравнения приводим данные о проценте грамотности по другим губерниям*).

Губернии,	Общее число рабочих о. п.	Процент грамотных рабочих.		
		Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
1. Петроградская	10.455	86,46	62,94	81,09
2. Вологодская	3.285	86,15	48,32	76,93
3. Череповецкая**)	2.170	80,50	61,36	75,33
4. Нижегородская	53.229	78,47	52,35	73,27
5. Витебская	5.085	79,46	46,26	71,00
6. Орловская	21.497	75,11	47,31	69,16
7. Пензенская	10.927	74,76	52,09	67,90
8. Новгородская	14.184	76,00	50,11	66,50
9. Курская	15.727	72,35	38,76	65,84
10. Костромская	20.423	84,22	47,19	65,82
11. Ярославская	37.513	82,08	46,64	65,20
12. Тамбовская	19.738	73,74	36,50	64,37
13. Тверская	40.503	80,27	42,59	61,26
14. Рязанская	32.818	75,79	43,90	60,19
15. Московская	210.697	79,03	40,31	57,63
16. Смоленская	13.144	71,94	33,20	54,83
17. Сев.-Двинская***).	3.151	4,36	27,81	50,79
Итого по 17 губерн.	514.546	78,70	42,33	62,76

Таким образом у нас имеются данные о грамотности рабочих по 23 губерниям из 32, охваченных переписью. В этих губерниях насчитывается свыше 700.000 рабочих, т.-е. более половины всего числа рабочих, зарегистрированных переписью. Мы видим, что данные по 17 новым губерниям приводят в конечном счете к несколько иному результату. Процент грамотных мужчин остался почти тот же, но процент грамотных женщин значительно повысился, а соответственно с этим повысился и процент грамотности рабочих обоего пола. В отношении всей рабочей массы 23 губерний вывод получается такой: среди мужчин насчитывается 78,45% грамотных, среди женщин 41,06%, всего же на сто рабочих приходится 61,92 грамотных. Наивысший процент грамотных

*) По губерниям Петроградской и Курской приведены неполные данные в виду незаконченности сводки; г. Москва и Петроград не включены в соответствующие губернии.

**) Череповецкая губерния выделилась из состава Новгородской губернии.

***) Северо-Двинская губерния выделилась из Вологодской губернии, включив в свой состав восточные уезды.

оказывается в Олонецкой губернии, в которой особенно высока грамотность женщин. Наинизший процент приходится на Северо-Двинскую губернию. Самый низкий процент грамотных мужчин дает попрежнему Псковская губерния (61,73%), самый высокий Петроградская (86,46%). Среди женщин больше всего грамотных в Могилевской губернии (77,39%), а меньше всего в Северо-Двинской (27,81%). Московская губерния, самая значительная по числу фабрично-заводских рабочих, оказывается на одном из последних мест по грамотности, среди 23 губерний она занимает 19-е место *).

В дальнейшем нам приходится снова оперировать только с данными, касающимися группы 6 губерний. Ниже приводится таблица, дающая процент грамотности рабочих в различных производствах. Огромная разница в грамотности мужчин и женщин ставит общий процент грамотности рабочих в зависимость от соотношения между числом мужчин и женщин. Поэтому в тех отраслях промышленности, в которых применяется преимущественно мужской труд, процент грамотности рабочих должен быть выше, чем в производствах, широко пользующихся женским трудом. Другим моментом, определяющим степень грамотности рабочих, является соотношение между числом квалифицированных рабочих и чернорабочих, зависящее от технических условий,

*) Статья была уже набрана, когда получились результаты сводки данных о грамотности рабочих по остальным губерниям, охваченных переписью. Согласно этим данным грамотность фаб.-зав. рабочих 9 губерний характеризуется следующими цифрами:

Губернии и столицы.	Общее число рабочих о. п.	Процент грамотности рабочих.		
		Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
Астраханская губ.	10.890	77,49	58,07	75,48
Г. Петроград	129.969	77,19	64,91	72,67
Г. Москва	146.760	86,97	50,06	72,02
Самарская губ.	20.265	75,40	52,11	71,28
Вятская	14.899	73,25	51,68	68,29
Казанская	21.378	71,82	52,86	65,03
Воронежская губ.	6.378	69,56	39,37	63,25
Владимирская	19.119	76,37	37,07	55,89
Симбирская	17.210	64,89	30,22	54,98
	468.868	78,93	50,01	67,70

Для полного представления о грамотности рабочих не хватает только данных по Саратовской губернии, по которой сводка еще не закончена. Из сопоставления с данными предыдущих таблиц видно, что наши столицы занимают по грамотности рабочих 8-е и 9-е место в ряду 32 губерний, — Московская губерния занимает 26-е место. Процент грамотности рабочих на всей территории, охваченной переписью, выражается в следующих цифрах: среди рабочих мужчин — грамотности 78,66%, среди женщин — 44,10%, для рабочих обоего пола процент грамотности равняется 64,38.

свойственных отдельным производствам. В таблице производства размещены в порядке убывающей грамотности рабочих.

Группы производств.	Процент грамотных рабочих.		
	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
XXIV. Полиграфическое производство	96,95	98,03	97,12
XXVI. Производство и передача сил и водоснабжения . . .	89,68	66,67	87,20
X. Машиностроительная промышленность	83,81	53,76	80,27
XVII. Обработка шерсти . . .	84,52	68,08	76,77
IX. „ металлов	75,02	51,20	72,21
XI. „ дерева	76,02	49,40	71,38
XIII. Производство пищевых продуктов и пр.	79,31	58,03	70,83
XII. Добывание и обработка камней, земель и глин. . . .	74,27	57,47	69,12
XXIII. Обработка бумаги. . . .	79,55	50,47	68,80
VIII. Горная и горнозаводская промышленность	70,71	57,47	69,12
XIV. Обработка материалов животного происхождения . . .	66,28	70,00	66,98
XV. Кожевенная и меховая промышленность	69,29	41,36	65,09
XII. Химическ. промышленность. . .	69,41	41,29	64,58
XXII. Одежда и туалет	71,88	21,07	54,82
XIX. Обработка льна.	77,10	37,56	53,12
XVI. „ хлопка.	77,71	35,84	52,32

Наибольший процент грамотных приходится на полиграфическое производство (97,12%), наименьший на обработку хлопка (52,32%). В полиграфическом производстве процент грамотных женщин оказывается выше, чем процент грамотных мужчин. Наименьший процент грамотных женщин приходится на группу производства предметов одежды и туалета, но этот вывод нуждается в проверке на основании более многочисленных данных. Самый низкий процент грамотных мужчин относится к группе обработки материалов животного происхождения (66,28%). Высоким процентом грамотности характеризуются группы XXVI, X и IX. Что касается обработки шерсти, то довольно высокий процент грамотности, показанный в таблице, зависит скорее всего от случайных обстоятельств, так как в наших данных эта отрасль текстильной промышленности насчитывает слишком небольшое число рабочих. Наиболее устойчивыми следует считать выводы, относя-

щиеся к обработке хлопка и льна, к машиностроению, обработке металлов, обработке бумаги и к полиграфическому производству.

Процент грамотности меняется следующим образом в зависимости от возраста рабочих.

Возрастные группы.	Процент грамотных рабочих.		
	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
До 14 лет	87,2	68,2	79,8
15—16 „	89,7	66,7	78,6
17—19 „	89,6	59,4	73,3
20—24 „	90,7	50,2	67,3
25—29 „	88,9	38,5	62,0
30—34 „	85,0	25,7	57,7
35—39 „	77,8	18,5	51,8
40—44 „	70,4	13,4	50,7
45—49 „	62,8	9,4	45,1
50—54 „	54,1	6,9	39,7
55—59 „	47,1	5,4	24,6
60 лет и старше	41,9	5,2	34,4
Возраст не указан	(81,1)	(44,8)	(70,7)
Всех возрастов	78,4	38,3	59,7

Процент грамотных мужчин вначале несколько возрастает, достигает максимума в возрастной группе от 20 до 24 лет, затем правильно понижается и доходит до минимума в группе старше 60 лет. Максимальный процент грамотных женщин приходится на 1-ю группу—малолетних, не достигших 15 лет, далее он постепенно падает. В отношении рабочих обоего пола получается менее правильный ряд, благодаря различным сочетаниям мужчин и женщин в возрастных группах.

Приводим в заключение данные о проценте грамотных в погодных группах до 24 летнего возраста.

Процент грамотных подвержен случайным колебаниям в разряде мужчин, в общем же держится приблизительно на одном уровне, кроме 1-й группы (до 12 лет), где он значительно ниже. В разряде женщин процент грамотных обнаруживает общую тенденцию к понижению по мере увеличения возраста.

Возраст.	Процент грамотных рабочих.		
	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
До 12 лет	64,5	—	55,6
„ 12 „	85,5	75,0	81,9
„ 13 „	95,4	62,5	77,7
„ 14 „	89,4	69,0	81,0
„ 15 „	89,3	66,8	79,0

Возраст.	Процент грамотных рабочих.		
	Мужчины.	Женщины.	Обоего пола.
До 16 лет	89,8	66,7	78,5
» 17 »	89,7	61,3	75,0
» 18 »	91,3	60,2	74,4
» 19 »	87,3	57,1	70,4
» 20 »	89,9	52,4	67,6
» 21 »	92,0	54,0	70,6
» 22 »	91,4	50,2	66,9
» 23 »	90,1	47,2	65,8
» 24 »	90,1	45,4	65,7

Казалось бы, что фабрично-заводские служащие, составлявшие раньше более привилегированную группу среди наемного персонала фабрик и заводов, должны быть все грамотны, на самом деле оказывается, что число грамотных составляет среди них в общем 96,95%, т. е. процент грамотных среди фаб.-зав. служащих меньше, чем среди рабочих полиграфического производства. До 24-х летнего возраста неграмотные служащие встречаются в виде исключения, в старческом возрасте они составляют около 17%.

В виду небольшого числа женщин среди служащих мы даем процент грамотности в связи с возрастом только в отношении лиц обоего пола.

Возраст. груп.	% грамот.	Возраст. груп.	% грамот.
До 14 лет	100,0	35—39 лет	96,7
15—16 »	99,7	40—44 »	96,5
17—19 »	99,9	45—49 »	93,9
20—24 »	99,1	50—54 »	91,4
25—29 »	98,9	55—59 »	90,3
30—34 »	98,3	60 лет и старше	83,5

А. Брилинг.

Хлебная кампания 1918—19 года.

Только что закончившаяся хлебная кампания 1918—19 года, проведенная правительством Российской Советской Республики, имела много своеобразных черт. Главным, центральным пунктом в ней является принудительное отчуждение хлебных излишков у производителей. Население, как хорошо всем известно, не склонно было добровольно отдавать эти излишки по твердым ценам, находя таковые слишком низкими, не соответствующими тем ценам, по которым сельскому жителю приходится приобретать промышленные изделия. Вследствие сильного сокращения фабричного производства, государственная власть не в состоянии была снабдить деревню промышленными изделиями в нужном количестве, и сельский житель вынужден был покупать таковые по спекулятивным ценам; в свою очередь он стремился и продукты своего хозяйства сбывать также не по твердым, а по повышенным ценам. Для того, чтобы снабдить армию и городское население хлебом, власть принуждена была пустить в ход принудительный аппарат, в виде особых заготовительно-реквизиционных отрядов. На местах, по селам и деревням, был создан особый содействующий аппарат в лице комбэдов, главное назначение которого состояло в содействии учету производства и отыскании припрятываемых односельчанами «излишков» против данных норм.

Население неохотно отдавало свои излишки также и потому, что нахлынувшие в деревню мешечники давали более высокие цены, чем установленные правительством. Последнее принимало весьма решительные меры по борьбе с мешечничеством, но в общем не имело успеха в этой борьбе. Мешечничество поддерживалось чрезвычайно высокими ценами на городском «вольном» рынке. Как установлено обследованием питания городского населения, произведенным Центральным Статистическим Управлением в марте текущего года, городской житель в среднем потреблял около 1 фунта хлеба в день—норма более низкая, чем в довоенное время; но из этого фунта на хлеб, получаемый по карточкам, т. е. заготовленный государственным аппаратом, приходится менее половины. Потребление в размере полфунта в день и менее (москвичи 2-й категории, напр., получили $\frac{3}{8}$ фунта, а

3-й категории даже $\frac{1}{8}$ фунта), конечно, не могло удовлетворить городского жителя, и он вынужден был недостающее количество покрывать покупкой на «вольном» рынке, т. е. преимущественно у мешечников, и по ценам, все возрастающим.

Мешечные цены раз в 10 превышали в общем цены карточные (в последнее время эта разница цен еще возросла); конечно, мешечник нес большие расходы по доставке, много «товара» у него пропадало в пути и т. д., но все же он имел возможность давать крестьянину цену, значительно более высокую по сравнению с ценой казенной. Сблaзн для крестьянина был велик, и многие миллионы пудов деревни отдала мешечникам.

Другим неблагоприятным обстоятельством для государственной хлебной заготовки служили, с одной стороны, военные действия с чехо-словаками, Колчаком, Деникиным и другими врагами Советской России, а с другой—многочисленные крестьянские восстания, вспыхивавшие повместно в связи как с отчуждением хлебных излишков, так и с принудительным набором в красную армию. Не говоря про то, что уже заготовленные хлебные запасы попадали в руки неприятеля, но и в самой заготовительной деятельности продовольственных органов происходили перерывы, а часто целые обширные территории, на которых раньше шла заготовка, отторгались от Советской России.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при оценке достигнутых результатов в только что закончившейся хлебной кампании. Указанные факты общеизвестны, но все же их недлинные напомнить, прежде чем перейти к изучению цифрового материала.

Вторым моментом в хлебной кампании является распределение заготовленных хлебных запасов, передвижение их из районов заготовок к потребляющим центрам. Здесь, в этой стадии, на первый план выступает недостаточность транспортных средств и, быть может, неспособность использовать в должной мере наличные транспортные средства. Конечно, и в деле транспорта непрерывные военные действия против врагов Советской Республики играли весьма существенную роль, расстраивая весь аппарат передвижения. Но тут следует отметить также и внутренние неполадки, в виде падения производительности труда и ненадежности трудовой дисциплины.

За истекший сельскохозяйственный год, с 1 августа 1918 г. по 1-е августа 1919 года, общая заготовка хлебов и зернового фуража на всем пространстве Советской России составила 107.104 тыс. пудов. Заготовки 1917—18 года не учтены вследствие волнений, сопровождавших октябрьский переворот, и последовавшей за тем перестройки государственного аппарата. Те цифры, которые имеются у центральных органов, являются отрывоч-

ными, неполными и незаслуживающими доверия по отсутствию однообразных способов учета. И нам для сравнения приходится обратиться к 1916—17 сельскохозяйственному году, когда хлебная кампания была проведена Министерством Продовольствия.

Общая заготовка хлебов и зернового фуража в 1916—17 г. на всем пространстве Российской Империи составила 540.679 тыс. пуд. Эту цифру ни в коем случае нельзя признать высокой; она не составляет и 50% той суммы, которую обычно отчуждала деревня для прокормления городов и сельского населения нечерноземной полосы и для заграничного вывоза. Кампания 1916—17 года была также, как и теперь проведена под знаком твердых цен. Население, как известно, не верило в твердые цены, ждало их повышения и припрятывало запасы в ожидании лучших времен. Правительство не могло заготовить нужное ему количество хлеба; армия накануне революции пробивалась буквально со дня на день; в городах чувствовался острый недостаток в хлебе, поведший к введению карточной системы. На почве недостатка в хлебе, как известно, вспыхнула и февральская революция.

Но правительство не прибегало к принудительным мерам по извлечению из деревни хлебных излишков; оно действовало косвенными путями. Первоначально наряду с твердыми ценами для правительственных заготовок существовали и легальные вольные цены; частно-торговый аппарат еще действовал, хотя и испытывал большие затруднения в перевозке закупаемых количеств. Хлебная монополия была введена позднее в мае 1917 года; но и с установлением хлебной монополии, когда легальными стали только правительственные твердые цены, прямых принудительных мер в направлении извлечения хлебных излишков не было предпринимается. В этом главное отличие двух сравниваемых хлебных кампаний. Конечно, 540 милл. пудов составляют только часть (какую-неизвестно) того количества, которое отчуждала деревня; к ним следовало бы прибавить закупки частно-торгового аппарата, количественно неизвестные, так как регистрации частных сделок не велось. Но ведь и теперь, наряду с государственными заготовками, существует хлебное снабжение при посредстве мешечничества.

Из 540.679 тыс. пуд., заготовленных в течение всего 1916—1917 года, на территории теперешней Советской России было заготовлено немногим более $\frac{1}{3}$ этого количества, именно 194.226 тыс. п. Вот эту последнюю цифру и следует сравнивать с теми 107.104 тыс. пуд., которые заготовлены советскими продовольственными органами. Как видим, советская заготовка была менее успешна; разница—около 87 милл. пуд., или почти 45%.

Представляет интерес сравнение заготовок по месяцам, для чего помещаем следующую таблицу:

	1916 г.	1918 г.		1917 г.	1919 г.
	Тысячи пудов.			Тысячи пудов.	
Август	771	1.598	Январь	28.292	12.118
Сентябрь . . .	3.285	7.677	Февраль	25.560	7.676
Октябрь	13.876	23.272	Март	22.896	13.582
Ноябрь	15.171	14.875	Апрель	8.158	4.291
Декабрь	29.783	14.933	Май	23.205	1.389
			Июнь	16.114	2.285
			Июль	7.115	3.408

Как видим, получаются разные кривые для заготовки 1916—1917 г. и 1918—19 г. В первом случае заготовки увеличиваются из месяца в месяц вплоть до декабря, затем стоят на высоком уровне в течение 4 месяцев, в апреле падают (очевидно, отразилось замешательство, внесенное революцией), в мае поднимаются до прежнего уровня (что можно объяснить стремлением помещиков, напуганных революцией, поскорее сбыть остатки хлеба) и в два последние месяца быстро убывают, что и естественно.

Наибольшая из советских заготовок, наоборот, приходится на октябрь, а затем из месяца в месяц заготовки сокращаются, а в последние три месяца заготавливаются уже совершенно ничтожные количества. Повышение в марте объясняется распространением заготовок на Уфимскую и Оренбургскую губернии и Уральскую область, которые к этому времени были очищены от неприятеля, что дало возможность наладить здесь заготовительный аппарат; если исключить эти три губернии, то мартовская заготовка выразится в сумме 6.668 тыс. пуд., т. е. будет ниже февральской.

Система принудительного отчуждения излишков и должна дать такую кривую, т. е. наибольшие количества в первые же месяцы по реализации урожая. Как известно, под влиянием разных причин и соображений, давление на деревню было ослаблено в начале 1919 года; Комбеды были упразднены, и функции их перешли к волостным советам. С ослаблением мер понуждения, естественно, сократились и заготовки; экономический же расчет удерживал крестьянские массы от полной реализации своих запасов, так как обменивать хлеб на «керенки», да еще по твердым ценам без возможности приобрести на эти «керенки» нужные деревне изделия, не представлялось для крестьян соблазнительным.

Итак, кампания 1918—19 года дала 107.104 тыс. пуд. против 194.226 тыс. пуд., заготовленных на той же территории в 1916—1917 г., или на 45% меньше. Чтобы объяснить эту разницу, следует учесть влияние нескольких факторов и прежде всего обратиться к данным об урожае. Урожай 1916 года на территории Советской России (32 губернии, считая и Уральскую область, но без Архангельской губ.) оказался значительно ниже среднего. Сбор 6 главных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень, просо и гречиха) дал 1.664 милл. пуд., в то время как средний за 1909—

1913 гг. сбор на этой территории равнялся для 6 указанных хлебов 1.886 милл. пуд. Таким образом, царскому, а затем и Временному правительству при заготовках в 1916—17 году в губерниях теперешней Советской России приходилось считаться с недобором свыше 200 милл. пуд.

Советская власть в этом отношении была в более выгодных условиях; урожай 1918 года в общем получился не ниже, а скорее выше среднего. Подсчеты урожая имеются для 27 губерний (нет данных по губерниям Псковской, Архангельской, Самарской, Оренбургской, Уральской и Астраханской) и дают по 6 главным хлебам сбор в 1.589 милл. пуд. (при чем в подсчет не введены оккупированные немцами южные уезды Курской губ. и западные уезды Витебской губ.). Для этих же 27 губерний, (но уже полностью, считая и оккупированные уезды Курской и Витебской губ.) средний за 1909—13 гг. сбор равняется 1.599 милл. пуд., а сбор 1916 года—1.471 милл. пуд. Если принять в соображение заволжские губернии Самарскую и Оренбургскую, для которых нет подсчетов, но которые дали, по имеющимся сведениям, богатейший урожай в 1918 году, то будет ясно, что для советских заготовок 1918—19 года у населения имелись значительно более обильные ресурсы, чем при заготовках 1916—17 года; разница в сборе будет гораздо больше тех 118 милл. пуд., которые получают по 27 губерниям, если примем в расчет еще ресурсы, хотя бы одной Самарской губернии.

Итак не в урожае следует искать объяснения более слабой заготовки в кампанию 1918—19 года. Но эту разницу нельзя всецело относить и на счет различия в методах заготовки и в политическом положении. Необходимо учесть и то обстоятельство, что в районах советской хлебной заготовки в 1916—17 году царил полное спокойствие, а в 1918—19 году происходили военные действия, затронувшие территории почти всех производящих губерний, при чем некоторые губернии на многие месяцы выходили из строя советской хлебной кампании, а в других подвергался той же участи ряд уездов.

Необходимо обратиться к сравнению заготовок по губерниям, для чего приводим следующую таблицу—в тысячах пудов:

1. Губернии потребляющие.			2. Губернии, не затронутые военными действиями.		
	1916— 1917 г.	1918— 1919 г.		1916— 1917 г.	1918— 1919 г.
Могилевская	—	45	Орловская	9.953	7.725
Калужская	—	392	Тульская	8.070	5.287
Смоленская	574	—	Рязанская	5.855	3.076
Ярославская	616	—			
Костромская	109	—	Итого	23.878	16.088
Нижегородская	1.204	443			
Новгородская	906	—			
Вологодская	1.739	259			
Итого	5.168	1.139			

3. Губернии, отчасти затронутые войной.

	1916— 1917 г.	1918— 1919 г.
Тамбовская	27.921	14.017
Пензенская	3.778	3.260
Симбирская	4.025	4.660
Итого	35.724	21.937

4. Губернии, бывшие главным театром военных действий.

	1916— 1917 г.	1918— 1919 г.
Курская	10.731	4.121
Воронежская	14.236	3.457
Саратовская	22.311	13.756
Вятская	9.461	7.413
Казанская	5.457	8.131
Самарская	42.895	22.950
Астраханская	1.117	—
Уральская	—	1.064
Оренбургская	3.723	1.024
(без Челябин. у. и Троицк.).	—	—
Уфимская	14.869	5.192
Пермская	4.585	853
Итого	129.385	67.961

При такой группировке губерний, влияние военных действий на количества заготовленных хлебов заметно вполне явственно: по губерниям, незатронутым войной, советские заготовки составляют 67,%, царских заготовок, по губерниям, затронутым войной слабо,—61,%, по губерниям, служившим главным театром военных действий,—52,%. Но вместе с тем из приведенных цифр ясно, что одними военными действиями разницу в заготовках по губерниям нельзя объяснить; так, в группе губерний, слабо страдавших от военных действий, мы имеем рядом губернии Пензенскую и Симбирскую, в которых советские заготовки почти не уступают заготовкам Министерства Продовольствия, и Тамбовскую губернию, где первые составляют лишь половину вторых. В губерниях, затронутых войною, имеем Казанскую и Вятскую губернии с хорошими заготовками и губернии Курскую и Воронежскую с очень слабыми заготовками. Данные об урожае тоже не могут дать нам в этих случаях вполне удовлетворительного объяснения. В Тамбовской губернии урожай был одинаковый и в 1916 г. и в 1918 г. (оба раза ниже среднего), между тем заготовки разнятся в 2 раза; по Симбирской и Пензенской губ. урожай 1918 г. был на 30%—75% выше, чем в 1916 году, заготовки же получились одинаковые. Слабые заготовки по Воронежской губ. нельзя всецело объяснить военными действиями; таковые затронули только южную часть губернии и на протяжении только части года; урожай же 1918 года в губернии был близок к среднему. Удачные, сравнительно, заготовки по Казанской и Вятской губ. можно объяснить великолепным урожаем 1918 года; сбор 6 хлебов дал по Казанской губернии в 1918 году 110 милл. пуд., против 79 милл. пуд. в 1916 году, по Вятской губернии в 1918 году 152 милл. пуд. против 129 милл. пуд. в 1916 году. По сравнению со сбором заготовки 1918—19 года в этих двух губерниях представляются уже

слабыми, но здесь в объяснение можно указать на военные действия. Итак, анализ погубернских заготовок указывает, что ход хлебной кампании 1918—19 года не может быть вполне объяснен ни урожаем, ни военными действиями. Необходимо иметь в виду еще один фактор—самую постановку заготовительного аппарата на местах; не везде он был на одинаковой высоте; в одних губерниях, как Саратовская, Вятская, Казанская продорганы были лучше организованы и проявили более энергичную деятельность, чем в ряде других губерний, как напр., Воронежская, где они не оказались на высоте положения.

Это будет ясно, когда мы обратимся к другой важной задаче—к отправкам заготовленного хлеба из производящих губерний.

Остановим свое внимание на отправках хлебов и зернового фуража, в сопоставлении с заготовками, для чего возьмем только одни производящие губернии.

В следующей таблице сопоставляются данные за 1918—19 г. (с 1 августа по 1 августа) о заготовках и отправках хлебов и зернового фуража—в тыс. пуд.

Губернии.	Заготовки.	Отправки.	В т. числе за пред. губ.	В т. числе внутри губ.
Орловская	7.725	4.863	4.405	458
Курская	4.121	2.884	2.867	17
Тульская	5.287	962	917	45
Рязанская	3.076	371	369	2
Тамбовская	14.017	1.750	1.690	60
Воронежская	3.457	1.584	1.536	48
Вятская	7.413	4.260	4.149	111
Казанская	8.131	3.765	3.654	111
Симбирская	4.660	2.408	2.401	7
Пензенская	3.260	1.988	1.975	13
Саратовская	13.756	14.270	14.201	69
Самарская	22.950	11.672	11.574	98
Уфимская	5.192	524	524	—
Оренбургская	1.024	84	84	—
Уральская	1.064	—	—	—
Итого	105.133	51.385	50.346	1.039

Из заготовленного хлеба и фуража только 49% были отправлены по нарядам Компрода; из остальной, большей половины часть была распределена на местах распоряжением местных Губпродкомов для населения городов. Эту часть невозможно определить в точных цифрах по всем производящим губерниям, так как в телеграфных донесениях Компроду цифры распределения на местные нужды не фигурируют (в нашей таблице показаны отправки внутри губерний только по нарядам Компрода, напр. по Орловской губернии—для Брянского района). Цифры отпуска хлебов и

фуража на местные нужды непосредственным распоряжением Губпродкомов могут быть заимствованы из месячных отчетов самих Губпродкомов об обороте хлебов и фуража, но такие отчеты составляются далеко не всеми Губпродкомами. Можно привести сведения лишь по некоторым губерниям, что мы и делаем ниже, но общих подсчетов сделать нельзя. Распределение на местные нужды распоряжением Губпродкомов выразилось в следующих цифрах (в тыс. пудов):

Г у б е р н и и.	Отчетные сведения.	За какое время.	Исчисление для всего года.
Тамбовская	3.317	10 мес.	4.000
Воронежская	2.693	11 "	2.940
Вятская	1.670	8 "	2.500
Казанская	1.244	8 "	1.870
Симбирская	1.035	11 "	1.130
Пензенская	1.677	11 "	1.820
Саратовская	4.662	10 "	5.595
Самарская	3.362	10 "	4.040

Эти данные нельзя строго сопоставлять с данными предыдущей таблицы, так как происхождение тех и других неодинаково. Те цифры заготовок и отправок, которыми мы пользуемся в этой статье, заимствованы из сводки телеграфных донесений Губпродкомов Компроду, при чем сами Губпродкомы для этого делают 10 дневные сводки из ежедневных донесений от ссыпных пунктов. Количества же хлебов, отпущенных на местные нужды, берутся нами из ежемесячных отчетных ведомостей Губпродкомов, которые составляются на иных основаниях и рисуют не столько фактический, сколько бухгалтерский оборот, при чем та или иная операция с приемом или отпуском хлеба относится к тому месяцу, когда она проводится по книгам Губпродкома (напр. когда производится оплата), что далеко не совпадает со сроками фактического приема хлеба.

Чтобы явственнее видеть степень успешности отправок хлебов из производящих губерний, сопоставим отправки не только с заготовками, но и с остатками на ссыпных пунктах. Для этого обращаемся к нижеследующей таблице, в которой даются по производящим губерниям цифры наличности хлебов на ссыпных пунктах на 1-е августа 1918 г. и 1-е августа 1919 г. заготовки хлебов и отправки по нарядам Компрода за весь год и, наконец, показана разница всех этих операций (т. е. наличность на 1-е августа 1918 г. заготовки—отправки вместе с остатками на 1-е августа 1919 г.)—в тысячах пудов.

Губернии.	Остаток на 1 авг. 1918 г.	Заготовка за год.	Отправки за год.	Остаток на 1 авг. 1919 г.	Разница.
Орловская	—	7.725	4.863	9	2.853
Курская	—	4.121	2.884	15	1.222
Тульская	—	5.287	962	?	?
Рязанская	—	3.076	371	12	2.693
Тамбовская	9	14.017	1.750	45	12.232
Воронежская	134	3.457	1.584	46	1.961
Вятская	55	7.413	4.260	172	3.036
Казанская	19	8.131	3.765	253	4.132
Симбирская	—	4.660	2.408	279	1.973
Пензенская	—	3.260	1.988	37	1.235
Саратовская	3	13.756	14.270	137	648
Самарская	—	22.950	11.672	534	10.744
Уфимская	—	5.192	524	—	4.668
Оренбургская	—	1.024	84	—	940
Уральская	—	1.064	—	—	1.064
Итого	—	105.133	51.385	—	—

Состояние отчетности Губпродкомов позволяет нам только отчасти заполнить таблицу, которая, будь она основана на полной регистрации, представила бы глубокий интерес. Правильное ведение хлебофуражной отчетности налажено пока еще не во всех губерниях; наличность запасов на ссыпных пунктах на 1-е августа 1918 года удалось установить только по 5 губерниям из числа приведенных в таблице; но и приведенные цифры позволяют думать, что вообще хлебная кампания 1918—19 года была начата с самыми небольшими запасами, так что отсутствие сведений по большинству губерний о наличности на 1-е августа 1918 г. не составляет большого пробела. Другое дело отсутствие сведений о наличности на 1-е августа 1919 года по Тульской губернии; этот досадный пробел объясняется хаотическим состоянием отчетности Губпродкома в этой губернии; все усилия и Компрода и Центрального Статистического Управления, направленные к тому, чтобы наладить отчетность Тульского Губпродкома, не дали решительно никаких результатов; Губпродком не представил отчетных ведомостей ни за один месяц, и мы теперь лишены возможности дать какое-либо объяснение аномалии, наблюдающейся в Тульской губернии, где из 5.287 тыс. пуд. заготовленного хлеба и зернового фуража было отпущено по нарядам Компрода лишь 962 тыс. пуд., судьба же остальных 4.325 тыс. пуд. остается неизвестной.

Обращаясь к другим губерниям, прежде всего наталкиваемся на аномалию в двух крупнейших производящих губерниях—Тамбовской и Саратовской. По первой получается необъяснимая разница в 12 милл. пуд. с лишним, по второй, наоборот, разница

отрицательная, и не понятно, откуда взялись ресурсы для отправки свыше 14 милл. пуд. При ближайшем рассмотрении приходится прийти к выводу о крайней неточности, разнотипности и неполноте телеграфных сведений, доставляемых Компроду Губпродкомами об отправлениях и остатках хлебов и зернового фуража. Телеграфные сведения могут рассматриваться только как приблизительные требующие значительных исправлений по другим материалам. Если бы от всех Губпродкомов получались отчетные месячные ведомости о приходе, расходе и остатках хлебов и фуража, то не было бы и нужды прибегать к телеграфным сведениям; но в том-то и дело, что по ряду губерний либо совсем нет месячных отчетов, либо отчеты представлены не за все месяцы, почему и приходится пользоваться телеграфной сводкой, как более полной, внося в нее корректив в случаях явного несоответствия действительности.

Обращаясь к таблице, именно к графе «разница», находим для таковой объяснение по большинству губерний: разница может быть объяснена местным распределением (предыдущая таблица). Для губерний Орловской и Рязанской разница больше, но и она может быть объяснена местным потреблением, которое в этих губерниях, как на половину только производящих и на половину потребляющих, естественно, должно быть выше; по Казанской губернии можно еще ввести для объяснения военные действия, при которых часть запасов должна была попасть в руки врага; именно, разница здесь 4.132 тыс. пуд., местное же распределение поглотило 1.870 тыс. пуд.; остается неизвестной судьба свыше 2 милл. пуд.; можно думать, что эти 2 милл. пуд. и достались врагу при его весеннем наступлении.

По Тульской губернии, как сказано выше, отчетных данных не имеется, и мы не имеем возможности дать общей картины распределения собранного хлеба. Разница между заготовкой и отправкой в размере $4\frac{1}{2}$ милл. пуд. не может быть удовлетворительно объяснена; на потребности города Тулы и ее заводского населения не могло пойти таких значительных количеств, тем более, что большая часть заготовки приходится на овес. Военных действий, если не считать местные возмущения в пределах Тульской губ., не было; и в конце концов мы не знаем, расхищены ли запасы (хотя бы при бунтах), или, наоборот, они лежат в больших количествах неиспользованными на складах и ссыпных пунктах. Возможно и второе, особенно принимая во внимание хаотическое состояние отчетности Тульского Губпродкома. Переходя к Тамбовской губернии, приходится прямо утверждать, что телеграфные сведения об отправлениях, имеющиеся в Компроде, совершенно не отвечают действительности. К счастью, по Тамбов-

ской губернии имеются полные отчетные сведения за 10 месяцев в виде месячных отчетных ведомостей с выведенными балансами. Общее количество хлебов и зернового фуража, отправленных и отпущенных по нарядам Компрода, определяется по этим данным не в 1.750 тыс. пуд., а 8.678 тыс. пуд. за 10 месяцев; прибавляя к ним телеграфные сведения за последние 2 месяца—125 тыс. пуд., имеем общую цифру, отправки 8.803 тыс. пуд. Принимая в расчет эти данные, получаем разницу, нуждающуюся в объяснении в сумме 5.180 тыс. пуд., (а не 12.232 тыс. пуд.); отпуск на местные нужды (население городов, снабжение гарнизонов и др.) равняется 4 милл. пуд.; таким образом, объяснению подлежит количество около $1\frac{1}{4}$ милл. пуд. Здесь можно допустить в объяснение расхищение запасов при бунтах и при вторжении врага в пределы губернии.

В отношении Саратовской губернии также приходится обратиться к месячным отчетным ведомостям. Эти сведения в некоторых частях совпадают с телеграфными; так, количество заготовки получается тоже самое; но оказывается, что, кроме собственных заготовок, Саратовская губерния получила еще из Самарской губ. 2.125 тыс. пуд. за первые 10 месяцев, по которым имеются отчеты; таким образом, ресурсы по Саратовской губ. составляли 13.756 заготовленных в пределах губернии плюс около $2\frac{1}{2}$ милл. пуд., полученных со стороны (за 10 месяцев из Самарской губ. было привезено 2.125 тыс. пуд.), всего $16\frac{1}{4}$ милл. пуд.; отправки—14.270 тыс. пуд., очевидно, обнимают собою все перевозки, как за пределы губернии, так и внутри ее; по месячным отчетам за 10 месяцев было вывезено из губернии 9.224 тыс. пуд. и отпущено распоряжением Губпродкома внутри губернии 4.662 тыс. пуд.; если к 9.224 тыс. пуд. прибавить отправки за 2 последние месяца по телеграфным сведениям—1.606 тыс. пуд., то отправки за пределы губернии в течение года определяются примерно в сумме 10.830 тыс. пуд.; тогда разница получится в $5\frac{1}{2}$ милл. пуд. для местных нужд, т. е. как раз та сумма местного распределения, которая исчислена нами ранее.

В отношении Самарской губернии нельзя произвести подобной проверки, так как месячная отчетность Губпродкома поставлена совершенно неудовлетворительно. Огромная разница в 10.744 тыс. пуд. не поддается точному объяснению; отпуск непосредственным распоряжением Губпродкома за 10 месяцев составил 3.362 тыс. пуд., за весь год это количество могло повыситься до 4 милл. пуд., но все же останется необъяснимая разница около $6\frac{1}{2}$ милл. пуд., и приходится предположить, что это количество досталось врагу при весеннем наступлении. Что касается, далее, Уфимской и Оренбургской губ. и Уральской области, то вывезти

оттуда, как видно из таблицы, почти ничего не удалось; собранные запасы попали в руки врагов.

За сделанными поправками и оговорками, имеем следующие общие результаты. Заготовка в 15 производящих губерниях дала 105 милл. пуд. Остатки при начале хлебной кампании были небольшие; точная сумма их неизвестна.

Отправка хлеба и зернового фуража из производящих губерний составила 52 милл. пуд. (принимая в расчет поправки по Тамбовской и Саратовской губерниям и вычитая $2\frac{1}{2}$ милл. пуд., направленных из Самарской губ. в Саратовскую губ.) или ровно половину заготовленного количества. Остатки на 1 августа 1919 г., т. е. к началу новой хлебной кампании равнялись $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. (без Тульской губ.). Из остальных 51 милл. пуд. были потеряны: по Тамбовской губ. $1\frac{1}{4}$ милл. пуд., по Казанской губ.—2 милл. пуд., по Самарской губ. $6\frac{3}{4}$ милл. пуд., по Уфимской губ. $4\frac{1}{2}$ милл. пуд., по Оренбургской и Уральской по 1 милл. пуд., всего 16 милл. пуд., 35 милл. пуд. были распределены в самих производящих губерниях.

При остром недостатке хлебов в потребляющих районах отправка из производящих губерний только в размере половины заготовленного количества указывает на то, что продовольственные органы не смогли осуществить лежавшую на них задачу снабжения хлебом голодающего севера. Отчасти это следует отнести на счет неупорядоченности транспорта, но отчасти приходится отнести и на счет деловых способностей самих Губпродкомов. Ведь, сумела же Саратовская губерния отправить за свои пределы свыше 65% имевшегося на ссыпных пунктах хлеба (как показывают месячные отчеты); и в то же время Тульская губерния отправила только около 18% заготовки, Рязанская—12%, Уфимская—10%, Оренбургская—8%, а Уральская область и совсем ничего не отправила. В Уфимской, Оренбургской и Уральской губ., при отступлении, запасы свыше 6 милл. пуд. попали в руки врага; в Самарской губернии, по приведенным выше расчетам, врагу отдано до $6\frac{3}{4}$ милл. пуд. С другой стороны, распределение в самих производящих губерниях до 35 милл. пуд. показывает, что производящие губернии неохотно выпускали хлеб из своих рук и во всяком случае давали местному населению гораздо большие количества, чем те, каковые распределялись населению в потребляющих районах.

При неудовлетворительном состоянии отчетности Губпродкомов приходится ограничиться этими общими выводами, не вдаваясь в подробности. Что касается потребляющих губерний, то собранные в Компроде телеграфные сведения о прибытии грузов настолько неполны, более того—недостовверны, что приходится отка-

заться от их использования и подождать того времени, когда удастся подобрать и систематизировать месячные отчетные ведомости, имеющиеся пока не по всем потребляющим губерниям и не за все месяцы.

Рассмотрим теперь итоги хлебной кампании 1918—19 года с иной стороны—с точки зрения соответствия реального хода кампании тем расчетам и заданиям, которые ставило себе правительство Республики в лице Народного Комиссариата по Продовольствию.

Компрод приступил к кампании без ясно выраженного плана; данные об излишках и недостатках были им собраны лишь в ноябре, и разверстка количеств урожая, подлежащих заготовке, была утверждена только в январе 1919 года, т. е. как раз в самой середине сельскохозяйственного года.

В разверстку были включены 12 производящих губерний, более или менее свободных от неприятеля; не вошли в разверстку губернии Пермская, Уфимская, Оренбургская и Уральская, как занятые в то время врагом, но в них—в начале сельскохозяйственного года, а потом и позже, уже после составления разверстки, все же были произведены некоторые заготовки. Сейчас мы их опускаем, так как нас интересует только вопрос о соответствии фактических заготовок разверстке, т. е. предположениям продовольственных органов.

Разверстка была произведена в соответствии с продовольственной и фуражной потребностью, исчисленной для армии, населения потребляющих губерний, фабрично-заводских рабочих, железнодорожных служащих и судовых команд и др. категорий потребителей. Всего было признано подлежащим разверстке 260.100 тыс пуд. разного рода хлебов, каковое количество и было разверстано между 12 производящими губерниями. Фактически было выполнено 107.104 тыс. пуд. или $41\frac{1}{2}\%$. Если же исключить губернии, не вошедшие в разверстку и ограничиться только 12 губерниями, между которыми разверстывалось количество 260 миллионов пудов, то выполнение разверстки оказывается равным 97.900 тыс. пуд. или $37\frac{1}{2}\%$ назначенного количества.

Такое слабое выполнение разверстки могло произойти в результате причин двоякого рода: 1) Могла быть неправильно составлена сама разверстка, 2) при правильном составлении разверстки целый ряд неблагоприятных факторов мог помешать ее осуществлению. Причины второго рода уже разобраны в первой части настоящего очерка; это, во-первых, причина общего характера, относящаяся одинаково ко всем производственным районам и заключающаяся в экономической невыгоде для крестьянина отчуждать свой хлеб по твердым ценам и стремлении его по воз-

возможности уклониться от сдачи хлеба. Правительство принимало принудительные меры, но степень давления была различна по губерниям, смотря по энергии и уменью, проявленным местными продовольственными органами. Ранее уже были приведены примеры неодинаково успешных заготовок при одинаковых условиях в смысле урожая и военных действий (напр. Воронежская и Саратовская губернии). Далее, непредвиденные при разверстке военные действия могли спутать все первоначальные расчеты, как это и случилось в отношении Самарской, Казанской и Вятской губерний.

Интересно сопоставить разверстку и ее выполнение по отдельным губерниям, для чего помещаем следующую таблицу (в тыс. пуд.):

Губернии.	Количество назначенное по развер- стке.	Количество действитель- но изгото- вленное.	% выпол- нения.
1. Орловская	14.100	7.725	54,8
2. Тульская	13.800	5.287	38,3
3. Рязанская	5.000	3.076	61,5
4. Тамбовская	36.000	14.017	38,9
5. Курская	17.000	4.124	24,3
6. Воронежская	15.500	3.457	22,3
7. Саратовская	31.100	13.756	44,2
8. Пензенская	11.600	3.260	28,1
9. Симбирская	12.000	4.660	38,8
10. Казанская	13.500	8.131	60,2
11. Вятская	30.500	7.413	24,3
12. Самарская	60.000	22.950	38,2
Всего	260.100	97.900	37,7

Если бы разверстка была составлена вполне правильно, то многое было бы необъяснимо в этой таблице. Как мы говорили выше, выполнение разверстки было нарушено непредусмотренными разверсткой военными действиями; но как раз этот фактор слабо выражен в таблице. Должно бы было быть особо слабое выполнение разверстки там, где с особой силой развернулись военные действия, т. е. в губерниях Самарской, Казанской и Вятской, между тем в Самарской губ. выполнение разверстки среднее, в Казанской гораздо выше среднего и только в Вятской губ. ниже среднего. С другой стороны, ниже среднего выполнение в такой губернии, где совсем не было военных действий. Урожай не при чем, так как он принят во внимание при составлении разверстки. Слабость организации самого продовольственного аппарата, конечно, могла служить одной из причин, на что мы ранее

уже и указывали, но этой причиной нельзя всего объяснить. Остается посмотреть, не было ли совершенно ошибок при составлении самой разверстки.

При составлении разверстки Компрод руководствовался сведениями об излишках и недостатках, собранными его органами. В этих сведениях и могли быть ошибки. Сопоставим поэтому данные разверстки с излишками и недостатками, выведенными на основании данных об урожае, имеющихся в Центральном Статистическом Управлении (по 6 главным хлебам)—в тысячах пудов.

Губернии.	Излишки урожая 1918 года.	Назначено по развер- стке.
Орловская	13.524	14.100
Тульская	15.225	13.800
Рязанская	3.304	5.000
Тамбовская	16.157	36.000
Курская	—	17.000
Воронежская	18.059	15.500
Саратовская	22.143	31.100
Пензенская	2.467	11.600
Симбирская	50.011	12.000
Самарская	—	60.000
Казанская	46.020	13.500
Вятская	33.040	30.500

В этой таблице бросается в глаза несоответствие разверстки с данными об излишках по урожаю 1918 года. В разверстке не учтен неудовлетворительный урожай по Тамбовской, Пензенской и отчасти Саратовской губерниям и прекрасный урожай по Симбирской и Казанской губерниям. У Компрода были свои сведения об урожае, очевидно, сильно расходящиеся со сведениями, собранными в Центральном Статистическом Управлении. Какие сведения более приближаются к действительному урожаю, трудно сказать. Можно только сослаться на статью тов. Вяткина (один из служащих Компрода): «Итоги хлебной кампании 1918—19 г.», помещенную в № 240 «Экономической Жизни»; Вяткин утверждает, что разверстка была произведена неправильно.

Итак, слабое и неравномерное выполнение разверстки можно отнести, с одной стороны, на счет разных неблагоприятных факторов (военные действия, экономическая конъюнктура, слабость отдельных продовольственных органов), а с другой—на счет неправильности самой разверстки.

Представляет интерес сравнение заготовок с месячными планами снабжения. Мы видим следующее (тысячи пудов):

Месяцы.	Месячный план.	Заготовка.
Август 1918 г.	—	1.598
Сентябрь	18.005	7.677
Октябрь	18.150	23.272
Ноябрь	18.150	14.875
Декабрь	18.005	14.933
Январь 1919 г.	15.855	12.118
Февраль	16.584	7.676
Март	17.347	13.582
Апрель	17.347	4.291
Май	18.024	1.389
Июнь	11.197	2.285
Июль	10.021	3.408

Только в октябре заготовка превысила план и последний, стало быть, мог бы быть выполнен, планы же за все прочие месяцы не могли быть выполнены, так как заготовки были значительно ниже планов. В конце года, в летние месяцы, ведомство создало безнадежность положения и само убавило планы почти в два раза; тем не менее и в эти месяцы заготовки составили только $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{8}$ планов. Таким образом, вся работа по составлению планов оказалась висящею в воздухе; планы имели исключительно бумажное значение, реальная жизнь не стояла с ними ни в каком соответствии.

Также мало оказались совпадающими отправки хлебов с плановыми назначениями, с нарядами, как явствует из следующей таблицы (тыс. пудов).

М Е С Я Ц Ы.	Назначено.	Отправлено.	% выполнения.
Август 1918 г.	17.963	957	5,3
Сентябрь	21.120	5.158	24,4
Октябрь	16.224	10.933	67,4
Ноябрь	16.224	7.561	46,6
Декабрь	15.909	4.756	29,9
Январь 1919 г.	13.956	5.606	40,2
Февраль	16.894	4.329	26,7
Март	14.302	8.976	62,8
Апрель	14.302	6.895	48,2
Май	15.856	1.925	12,1
Июнь	9.672	1.315	13,6
Июль	7.475	2.236	29,9
Итого	179.197	60.647	33,8

Эта таблица взята нами из упомянутой выше статьи Вяткина в «Экономической Жизни». Приводимая им цифра отправок получена на основании донесений от железных дорог; она разнится от цифр, показываемых продорганами, которыми мы пользовались

ранее, на 8 милл. пудов; но в донесениях железных дорог фигурируют и вторичные отправки, которые мы либо исключили (по Саратовской губ. переотправка самарского хлеба), либо не приняли во внимание (Московский узел).

Сравнение назначений и фактических отправок не указывает какой-либо определенной связи между тем и другим; назначения шли сами по себе, а отправки сами себе, и в конце концов отправлено было всего $\frac{1}{3}$ назначенного к отправке количества, т.е. примерно в такой же пропорции, как и заготовки к разверстке. Определенно можно сказать, что отправки следовали не нарядам Компрода, а фактическим заготовкам на местах; если припомним ход заготовок, то увидим, что кривая отправка примерно идет параллельно кривой заготовок. Одним словом, фактическая кампания снабжения шла своими путями, вне подчинения руководству центральных органов.

Перед нами еще одна любопытная задача—сравнить естественное распределение хлебофуражных продуктов, как оно происходило в нормальное время, с тем организованным распределением, которое получилось в результате работы продовольственных органов.

Мы знаем, что Россия распадается на полосы губерний потребляющих, которые не довольствовались собственным хлебным производством и получали хлеб со стороны, и губерний производящих, которые сбывали свои хлебные излишки на сторону. Транспортная—железнодорожная и водная—статистика позволяет произвести это разделение губерний на производящие и потребляющие. В издании Управления Делами Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу «Производство, перевозки и потребление хлебов в России» сгруппированы данные транспортной статистики за пять лет с 1909 г. по 1913 г.; средние цифры за пятилетие дают числовое выражение излишков и недостатков хлебов по губерниям.

Эти данные и интересно сопоставить с приведенными ранее цифрами заготовок и отправок хлебов и фуража, но необходимо предварительно сделать одну оговорку.

Мы знаем, что кроме официального движения грузов по нарядам Компрода, шло еще мешечное движение, снабжавшее потребляющие районы хлебом. Мешечничество не может быть учтено в точных цифрах, но, нет сомнения, что таким путем были доставлены в потребляющие районы многие миллионы пудов хлеба. Из произведенного в марте обследования питания городского населения выяснилось, что в добавление к хлебу, получаемому по карточкам, население приобретало хлеб иными способами в таком же количестве, а в ряде местностей даже в большем количестве. Так что цифры перевозок хлеба по нарядам Компрода

далеко не выражают действительного передвижения хлеба из производящих районов в потребляющие. Это, конечно, следует иметь в виду при рассмотрении ниже помещаемых таблиц.

Рожь и пшеница в зерне и муке—тысячи пудов.

Губернии.	Превыше- ние вывоза над ввозом за 1909—13 г. (среднее го- дичное).	То же с по- правкой на урожай 1918 г.	Заготовка советской властью в 1918—19 г.	Отправки по нарядам Компрод за пределы губ.
Орловская	— 2.805	— 305	2 293	1.443
Тульская	— 318	— 1.113	1.487	244
Рязанская	— 1.687	— 1.700	1.151	48
Тамбовская	13.534	2.114	6.874	4.416
Курская	4.850	?	1.392	491
Воронежская	17.627	15.412	1.618	688
Центр. Землед. губ.	31.201		14.815	7.330
Вятская	133	17.769	4.084	2.772
Казанская	5.326	32.814	4.615	2.307
Симбирская	6.535	29.436	3 204	1.497
Пензенская	2.301	— 5.065	2 603	1.344
Саратовская	33.904	22.213	11.681	9.773
Приволжские губ. .	48.199	97.167	26.187	17.693
Самарская	92.694	?	20.907	9.718
Уфимская	23.333	36.883	2.793	368
Оренбургская	17.448	?	1.024	82
Уральская	2.907	?	772	—
Заволжские губ. . .	136.382	—	25.496	10.168
Итого по 15 губ.	215.782	—	66 498	35.191

Итак, по 15 производящим губерниям советская власть могла выкачать из населения лишь 31% обычных излишков ржи и пшеницы. Правда, нужно внести ограничительные поправки; так, правильнее было бы исключить Оренбургскую губ. и Уральскую область, в которых советская власть и не могла произвести больших заготовок, так как территории этих губерний большую часть времени находились в руках врага; то же приложимо в значительной мере и к губерниям Уфимской и Самарской. Но если исключить из подсчета всю группу заволжских губерний, то и по остальным 11 губерниям будем иметь 79.400 тыс. пуд. обычных излишков ржи и пшеницы и 41.002 тыс. пуд. заготовленных советской властью, т. е. чуть больше половины; вывезено же из этих губерний распоряжением продорганов 25.205 тыс. пуд., или около 32% нормального вывоза (по всем 15 губерниям—16% нормального вывоза). Относительно урожая 1918 г. выше было уже

указано, что он для Советской России оказался в общем не ниже среднего для периода 1909—13 гг.; таким образом объяснить слабость советских заготовок низким урожаем нельзя. Конечно, население потребляющих районов не могло примириться с такими результатами деятельности продовольственных органов и вынуждено было широко пользоваться услугами мешечников.

Такова общая картина; если же обратиться к отдельным губерниям, то найдем чрезвычайно сильные колебания. При этом рассмотрении удобнее для сравнения пользоваться вторым столбцом, где излишки и недостатки исчислены применительно к урожаю 1918 г. Мы видим, что по целому ряду губерний—Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской заготовили больше, чем позволяли им излишки урожая; очевидно, были при этом затронуты и запасы, остававшиеся от прежних лет. Кстати, это—губернии, не пострадавшие от войны.

По другим губерниям соотношение заготовок с излишками урожая 1918 г. колеблется в чрезвычайно широких размерах. Только по одной Саратовской губернии заготовка равняется половине излишка, по другим—значительно ниже; если для Вятской, Казанской, особенно Уфимской губернии можно сослаться в объяснении на военные действия, то нельзя того же сказать напр. про Воронежскую губернию. Воронежская губерния и в отношении военных действий и в отношении урожая находилась в одинаковых условиях с соседней Саратовской губернией; и однако, в то время, как Саратовская губерния сумела привлечь к заготовкам 52,6% избытков урожая 1918 г., Воронежская заготовила только 10,5%, или относительно в 5 раз меньше.

Очевидно, энергия, распределительность и умение персонала, руководящего заготовками, тоже должны быть принимаемы в расчет при оценке результатов заготовительной деятельности.

Обратимся к другим хлебам.

Просо, гречиха, крупы и бобовые—в тысячах пудов.

Губернии.	Превыш. выво- за над ввозом в 1909—13 г.г. (средн. годич- ное).	То же—с по- правкой на урожай 1918 г.	Заготовка Сов. властью в 1918—19 г.г.	Отправки за пределы 1918—19 г.г.
Орловская	—907	—1.136	264	134
Тульская	—1.585	—1.833	25	—
Рязанская	—2.241	—3.134	44	—
Тамбовская	3.414	325	2.109	982
Курская	4.966	?	914	232
Воронежская	2.909	6.481	492	155
Центр. Земл. губ. . . .	6.556		3.848	1.523

Губернии.	Превыш. выво- за над ввозом в 1909—13 гг. (средн. годич- ное).	Тоже—с по- правкой на урожай 1918 г.	Заготовка Сов. властью в 1918—19 гг.	Отправки за 1918—19 гг.
Вятская	400	160	479	212
Казанская	222	922	565	102
Симбирская	3.923	6.653	276	49
Пензенская	1.099	1.569	73	6
Саратовская	4.354	1.936	853	465
Приволжск. губ.	9.998	11.240	2.245	834
Самарская	3.737	?	1.534	774
Уфимская	5.404	16.424	1.610	135
Оренбургская	2.209	?	3	2
Уральская	1.747	?	286	—
	13.097	—	3.433	911
Всего по 15 губ.	29.651	—	9.526	3.268

По крупным хлебам и бобовым в общем имеем ту же картину, как и по ржи и пшенице. В общем по 15 губерниям Советская власть получила около 32% обычных излишков; также и здесь приходится отметить по ряду губерний — Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Вятской, получение хлебов сверх излишков урожая 1918 года; по другим, особенно по Воронежской, Пензенской, Симбирской и Уфимской, надо отметить очень слабую заготовку сравнительно с излишками. И здесь приходится прибегнуть к объяснению не столько внешними неблагоприятными обстоятельствами, сколько внутренними недостатками механизма. В то время как Саратовская губерния сумела привлечь к заготовке 44% излишка урожая 1918 года, по соседним губерниям, находившимся не в худших условиях, привлечено к заготовкам: по Симбирской губ. — 4%, по Пензенской — около 5%, по Воронежской — около 8% излишков. Обращает на себя внимание слишком слабое выполнение нарядов на отправку — в среднем 34% заготовленного количества; если из запаса Уральской обл. ничего не удалось вывезти, а из запасов Уфимской губ. удалось отправить всего 8% с небольшим, это еще можно объяснить военными обстоятельствами тем, что при быстром продвижении неприятеля трудно было в спешном порядке эвакуировать продовольственные грузы и таковые достались врагу. Но вот по Пензенской, Симбирской, Казанской губерниям отправлено менее 20% заготовки, по Курской губ. менее 30% заготовки, по Воронежской — 31%. Продовольственные органы большую часть заготовленного количества отпускали на местные нужды (населению городов, фабрикам и заводам), а в другие губернии отправляли крупы и бобы во вторую очередь. Это предпочтение местных нужд общегосударственным было отмечено и в отношении отпуска ржи и пшеницы, а в крупных хлебах оно сказалось еще резче.

В общем отправлено из производящих губерний всего 11% обычных излишков; не удивительно, что население потребляющих районов должно было промышлять «своими средствами», т. е. по преимуществу обращаться за крупой и пшеном к услугам тех же мешечников.

Для зернового фуража (овес и ячмень) имеем следующие цифры (тысячи пудов).

Губернии.	Превыш. выво- за над ввозом за 1909—13 г.г. (средн. годич- ное).	Тоже—с по- правкой на урожай 1918 г.	Заготовка Сов. властью в 1918—19 г.г.	Отправки в 1918—19 г.г.
Орловская	10.476	14.965	5.191	2.828
Тульская	15.735	18.171	3.775	673
Рязанская	12.217	8.138	1.880	321
Тамбовская	24.441	13.718	5.072	3.330
Курская	9.669	?	1.817	2.144
Воронежская	5.781	—3.834	1.406	694
Центр. Земл. губ.	81.319		19.141	9.990
Вятская	7.053	15.111	2.850	1.166
Казанская	10.550	12.284	2.959	1.245
Симбирская	4.479	13.922	1.192	856
Пензенская	7.560	5.963	584	625
Саратовская	5.402	—1.994	1.222	591
Приволжск. губ.	35.041	46.006	8.807	4.483
Самарская	—523	?	529	1.082 км. с Сибир.
Уфимская	5.737	29.065	789	21
Оренбургская	43	?	1	—
Уральская	—55	?	6	—
Заволжск. губ.	5.702		1.325	1.103
Всего по 15 губ.	122.065		29.273	15.576

Как видим, с овсом (ячменя заготовлено самое незначительное количество) дело обстояло не лучше, чем с другими хлебами, а скорее хуже. Заготовлено овса даже менее 1/4 обычных излишков, именно 24%, а вывезено половина заготовленного количества, или 13% обычных излишков. Овес требуется, главным образом, для нужд армии; армия и пострадала от слабой заготовки овса. В объяснении можно указать, что, за исключением Орловской, в других центральных Земледельческих губерниях, а также примыкающей к ним с юга Саратовской губернии урожай оказался ниже среднего (по Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Саратовской губ. — 106 мил. пуд. при среднем сборе 135 мил. пуд.). Однако по другим губерниям — Вятской, Казанской, Симбирской, Пензенской урожай овса был или средний или выше среднего, и все-таки заготовлены совсем небольшие количества — от 22% до 8% излишков урожая 1918 года. Неудача за-

готовок по Пензенской губернии нельзя также объяснить и военными действиями.

На этом в сущности и приходится закончить обзор продовольственной кампании 1918—19 года. Другая половина задачи—проследить, как удовлетворялись за счет заготовок нужды потребляющих районов—остается невыполнимой по состоянию статистики Губпродкомов потребляющих губерний. Эти Губпродкомы должны были извещать по телеграфу Компрод о получении ими продовольственных грузов; но в большинстве случаев они этого не делали, а если и присылали сведения, то неполные и не за все месяцы; Компрод главное внимание обратил на заготовительную деятельность и не тревожил потребляющие губернии требованиями присылки сведений. В результате собранный в Компрод телеграфный материал по потребляющим губерниям не имеет статистической цены; пользоваться им нельзя. Месячные же отчетные ведомости Губпродкомов полностью имеются лишь по меньшинству потребляющих губерний, при чем наиболее важные районы, как Петроград и Москва с их губерниями—районы наиболее нуждающиеся в привозном хлебе, как раз и не представили полных данных о получении ими продовольственных грузов.

Мы можем привести полные сведения лишь по 9 потребляющим губерниям; эти сведения все же могут служить иллюстрацией по вопросу о снабжении потребляющих районов в кампанию 1918—19 года.

Для продовольственных хлебов получают следующие цифры (в тысяч. пуд.):

I. Рожь и пшеница в зерне и муке.

Губернии.	Превышение привоза над вывозом в среднем за 1909—13 г.г.	Потребность в 1918—19 г.	Прибытие по нарядам Компрод из других губерний в 1918—19 году.	Данные о прибытии за сколько месяцев
Новгор. и Череповец.	9.474	10.142	979	12 м.
Вологод. и Сев.-Двин.	5.751	6.220	600	{ Вологод.—12 м. С.-Двин.—10 м.
Ярославская	9.761	13.670	665	12 м.
Владимир. и Иванов. /	15.036	17.387	2.059	—11 м.
Нижегородская . . .	8.629	14.810	375	12 м.
Калужская	6.540	8.816	153	12 м.

II. Крупные хлеба и бобовые в зерне и крупе.

Губернии.	Превышение привоза над вывозом в среднем за 1909—13 г.г.	Потребность в 1918—19 г.	Прибытие по нарядам Компрод из других губерний в 1918—19 году.	Данные о прибытии за сколько месяцев
Новгор. и Череповец.	1.478	1.478	110	12 м.
Вологод. и Сев.-Двин.	347	347	24	{ Вологод.—12 м. С.-Двин.—10 м.
Ярославская	240	240	46	12 м.
Владимир. и Иванов.	2.460	2.815	190	—11 м.
Нижегородская . . .	1.927	2.815	61	12 м.
Калужская	1.610	1.823	19	12 м.

В пояснение этой таблицы скажем, что второй столбец цифр получен из первого путем введения поправки на урожай 1918 года; урожай в потребляющих губерниях оказался ниже среднего урожая 1909—13 г.г., а потому потребность повышена на разницу в урожае 1918 г. и среднего 1909—13 г.г. Конечно, употребленный прием нельзя признать точным, но для примерного сравнения в общих чертах он годится.

Несоответствие между потребностью и ее удовлетворением, как показывает таблица, огромное. Мешечничество, к помощи которого прибегает голодающее население, конечно, не может восполнить того, что не в состоянии дать государственный продовольственный аппарат. Если бы допустить, что мешечники привезли столько же, сколько продорганы (что, без сомнения, было бы преувеличением, так как, хотя население получает по карточкам и несколько менее половины фактически потребляемого хлеба, но с другой стороны, и грузы, направляемые в голодающие губернии, рассчитаны не только на прокормление населения, но и армии), и тогда фактическое недополучение населением хлеба будет исчисляться от 5 до 15 миллионов пудов на губернию, т. е. факт недопоядания будет налицо.

В частности крупы доставлены в таких ничтожных количествах, что их могут получать по карточкам лишь особо привилегированные группы, все же прочее население должно добывать для себя пшено и крупу исключительно мешечным путем.

Что касается зернового фуража (т. е. овса, так как ячмень вывозился за границу и во внутреннем обороте играл незначительную роль), то положение северных губерний является более благоприятным; в нормальное время не все губернии северной половины России нуждались в привозном фураже; овес шел в значительных количествах главным образом для Москвы и Петербурга. Но в истекшую хлебную кампанию, вследствие неурожая овса, таковой требовался в северные губернии в больших количествах, не говоря уже о нуждах армии и разных ведомств. По 9 губерниям имеем следующие цифры (в тысячах пудов):

III. Овес и ячмень.

Губернии.	Превышение привоза над вывозом в среднем за 1909—13 г.г.	Потребность в 1918—19 г.	Прибытие по нарядам Компрод из других губерний в 1918—19 г.	Данные о прибытии за сколько месяцев
Новгор. и Череповец.	— 86	— 251	355	12 м.
Волог. и Сев.-Двин.	—1.077	1.622	449	{ Волог.—12 м. С.-Дв.—10 м.
Ярославская . . .	— 229	3.786	271	12 м.
Влад. и Ивановск.	2.135	5.726	773	—11 м.
Нижегородская . .	1.446	7.610	156	12 м.
Калужская	667	5.368	222	12 м.

Таблица показывает, что и снабжение северной полосы овсом было столь же ничтожно по сравнению с потребностью, как это мы раньше видели в отношении продовольственных хлебов.

На этом и кончаем наш очерк. Еще раз оговариваемся, что телеграфная статистика Компрод не может быть признана точной, что с получением месячных отчетных ведомостей Губпродкомов многие цифры должны будут подвергнуться исправлению; но основные контуры результатов продовольственной кампании вырисовываются настолько резко и рельефно, что общих выводов менять не придется.

Отчетность Губпродкомов и по сие время далеко не упорядочена, по ряду губерний совсем нет отчетов; и только если Компрод употребит героические усилия к понуждению Губпродкомов правильно вести свои дела, только тогда мы будем иметь полную и надежную продовольственную статистику. Будем надеяться, что Компрод справится с этой задачей и новую продовольственную кампанию будет вести во всеоружии статистического аппарата.

А. Михайловский.

Статистика наказаний, наложенных народными судами в 1918 г.

(По листкам об осужденных).

I.

Материал, заключающийся в статистических листках об осужденных народными судами за первый год их существования (1918), когда им приходилось действовать в раскаленной атмосфере небывалого по силе социального кризиса, представляет несомненно громадный интерес для всякого социолога и даже для всякого лица, так или иначе прикосновенного к наблюдению над общественной жизнью, в особенности в ее современном бурном фазисе. Несмотря на то, что статистических листов от народных судов в течение 1918 г. поступило очень мало, по отдельным разрозненным участкам, составляющим лишь незначительную часть общего числа открытых в 1918 г. народных судов, все же и на основании этого случайно поступившего материала можно ознакомиться с общим характером функционирования этих судов, а также и индивидуальными особенностями проходящих перед ними подсудимых. На основании отчетных ведомостей, доставляемых в Статистическое Отделение Комиссариата Юстиции, деятельность народных судов может быть исследована в более широком масштабе и на несравненно большем числе случаев, но зато в отчетных ведомостях почти отсутствуют сведения об индивидуальных признаках осужденных и нельзя скомбинировать данные о наложенных судом наказаниях с главнейшими групповыми делениями осужденных (по полу, возрасту, занятиям и пр.). Комбинированные сведения о судебной репрессии дают более отчетливое и детальное представление о карательной политике судов, об их отношении к различным группам подсудимых, в виду чего и следует предпочесть анализ данного вопроса по листкам об осужденных, а не по отчетным ведомостям, даже в том случае, когда имеются такие листки лишь по некоторым, а не по всем судам.

Всего нами было разработано 2021 листок об осужденных в 1918 г. местными народными судами, которые были доставлены по 1 марта 1919 г. в Народный Комиссариат Юстиции и затем были переданы для разработки в Центр. Стат. Управление по

Обследования питания городского населения в 1919 году.

1.

Центральное Статистическое Управление, организовав Государственную Статистику на новых началах, широко поставило в текущем году обследования питания городского населения. Такие обследования произведены по всем губерниям Советской России уже неоднократно.

В марте и апреле обследование было произведено во всех губернских городах, в ряде уездных городов, типичных в продовольственном отношении, и ряде рабочих поселков, не числящихся городами, но по условиям снабжения и жизни приближающихся к поселениям городского типа.

В общем обследование было распространено на 158 поселений, но по 18 городам, по условиям военного времени, материал не прислан в центр, или вовсе не разработан. Признанный пригодным для разработки и включенный в общерусские сводные таблицы, материал охватывает 26.263 хозяйства с 116.187 душами обоого пола и более чем 3.200.000 дням, по которым зарегистрировано довольствие членов указанных хозяйств. При этом были обследованы не только частные хозяйства, но и учреждения общественного питания.

При обследовании приняты были меры к широкому оповещению населения о целях исследования и к приобретению доверия опрашиваемых к предпринятой работе. Показания давались только желающими и вполне добровольно, что в значительной степени гарантировало их точность и правдивость. Для помощи населению был организован обширный кадр регистраторов, работавший под руководством и наблюдением инструкторов.

Частные хозяйства лиц семейных и одиноких были опрошены об условиях их питания за месяц, предшествовавший опросу, но кроме того были поставлены в широких размерах текущие записи о приобретении продуктов и использовании запасов в течение недельного срока. Таким образом, ответы по памяти, по свежему следу, за предшествующий месяц, могли быть сопостав-

лены с результатами подсчетов конкретных текущих записей за более короткий срок и взаимно контролировать друг друга. Результаты сравнения получились вполне удовлетворительные для метода текущих записей, что дало большую уверенность в методе конкретных записей, собираемых за более короткий срок и по меньшему числу хозяйств, и позволило сделать соответствующие организационные выводы по отношению к последующим обследованиям.

Из учреждений общественного питания были обследованы не только открытые заведения этого рода — общественные столовые для приходящих (взрослых и детей) и школьные завтраки, но и закрытые учреждения общественного питания для лиц, проживающих в учреждениях: больницы, богадельни, приюты, места заключения и, наконец, казармы и инструкторские курсы Красной Армии.

По широте программы и по количеству захваченных объектов мартовско-апрельское обследование не имеет себе равных не только в русской, но и в мировой статистике. Но в подобных размерах оно может производиться лишь изредка, а между тем неизбежные сезонные и погодные изменения в состоянии продовольствия и питания населения требовали повторных исследований. Центральное Статистическое Управление и Всероссийский Съезд статистиков не разошлись во взглядах на этот вопрос. Для навстречу пожеланиям, высказанным на Съезде, Ц. С. У. произвело повторное обследование в июне месяце в шести городах (Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Туле и Самаре), а в июле — во всех губерниях Советской России, но в меньшем (однако достаточном) масштабе, нежели в марте и апреле, сократив число обследованных поселений и число опрошенных в каждом из них хозяйств и применив при этих обследованиях метод конкретных записей и опроса при помощи регистраторов. В конце сентября произведен в больших размерах, также во всех губерниях, опыт применения в области питания анкетного способа обследования, без участия или с минимальным участием регистраторов.

При июньском обследовании предполагалось опросить по шести городам 1450 хозяйств. На самом деле было опрошено несколько менее, а в сводные таблицы включены данные о 991 семье (за исключением одиночек и замуженных ответов) с 4.204 душами обоого пола и всякого возраста и 28.946 днями довольствия.

При июльском обследовании предполагалось захватить 78 городов с 4.940 хозяйствами, но часть этих городов была отрезана от центра передвинувшейся военной границей. Полученные с мест

материалы обрабатываются в настоящее время в Отделе статистики Потребления и Распределения и могут быть использованы лишь по части городов; однако ознакомление с полученным материалом позволяет признать июльское обследование вполне удавшимся. Материалы сентябрьского обследования еще поступают в Ц. С. У. и потому было бы преждевременно высказываться об их качестве; однако и теперь уже можно сказать, что в количественном отношении анкетный метод дал результаты значительно более слабые, чем экспедиционный (регистраторский) и меньшие, чем ожидалось. В сентябре было заготовлено и распространено примерно в пять раз больше бланков, чем в июле; при этом учитывалось, что обычно при анкетах далеко не все опрашиваемые дают ответы, и значительная часть распространяемых бланков погибает. Однако предполагалось, что, при таких размерах рассылки, количество ответов численно будет близко результатам июльского обследования. Это не везде оправдалось. В среднем количество пущенных в разработку бланков едва-ли превысит 10%, числа розданных бланков, а в отдельных случаях оно падает до 1½% (Москва).

В декабре предстоит новое, четвертое по счету, всероссийское обследование питания городского населения во всех губерниях Советской России (пятое исследование, как сказано, носило частный характер и коснулось шести городов). Декабрьское обследование имеет быть произведено примерно в июльском масштабе, снова через регистраторов и охватит по методу конкретных записей несколько больший период, нежели предыдущие регистраторские исследования (10 дней вместо семи).

II.

Произведенные обследования дают богатый материал, освещающий потребление городского населения с разных сторон. Некоторые данные по этому вопросу были уже опубликованы в печати и некоторые выводы из них уже сделаны. Таковы мое сообщение на Всероссийском съезде статистиков в мае текущего года об общих размерах и характере городского потребления по некоторым типичным губерниям, моя статья о размерах хлебного довольствия горожан всех губерний производящей и потребляющей полосы и источниках снабжения хлебом в № 116 «Экономической Жизни» и статья П. И. Попова с выводами более общего характера в № 2 «Материалов и Обзоров Экономической Жизни» — периодического приложения к газете «Экономическая Жизнь».

Дополним появившиеся сообщения рядом новых данных и остановимся прежде всего на составе обследованного населения

и формах, в которых оно удовлетворяет свои пищевые потребности.

Мартовское обследование захватило наибольшее количество населения, причем приняты были меры к возможно полному представительству различных его групп. Обследование дает следующие данные о составе и размерах городских хозяйств и о формах питания.

Громадное большинство обследованного населения группируется в хозяйства семейного типа, и хозяйства одиночек представляют из себя незначительное меньшинство.

Значение последних невелико по отношению к общему числу обследованных хозяйств (8,8%) и совершенно незначительно по количеству душ (2,0%). Средние размеры городских хозяйств невелики и колеблются между 4 и 5 душами в среднем (4,7 души в среднем семейном хозяйстве и 4,4 души в хозяйстве вообще).

Яснее это видно из следующих цифр:

	Число хозяйств.	%	Число душ.	%	Душ на хозяйство.
Одиночки	2.297	8,8	2.297	2,0	1,0
Семейные	23.966	91,2	113.890	98,0	4,7
Итого	26.263	100,0	116.187	100,0	4,4

Характерны районные различия в этих данных. Мы группируем губернии в крупные районы, из которых первые три (1—Северный и Приозерный; 2—Западный и 3—Центральный Промышленный) образуют потребляющую полосу, а два остальные (4—Центральный Земледельческий и 5—Приволжско-Прикамский) —производящую полосу. Особо выделены нами столицы и Астраханская губерния, резко отличающиеся от смежных районов¹⁾.

1) В состав указанных районов вошли города и рабочие поселки следующих губерний: Северного и Приозерного района — города и рабочие поселки — Вологодской, Северо-Двинской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой и Петроградской; Западного района — Витебской, Минской, Могилевской; Центрального Промышленного района — Владимирской, Костромской, Ивановской, Калужской, Московской, Смоленской, Тверской и Ярославской; Центрального Земледельческого района — Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской; Поволжско-Прикамского района — Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской г.г.

Районы.	Число хозяйств.				Число душ в хозяйствах.				Средние размеры хозяйств	
	Всего.	В том числе.		% одиночек.	Всего.	В том числе.		% одиночек.	Всех вообще.	Семейных.
		Одиночек.	Семейных.			Одиночек.	Семейных.			
Северный и Приозерный	5.480	875	4.605	16,0	19.930	875	19.055	4,4	3,6	4,1
В т. ч. Петроград.	3.090	688	2.402	22,3	9.142	688	8.454	7,5	3,0	3,8
Западный	1.285	41	1.244	3,2	6.599	41	6.558	0,6	5,1	5,3
Центральный Промышленный	9.101	899	8.202	9,9	39.301	899	38.402	2,3	4,3	4,7
В т. ч. Москва	3.176	469	2.707	14,8	11.910	469	11.441	3,9	3,7	4,2
Центральный Земледельческий	4.409	218	4.191	5,0	21.787	218	21.569	1,0	5,0	5,2
Приволжско-Прикамский	5.388	226	5.162	4,2	26.215	226	25.989	0,9	4,9	5,0
Астраханская губерния	600	38	562	6,3	2.355	38	2.317	1,6	3,9	4,1
Итого	26.263	2.297	23.966	8,8	116.187	2.297	113.890	2,0	4,4	4,7

Таким образом наибольшее абсолютное количество одиночек (875 и 899) сосредоточивается в Приозерном и Центральном Промышленном районах, главным образом в обеих столицах. На эти районы падает 38—39% общего числа обследованных хозяйств одиночек. % одиночных хозяйств в этих районах также заметно выше среднего—16,0 и 9,9%, тогда как в остальных районах на них падает едва 4,5% общего числа хозяйств.

В указанных районах значительно ниже, чем в прочих районах, также и средний размер хозяйств. Если взять одни семейные хозяйства, то средний размер их в указанных районах составит 4,1 и 4,7 душ на 1 хозяйство против 5,1 души на 1 хозяйство в прочих районах: если взять все хозяйства вообще, то состав их в указанных районах равен 3,6 и 4,3 души против 4,9 души в прочих районах (не выделяя особо Астраханской губернии).

Мы не имеем общерусских современных данных, чтобы судить, насколько полно представлены хозяйства одиночек при весеннем обследовании питания, и утверждать, что низкий % этих хозяйств зависит исключительно от их малого количества в населении современных городов. Мы могли бы только указать, что при исследовании были приняты меры для достижения правильного представления одиночек и они из исследования не исключались. Искать

опорных пунктов для сравнения пришлось бы в данных Всеобщей переписи 1897 года.

Устраняя из сравнения хозяйства учреждений и так называемые «артельные» хозяйства, остановимся на частных хозяйствах нормального типа (97% общего числа хозяйств и 88% их населения). Среди них хозяйства лиц одиноких составляли в 1897 году в городах Европейской России 9,3% по числу хозяйств и 4,4% по их населению, если же устранить из сравнения прислугу и других посторонних, то 2,2%. В Петрограде и Москве значение хозяйств одиночек повышается до 13,4—14,5% общего числа хозяйств, до 8,0—8,3% общего количества населения и до 3,5—4,0% населения, входящего в состав семейств. Эти данные довольно близко подходят к тем, которые, установлены выше по материалам мартовского обследования питания, и можно думать, что последние достаточно типичны для современного городского населения. Средний состав хозяйств, связанных родством, по переписи 1897 года составлял в городах Европейской России 5,7 душ, если взять его с прислугой и посторонними, и 4,5 души без последних; при соединении семейных хозяйств с хозяйствами одиночек, средний состав хозяйства вообще понизится до 4,2 души, а в Петрограде и Москве эти цифры понижаются до 4,0 и 4,2 душ для семейных хозяйств (не считая прислуги и посторонних) и 3,6—3,8 душ для всех хозяйств вообще, считая и одиночек.—Цифры опять таки довольно близкие к установленным выше.

Упомянем еще, что обследованное весной население (только семейные) составляются из следующих крупнейших социально-профессиональных групп (сводка охватывает несколько меньшее число душ, чем выше):

	Число душ.	%
Рабочие, имеющие работу	48,192	43,6
Служащие,	44,325	40,1
Прочие, кроме безработных	16,171	14,6
Безработные рабочие и служащие	1,824	1,7
Итого семейных	110,512	100,0

Распределение обследованного населения по формам питания очень характерно. В этом отношении мы можем разбить его на две главные группы: хозяйства, члены которых довольствуются исключительно дома, и хозяйства, члены которых целиком или отчасти столуются на стороне или получают готовую пищу на дом:

	Число душ в хозяйствах.		То же в ‰.		Итого.
	Довольству- ющиеся исклю- чительно дома.	Получающие пищу со сто- роны.	Довольству- ющиеся дома	Получающие пищу со сто- роны.	
Одиночки	1.197	1.091	52	48	100
Семейные.	83.814	26.698	76	24	100
В числе семейных:					
Рабочие, им. работу . .	37.216	10.976	77	23	100
Служащие	32.639	11.686	74	26	100
Прочие (кр. безработн.)	12.507	3.664	77	23	100
Рабочие, по полосам:					
Потребляющей	17.451	8.854	67	33	100
Производящей	18.640	2.055	90	10	100
Служащие, по полосам:					
Потребляющей	15.670	9.166	63	37	100
Производящей	16.040	2.458	87	13	100

Относительная доля лиц, столовавшихся вне дома и получавших пищу со стороны, была больше среди одиночек (48‰), чем среди семейных (24‰); она несколько выше среди служащих (26‰), чем среди рабочих (23‰) и в потребляющей полосе значительно выше, чем в производящей (33‰ против 10‰ у рабочих и 37‰ против 13‰ у служащих).

Тем не менее столующиеся исключительно дома повсюду представляли крупное большинство: их было среди семейных от двух до десяти раз более, а в среднем втрое более, чем членов семейств, столовавшихся целиком или отчасти на стороне или получавших готовую пищу на дом. Только одиночки делились по формам питания почти поровну, но и среди них замечалось крупное различие по полосам: в потребляющей полосе одиночки, довольствующиеся исключительно дома, составляли 46‰ а в производящей—75‰.

Таким образом, в марте—апреле текущего года у горожан Советской России домашне-семейная форма питания безусловно преобладала над всякими иными: столование вне дома и получение готовой пищи со стороны развито было сильнее среди одиночек, сравнительно с семейными, больше распространено было в потребляющей полосе, чем в производящей и почти в одинаковой степени захватило как рабочих и служащих, так и прочие классы населения.

Изложенные выводы должны считаться достаточно типичными для картины городского потребления в первой половине 1919 года, так как при весеннем обследовании были приняты меры к равномерному представителю слоев, пользующихся разными формами питания, и ни одна из них при обследовании не устранялась.

Прочие обследования питания не были так полны и обширны, как мартовское. Поэтому ограничимся пока приведением лишь некоторых данных по интересующему нас вопросу и притом пока по одному июньскому обследованию.

Оно имело следующий объем (данные, включенные в подсчет, за исключением забракованных).

	Число семей.	Число душ.	Дней довольствия.
Петроград	176	658	4.358
Москва	342	1.348	9.383
Смоленск.	120	563	3.918
Тула	131	539	3.766
Иваново-Вознесенск . . .	74	378	2.646
Самара	148	703	4.875
Итого	991	4.204	28.946

На семью в среднем приходилось 4,2 души, в том числе в Петрограде—3,8, Москве—3,9, в четырех прочих городах—4,6 души в среднем.

Из числа обследованных 4.204 душ приходилось:

на семейных рабочих.	37,2%
на прочих семейных.	62,8%
Итого	100,0%

По формам питания приходилось душ:

на семьи, довольствовавш. исключит. дома	73,9% (3.105 душ)
» » где есть и члены, довольств. вне дома	26,1% (1.099 »)

При этом самое число лиц, довольствовавшихся вне дома и получавших готовую пищу со стороны, составляло 623 души или 14,8% общего количества обследованного населения, поднимаясь в Москве и Петрограде до 30,7 и 22,2%, а в прочих городах падая до 2,8% в среднем.

Большинство довольствовавшихся вне дома отметило себя получающими обед (67,4%), меньшинство—завтраки (28,4%) или ужины (4,2%).

Данные о составе семей и формах питания в июне не расходятся сколько нибудь существенно с результатами мартовского обследования.

III.

Переходим к рассмотрению размеров потребления городского населения, как оно рисуется произведенными обследованиями. Их необходимо сопоставить с общими нормами потребностей человеческого организма.

Человек в процессе своей жизни нуждается в пище, главным образом, для трех следующих целей: для поддержания теплоты своего организма на определенной высоте, для производства работы, для построения тканей при росте организма (преимущественно в юные годы) или для замены разрушенных тканей.

Во время сна, бодрствования, а тем более во время работы, человек затрачивает известное количество энергии, разлагая посредством сложных внутренних процессов вещества, циркулирующие в его организме. Легко понять, что это непрерывное разложение материи в организме привело бы последний к краху, если бы расходы организма не покрывались соответствующими поступлениями, вводимыми в него в форме пищи. Как показали работы Рубнера и Atwater'a, живой организм, как и машина, в общем вполне подчинен закону сохранения энергии, сформулированному Гельмгольцем, Джоулем и Р. Майером.

При этом возможно определить энергетическую ценность пищевого рациона по его составу, т. е. по количеству составляющих его белков, жиров и углеводов. Потенциальная энергия всякого горючего измеряется, как известно, количеством теплоты, развиваемой им при сгорании. Единицей измерения служит обычно калория—количество тепла, необходимое для согревания килограмма воды на один градус Цельсия. Установлено, что один грамм белка дает 4,1 калории, 1 грамм жиров—9,3 калории и 1 грамм углеводов—4,1 калории (нормы Рубнера).

При достаточном питании организм находится в равновесии, возмещая потери и находя в пище источники для построения нужных тканей. Указанное равновесие не следует понимать лишь в смысле соответствия текущих приходов и расходов организма: находящийся в равновесии организм должен иметь в себе некоторые запасы на покрытие непредвиденных, экстренных расходов. При избыточном питании организм получает пищевых веществ больше, чем ему необходимо для покрытия текущих трат, и начинает отлагать в тканях жир. Наконец, при недостаточном питании человек сначала сводит на нет все малейшие запасы своего организма, необходимые для покрытия чрезвычайных расходов, и тем делает организм менее устойчивым и более подверженным всякого рода случайностям, а затем начинает покрывать расходы по производству теплоты и работы за счет

расщепления белков своего тела, за счет его прогрессивного истощения, постепенно приближаясь к той черте, переход за которую становится опасным для его дальнейшего существования.

Мы не будем приводить здесь формул, предложенных для учета расхода энергии на поддержание теплоты, на производство работы и на построение тканей.

Обычно расход на производство теплоты считают пропорциональным поверхности тела, а эту последнюю—пропорциональной кубическому корню квадрата его массы или веса. Вторую долю расхода надо считать пропорциональной количеству производимой работы, третью—распределить на известные возрасты, когда организм растет, заканчивая это начисление примерно к 25 годам жизни. Весьма полезную сводку общепотребительных формул расходуемой человеком энергии с погодным расчетом соответствующих величин в одной компактной табличке см. в 1-м вып. «Материалов по статистике труда Северной области», изд. Отд. статистики Петроградского областного ком-та труда, под ред. С. Струмилина.

Не будем также говорить об оценке пищевых веществ, употребляемых в пищу современным русским горожанином. Вопрос этот был тщательно пересмотрен на основании имеющихся литературных данных, преимущественно русских, а отчасти и новых опытов—по отношению к количеству отбросов пищевых веществ, составу последних и их усвояемости и об этом мы предполагаем поговорить в отдельной статье.

Остановимся специально на расходе вполне сформировавшегося организма, при производстве той или другой физической работы, т. е. на расходе энергии взрослым работником.

Сводя воедино указания Рубнера, Atwater'a и других, можно считать типичными для человека в 70 килогр. (4¼ пуда) следующие пищевые рационы:

Полный покой	1800—1900 нетто калорий
Относительный покой	2200—2400 „ „
Умеренный труд	2450—2850 „ „
Тяжелый „	3300—3800 „ „
Очень тяжелый труд	4000—5000 „ „

Если привести эти данные к весу человека, то они дадут следующие величины:

Полный покой	25—27 калорий на килограмм
Относительный покой	32—34 „ „
Умеренный труд	35—41 „ „
Тяжелый труд	45—54 „ „
Очень тяжелый труд	57—70 и более „ „

Конечно, эти цифры далеки от какого-либо абсолютного значения. Нормы питания индивидуальны. Один живет «экономнее», чем другой и меньше затрачивает пищи на поддержание организма, другой менее «экономен» в этом отношении. В явлениях питания наблюдается известная растяжимость, организм приспособляется к различным пищевым условиям. Затраты пищи зависят от климата и времени года, а также, повидимому, и от расы. Поэтому приведенные цифры—есть приближенные величины. Однако они дают известное мерило, под которое подходит большинство наблюдаемых случаев.

С этой точки зрения представляет большой интерес распределение данных, полученных одним из самых обширных и точных обследований питания, бельгийским обследованием питания 1.065 рабочих, произведенным Институтом Solway в 1905—07 годах*

Следующая таблица дает распределение пищевых рационов этих рабочих на группы, по количеству получаемых ими калорий:

Распределение случаев.		Количество калорий.	Н о р м ы.		Род работы.
Число	%		Рубнера.	Atwater'a.	
18	1,75	1200—2000	1880—1900	—	Полный покой.
69	6,72	2000—2500	2200—2400	—	Относит. покой.
65	6,33	2500—2750	2445—2868	2450—3050	Легкий труд.
103	10,03	2750—3000			
180	17,53	3000—3250	—	—	Средний труд.
354	34,45	3250—4000	3300—3800	3400—3800	
198	19,28	4000—5250	—	4150—5300	Очень тяжелый труд.
34	3,32	5250—8000			
6	0,59	9500—13800	—	—	—

Большинство обследованных бельгийских рабочих получают от 2750 до 5000 нетто калорий; только в 152 случаях (15%) число калорий меньше 2750.

Вместе с тем видно, что около половины рабочих, отдаваясь в общем тяжелому труду, имеют пищевой рацион, отвечающий покою или же легкому и умеренному труду.

Таковы нормы питания взрослого работника мужчины при разном количестве работы.

Между тем при обследованиях питания городского населения России, мы имеем дело в громадном большинстве случаев с целыми семьями, а в семье лица разного возраста и пола явля-

*) A. Slosse et E. Waxweiler. Enquête sur le régime alimentaire de 1065 ouvriers belges (Notes et Mémoires de l'Institut de Sociologie, Fascicule 9) Bruxelles, 1910, p. 51.

ются носителями далеко не одинаковых потребностей. Так например по данным Рубнера («Питание и пищевые продукты» стр. 39) человеческому организму в разные периоды его жизни необходимо следующее количество питания:

	белки	жиры	угле-воды	калорий (общая сумма)
Ребенок в первые месяцы жизни при кормле- материнским молоком.	8	17	37	344
Дети вес. в 20 кило (1 п. 9 ф.)	63	37	225	1524
„ „ „ 40 „ (2 п. 18 ф.)	80	47	280	1913
Взросл. „ 50 „ (3 п. 2 ф.) при легкой	85	37	267	2102
„ „ „ 70 „ (4 п. 11 ф.) работе	107	46	343	2631
„ „ „ 50 „ (3 п. 2 ф.) при тяжел.	96	44	409	2472
„ „ „ 70 „ (4 п. 11 ф.) работе	118	56	500	3094
Слабые люди (мужч., женщины)	91	45	322	2111

Поэтому необходимо условиться о приемах приведения населения к одной потребительской единице.

Из множества систем приведения населения к единице наибольшей простотой и достаточной точностью отличается американская система Atwater'a и система русских вологодских бюджетных исследований.

По системе Atwater'a, принимая взрослого мужчину за 1,00, имеем:

Мужчина	1,00
Женщина	0,8
Парень от 14 до 16 л.	0,8
Девушка от 14 до 16 л.	0,7
Дети от 10 до 13 л.	0,6
„ „ „ 6 „ 9 „	0,5
„ „ „ 2 „ 5 „	0,4
„ „ „ менее 2 „	0,3

Пользующаяся значительным распространением в Америке и Западной Европе система Atwater'a в общем прекрасно согласуется с более сложной системой Engel'я (система «кэт»).

Вологодская система учитывает уменьшенное потребление старших возрастных групп; в остальном она близка к предыдущей:

Мужчина в возрасте от 18 до 60 лет	1,0
Женщина „ „ 16 „ 55 „	0,8
Мужчина старше 60 л. и парень от 14 до 17 лет.	0,8
Женщина старше 55 л. и девушка от 14 до 16 л.	0,6
Дети в возрасте 7—13 лет	0,55
„ „ „ 1—6 „	0,3
„ „ „ до года	0,1

Остановившись на последней системе и на данных о возрастном составе городского населения, мы для перехода от одной

души вообще, без различия пола и возраста, к взрослому мужчине, должны были установить для городского населения коэффициент 1,32 (при обратном переходе это дало бы коэффициент 0,76).—Коэффициент в 1,43, применяемый к сельскому населению неприменим к городскому населению, где производительные возрасты представлены гораздо сильнее, а детские и старческие гораздо слабее, чем в сельском населении. Отметим кстати, что применение вологодских норм представляется тем более правильным, что некоторыми исследователями отмечается при современных условиях понижение норм питания стариков, так что современное соотношение возрастных норм питания более соответствует вологодской системе.

Остановимся еще на одном вопросе связанном с современными условиями питания и жизни. Констатируется исхудание современного горожанина, при понижении его трудоспособности и потребление им в общем меньшего количества пищевых веществ, чем это считается нормальным. При этом нельзя не констатировать что организм вырабатывает как бы новые условия равновесия. Подлежит рассмотрению вопрос, не следует ли для современных условий выработать новые физиологические нормы, или же мы имеем дело лишь с фактом пониженного питания городского населения, так что для правильного функционирования организма и нормальной трудоспособности остаются необходимыми обычные нормы пищевого довольствия.

Для разрешения этого и других относящихся к современному питанию вопросов, при Отделе статистики Потребления и распределения Ц. С. Ц. было собрано многолюдное и авторитетное Совещание физиологов, врачей и статистиков (список участников Совещания будет опубликован в другом месте).

Совещание внимательно рассмотрело указанный вопрос. Оно признало, что уменьшение веса организма и установление равновесия при новых условиях питания создает предпосылки для уменьшения расхода на питание. Однако целый ряд условий ограничивают значение этого фактора: 1) поверхность тела, от которой зависит расход на поддержании температуры тела, уменьшается гораздо медленнее, чем вес его. 2) Исчезновение изолирующего подкожного жирового слоя увеличивает расход тепловой энергии на поддержание нормальной температуры тела. 3) Увеличивают этот расход также условия современной жизни (плохое отопление жилых помещений). 4) Запас тепловой энергии необходим не только на поддержание температуры тела, но и на производство работы, а последнее количество пропорционально производимой работе и не падает с уменьшением веса индивида. Принимая во внимание все эти соображения и учитывая слож-

ность и неразработанность вопроса, Совещание признало более правильным не понижать прежних норм потребления.

Вместе с тем Совещание остановилось на вопросе о выборе норм для оценки современных условий питания. При обычных условиях, для мужчины среднего возраста готребно от 2.500 калорий при умеренной работе до 5.000 и даже 6.000 калорий при очень тяжелой работе. Современные условия жизни вызвали нивелировку в расходе энергии различными слоями общества.

Приходится иметь в виду более, чем обычно, напряженную физическую работу для лиц умственного труда и пониженный расход энергии для рабочих. Поэтому при современных условиях приходится остановиться на следующих пищевых рационах: а) при средней работе—2.800—2.900 колорий в день и б) при более напряженной работе—3.300—3.500 колорий в день для взрослого мужчины.

IV.

Подойдем с указанными мерилми к материалу, собранному обследованиями питания.

В настоящее время заканчивается и в ближайшем будущем сдана будет в печать сводка результатов весеннего (март—апрельского) обследования питания городского населения по всем городам. Однако интересно сопоставить эти данные с данными позднейших обследований питания, а таковые собирались или обработаны далеко не по всем городам, обследованным в марте—апреле. Поэтому в настоящую минуту возьмем лишь несколько типичных городов (Петроград, Москва, Новгород, Калуга, Иваново-Вознесенск, Казань, Вятка и Самара) за ряд моментов, при применении разных способов обследования (за март—апрель—по бланку А—т. е. на основании ответов по памяти за предшествующий обследованию месяц; за март—апрель—по бланку Б—т. е. по конкретным записям приобретения продуктов и использования запасов за неделю; за июнь и, наконец, за июль по тому же способу конкретных записей).

Эти данные позволяют нам сделать ряд существенных выводов о потреблении городского населения—рабочего и прочего—в разных районах России и наметить методологический подход к использованию собранных данных.

Использованные данные предлагаются вниманию читателя в виде шести сравнительных таблиц среднего дневного потребления городского населения в 1919 году по указанным городам и за указанные периоды. (1. Среднее дневное количество калорий в пище подразделенном последней на продукты растительного и живот-

ного происхождения. 2. Среднее дневное количество белков, жиров и углеводов. 3. Среднее дневное потребление хлеба, муки, крупы и бобовых. 4. Среднее дневное потребление картофеля и прочих продуктов растительного происхождения. 5 и 6. Среднее дневное потребление продуктов животного происхождения (и соли).

Однако, прежде чем перейти к использованию этих данных, остановимся вкратце на сравнении результатов учета общих размеров потребления на основании ответов по памяти за предшествующий месяц (бл. А) и по конкретным текущим записям приобретения продуктов и использования запасов за более короткий срок, а именно за неделю (бл. Б).

Сравнение результатов оценки среднего дневного пищевого рациона в калориях по расчету на взрослого работника—по бл. А и бл. Б. по указанным городам в марте—апреле—видно из следующих данных (в скобках поставлены данные, которые должны считаться менее точными и пользоваться конми, как будет показано ниже, следует с оговорками).

	Рабочие		Прочие	
	А	Б	А	Б
Петроград	1749	(1599)	2200	2212
Новгород	1701	(3206)	1886	2447
Москва	2016	2068	2062	2170
Калуга	1810	2049	1839	1973
Иваново-Вознесенск	(2033)	2849	(2255)	2929
Казань	2746	2742	2835	2685
Самара	(2125)	3136	(2315)	3095

В большинстве случаев обследование по бл. Б дало более высокие цифры потребления, чем по бланку А (из 14 случаев в 11 данные выше по бл. Б, в трех—выше по бланку А). Лишь в некоторых случаях превышение данных бл. Б объясняется малым количеством наблюдений по бл. Б и неточностью описанных хозяйств (Новгород, рабочие^{*)}). По отношению же к большинству случаев надо признать, что обследование по способу конкретных текущих записей дает более полный учет потребления, чем ответы по памяти. В некоторых случаях (Иваново-Вознесенск, Самара) обследование по бл. А дало явно неудовлетворительные результаты.

Отметим кстати, что в сумме по всем городам разница двух методов гораздо выше и пропуски бл. А гораздо значительнее для рабочих чем для прочего населения (данные бл. Б выше данных бл. А на 24,0% для рабочих и на 13,2% для прочего населения).

^{*)} В приложении к преувеличенному учету потребления рабочих по Новгороду по бл. Б, обследование по этим бланкам в Петрограде дало недоучет, что является исключительным случаем.

Разумеется, сравнение результатов двух методов по 7 городам не имеет еще большого показательного значения, но их мы можем подтвердить данными по большему числу городов.

Нужно указать, что обследование по методу конкретных записей текущих приобретений не удалось в сравнительно небольшом числе поселений. В большинстве—это мелкие уездные города, при чем ошибки в таких случаях очень значительны—как в сторону преуменьшения, так и в сторону преувеличения размеров питания; обычно ошибки эти чрезвычайно наглядны и безспорны. Из этого видно, что для правильного учета потребления по бланку Б требуется известный культурный уровень со стороны опрашиваемых, а также известные качества от регистрирующего персонала, чего не наблюдается лишь в сравнительно небольшом числе поселений.

Значительный недоучет и неудача обследования по бланку А, повидимому, явление более частое.

В настоящее время мы можем сделать сравнение данных о питании рабочих по двум методам по 96 городам и поселениям городского типа (по 40 поселениям производящей полосы и по 56 поселениям потребляющей полосы).

	Производящая полоса		Потребляющая полоса	
	Число поселений	%	Число поселений	%
Данные бланка А меньше данных бланка Б	31	77	42	75
Данные бланка А больше данных бланка Б	9	23	14	25
Итого	40	100	56	100

Интересны также сведения о размере недоучетов и переучетов по бланкам А.

	Производящая полоса		Потребляющая полоса	
	Число поселений	%	Число поселений	%
Переучеты бланка А больше 300 калорий	2	22	1	7
Переучеты бланка А меньше 300 калорий	7	78	13	93
Итого	9	100	14	100
Недоучеты бланка А больше 300 калорий	18	58	23	55
Недоучеты бланка А меньше 300 калорий	13	42	19	45
Итого	31	100	42	100

Таким образом, недоучеты по бланку Б не только сравнительно редки (24% общего числа случаев), но в большинстве случаев и невелики (в 87% всех случаев меньше 300 калорий), тогда

Рабочие. Прочие.

Калуга, март, бл. А.	1810	1839
" бл. Б.	2049	1973
" июль	(1864)	2474
Иваново-Вознесенск, март, бл. А.	(2033)	(2255)
" бл. Б.	2849	2529
" июнь	31	3197
" июль	3	3683
Вятка, июль	(1777)	(2280)
Казань, март, бл. А.	2746	235
" бл. Б.	2742	2685
" июль	2427	2241
Самара, март, бл. А.	(2125)	(2315)
" бл. Б.	3136	3095
" июнь	3796	3453
" июль	3705	3404

Если взять все случаи, без различия характера показаний, то из 26 пар сравниваемых показаний потребление рабочих ниже потребления прочего населения в 16 случаях и выше его в 10 случаях.

Если устранить из сравнения все пары, где есть сомнительные показания (показания эти поставлены в скобках), то из 19 случаев в 11 потребление рабочих окажется ниже потребления прочего населения, а в 8 случаях—выше его. Однако, такой вывод зависит лишь от значительного преуменьшения показаний о питании рабочих по одному из видов показаний.

К иным выводам мы придем, если расчленим показания на категории.

Разбивая данные по их роду, получаем:

	Все показания.				Показания без сомнительных данных.			
	Общее число случаев		Потребление рабочих		Общее число случаев		Потребление рабочих	
	выше.	ниже.	% случаев когда погр. рабоч. выше		выше.	ниже.	% случаев когда погр. рабоч. выше	
Март-апрель, по бл. А.	7	—	7	100	5	—	5	100
" по бл. Б.	7	4	3	57	5	2	3	40
Июнь	4	2	2	50	4	2	2	50
Июль	8	4	4	50	5	2	3	40

Таким образом, только при обследовании по бл. А потребление рабочих во всех случаях оказалось ниже потребления прочих классов населения. При обследовании по бл. Б. за тот же март-апрель месяц случаи высшего потребления нерабочих классов компенсируются случаями высшего потребления рабочих.

Очевидно, или рабочим было труднее давать ответы по памяти, либо они их давали менее охотно, правдиво и полно. Нельзя с этим не сопоставить и того отмеченного выше факта, что недоучет бл. А против бл. Б. значительно выше у рабочих, чем у прочих классов населения.

Таким образом, в общем потребление рабочих не ниже потребления прочего населения.

Приведенное сравнение вместе с тем еще раз обнаруживает преимущества конкретных записей перед ответами по памяти.

V.

Большой интерес представляют данные о составе пищи современного горожанина.

Еще в своем докладе Всероссийскому Съезду Статистиков мы обращали внимание на этот вопрос и сравнивали состав пищевого рациона современного горожанина с составом пищи рабочего класса в довоенное время. Последний мы характеризовали данными об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих (работы Козьминых-Ланина), столование которых обходилось особенно дешево, состав пищи был однообразен, а пища груба.

На мужчину-работника потреблялось в день фунтов:

	В артелях в 1909—11 гг.	Горожанами весной 1919 г.		в % к цифре 1909—11 г.
		От—до	Среднее	
Хлеба	2,63	1,140—1,610	1,340	51
Картофеля	0,48	0,560—1,780	1,110	230
Мяса и рыбы	0,44	0,200—0,340	0,270	61
Масла постн. и сала	0,13	0,015—0,032	0,026	20
Итого калорий	2902	1267—1767	1538	53
Всего	3458	1651—2151	1922	55

Мы говорили:

«Современное питание не только недостаточно: оно крайне однообразно и резко изменилось в своем составе сравнительно с довоенным временем. Сильно (от 2 до 4 раз) увеличилось потребление картофеля. Потребление остальных продуктов сократилось. Потребление хлеба и мяса с рыбой упало примерно до половины среднего довоенного потребления беднейших рабочих артелей, а потребление жиров сократилось до 1/3 прежней величины.

«Таким образом крайне скудное питание современного горожанина отличается также своею грубостью и однообразием даже по сравнению с питанием самых непритязательных рабочих, столование которых обходилось в среднем 18 коп. в день».

Цитированные данные дополним более полными сведениями по семи избранным нами городам, хотя выводы остаются примерно теми же самыми (см. приводимую ниже таблицу о «Среднем дневном потреблении продуктов»).

Среднее дневное потребление продуктов городским населением весной и летом 1919 года,

по сравнению с довоенным (1909—1911 гг.) потреблением рабочих артелей Москвы.

В фунтах, по расчету на 1 мужчину в рабочем возрасте.

Категории потребителей и города.	Хлеб.		Картофель.		Мясо и рыба.		Жиры (сало и растительное масло).		Калории во всех продуктах.	
	Фунтов.	% от довоенного.	Фунтов.	% от довоенного.	Фунтов.	% от довоенного.	Фунтов.	% от довоенного.	Число.	% от довоенного.
А. Рабочие артели в 1909—11 гг.	2,63	100,0	0,48	100,0	0,44	100,0	0,13	100,0	3458	100,0
Б. Семейные рабочие в 1919 г.										
Петроград	1,12	42,6	1,09	227,1	0,200	45,5	0,032	24,6	2141	61,9
Новгород	0,98	37,3	0,77	160,4	0,170	38,6	0,018	13,9	1895	54,8
Москва	1,48	56,3	1,23	256,3	0,144	32,7	0,029	22,3	2476	71,7
Калуга	1,29	49,0	1,37	285,4	0,065	14,8	0,007	5,4	2249	65,0
Иваново-Вознесенск	1,32	50,2	1,21	252,1	0,095	21,6	0,020	15,4	3244	93,8
Казань	1,94	73,8	1,37	285,4	0,084	19,1	0,026	20,0	2685	77,6
Самара	2,02	76,8	1,05	218,8	0,120	27,3	0,028	21,5	3612	104,4
4 первых города	1,21	46,0	1,12	233,3	0,145	33,0	0,021	16,2	2191	63,4
3 остальных города	1,93	73,4	1,21	252,1	0,100	22,7	0,025	19,2	3180	91,9
В. Прочие семейные в 1919 г.										
Петроград	1,21	46,0	1,07	222,9	0,268	60,9	0,041	31,5	2468	71,4
Новгород	1,00	38,0	1,09	208,3	0,240	54,5	0,020	15,4	2454	71,0
Москва	1,34	51,6	1,20	250,0	0,165	37,5	0,033	25,4	2524	73,0
Калуга	1,17	44,5	1,82	379,2	0,099	22,5	0,013	10,0	2324	67,2
Иваново-Вознесенск	1,62	61,6	1,36	283,3	0,153	34,9	0,028	21,5	3336	96,3
Казань	1,74	66,2	1,15	239,6	0,116	26,4	0,028	21,5	2563	74,1
Самара	1,90	72,2	1,01	210,4	0,120	27,3	0,030	23,1	3384	97,9
4 первых города	1,19	45,2	1,27	264,6	0,193	43,9	0,026	20,0	2443	70,6
3 остальных города	1,76	66,9	1,17	243,8	0,129	29,3	0,029	22,3	3094	89,3

Разделяя рассматриваемые города на две группы: менее обеспеченных продовольствием (4 города) и более им обеспеченных (три города), мы можем констатировать следующее. В четырех первых городах средний дневной паек, выраженный в калориях, примерно на одну треть (на 29—37%) менее питателен, чем паек московских артелей в довоенное время; потребление хлеба составляет менее половины этого пайка (в среднем 45—46% его), потребление мяса и рыбы еще сильнее (на 56—67%) отстает от указанной величины, потребление жиров составляет едва одну шестую—одну пятую прежней величины этого потребления в артелях; весь этот недостаток пищевых веществ лишь в слабой степени возмещается картофелем, хотя потребление его больше в $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ раза, а в отдельных городах в три и 3 $\frac{1}{2}$ раза. В несколько лучшем положении находились остальные три города: число калорий в дневном паке едва на $\frac{1}{10}$ ниже артельного пайка, а у самарских рабочих даже выше последнего. Но и в этих городах пища однообразнее и грубее прежнего артельного харчевания: потребление картофеля в $2\frac{1}{2}$ раза больше, потребление хлеба и жиров выше, чем в первых четырех городах, но ниже, чем в московских артелях, на 30% (хлеб) и на 80% (жиры), а потребление мяса и рыбы даже меньше, чем в первых четырех городах и составляет в среднем едва 25% среднего артельного потребления.

Попробуем привести новые черты, характеризующие состав пищи современного горожанина.

Поражает низкое % значение продуктов животного происхождения в этой пище. В среднем на эти продукты падает $13\frac{1}{2}\%$ в пище рабочего и $17\frac{1}{2}\%$ в пище прочих классов населения.

Процент этот изменяется по городам в одинаковом направлении в пище рабочих и прочего населения.

Расположив все показания о % животной пищи у рабочих в порядке их нарастания от minimum'a к maximum'у, разбив их на три равновеликие группы и проставив против показаний для рабочих соответствующие показания для других классов, получаем следующие выводы:

	Число показаний.	Средний % животных продуктов в пище рабочих.	Средний % животных продуктов в пище прочих.
I группа	9	8,8	13,0
II :	9	12,4	16,6
III :	8	19,9	23,5

Значение продуктов животного происхождения в пище рабочих и прочих классов изменяется в одном направлении. Однако крайние колебания этого % у рабочих больше ($6,3 : 24,1 = 1,0 : 3,8$), чем у прочего населения ($10,7 : 31,4 = 1 : 2,9$). Колебания средних, вычисленных по приведенным трем группам, у рабочих также больше ($8,8 : 19,9 = 1 : 2,3$), чем у прочих ($13,0 : 23,4 = 1 : 1,8$),

В виду важности и типичности этих данных и значительности делаемых из них выводов, остановимся подробнее на этом вопросе и прежде всего выясним, не зависит ли % животных продуктов от общей величины пищевого рациона, от количества калорий в дневном пайке.

Рассмотрение относящихся сюда данных приводит к отрицательным выводам: если мы сопоставим общее количество калорий в пище с % животных продуктов в ней, то последний не только не повышается с ростом первого, но даже падает.

Остановимся на пище рабочих:

Группы.	Количество калорий в пище.	Число пока- заний.	Средний % живот- ной пищи.	Тоже без сомни- тельных данных.	
				Число пока- заний.	Средний % живот- ных продуктв.
I	1.500—1.900	7	18,1	4	18,0
II	2.000—2.400	6	11,9	4	12,8
III	2.400—2.900	7	10,4	7	10,4
IV	3.000—3.800	6	13,1	5	11,4

Другие, более могущественные, факторы не только нейтрализуют столь естественную связь между величиной пищевого рациона, выраженного в калориях, и % животной пищи, но даже заменяют ее обратной зависимостью.

Таковыми факторами являются значение географической среды, где расположен город, и сезонность.

Это становится ясным, если мы ближе проанализируем приведенную выше группировку данных на три группы по % животных продуктов в пище.

Для указанных выше групп мы получаем следующие средние данные о составе пищи и ее калорийности.

Группы
показаний

I . .
II . .
III . .

I . .
II . .
III . .

I . .
II . .
III . .

пайка
резко

зания
(I и II)
луге,

части,
и лет
же но
личен
что об

И
ненны
статок
вотны
не, ка
лишь
уровне

Москва
мара
Иванов
III груп
Новгород

Группы показа- ний 1).	% продуктов животного про- исхожд. в пище.		Среднее дневное количество калорий в пище.					
	Рабочих	Прочих	Семейных рабочих			Прочих семейных.		
			Растит. происх.	Живот. происх.	Итого.	Растит. происх.	Живот. происх.	Итого.
Все данные вообще.								
I . . .	8,8	13,0	1740	165	1905	1660	245	1905
II . . .	12,4	16,6	1810	260	2070	1770	350	2120
III. . .	19,9	23,5	1240	310	1550	1290	400	1690
Очищенные данные (без сомнительных).								
I . . .	8,7	13,1	1773	168	1941	1675	248	1923
II . . .	12,7	16,9	1866	271	2137	1806	366	2172
III. . .	19,4	22,2	1121	278	1399	1300	380	1680
То же, принимая данные I группы за 100.								
I . . .	100	100	100	100	100	100	100	100
II . . .	146	129	105	161	110	108	148	113
III. . .	223	170	63	165	72	78	153	87

В сущности, по общему питательному значению дневного пайка и по составу пищи, рассматриваемые показания делятся резко на две категории.

Во вторую категорию (III группа таблицы) попадают показания по городам Петрограду и Новгороду, в первую категорию (I и II группы) показания по Иваново-Вознесенску, Москве, Калуге, Казани, Самаре.

Данные по этим последним 5 городам разбиваются на две части, главным образом по сезонности, весеннее питание (I гр.) и летнее питание (II гр.). Летнее питание, при сохранении той же нормы снабжения растительными веществами и даже при увеличении его, — в полтора раза богаче животными продуктами, так что общее питание повышается на 10—12%.

Иное дело Петроград и Новгород. Здесь мы имеем несомненный недостаток хлеба и других растительных продуктов (недостаток примерно в 30% против первой группы). Потребление животных продуктов стоит в этой группе примерно на том же уровне, как и во второй группе (на 50—60% выше первой группы) и лишь благодаря этому общее питание поддерживается примерно на уровне 80% от первой группы.

¹⁾ I группа — Казань А, Казань Б, Казань июль, Самара А, Самара Б, Москва А, Москва июль, Иваново-Вознесенск Б, Калуга Б. — II группа — Самара июль, Самара июль, Москва Б, Москва июль, Иваново-Вознесенск А, Иваново-Вознесенск июль, Иваново-Вознесенск июль, Калуга А, Калуга июль. — III группа — Петроград А, Петроград Б, Петроград июль, Петроград июль, Новгород А, Новгород Б, Новгород июль, а также Вятка июль.

Таковы выводы из этой таблички, распределение данных которой следует порядку нарастания % животных продуктов в пище рабочих. Несмотря на некоторые отступления, которые представляет такое распределение данных по сравнению с чистой географическо-сезонной схемой, последняя выдерживается в табличке с достаточной последовательностью и выводы сохраняют всю свою силу.

Гораздо более существенные выводы можно сделать по поводу сравнения относительного значения продуктов животного происхождения в пище рабочих и прочего населения. Относящиеся к этому вопросу данные сгруппированы в таблице 1-ой Приложения, а потому мы их не будем повторять в настоящем месте.

За исключением одного показания по Петрограду (апрель, бл. Б), в котором значение животных продуктов в пище рабочих сильно раздуто вследствие огромного недоучета снабжения растительными веществами, во всех остальных случаях доля продуктов животного происхождения выше в пище «прочего» населения, чем в пище рабочих.

Питаются ли рабочих хуже или лучше прочего населения в смысле общего количества получаемых ими калорий,—все равно пища рабочего остается более однообразной, более обьемистой; в ней меньше продуктов животного происхождения и больше растительных продуктов.

Такое соотношение относящихся к этому вопросу данных заставляет думать, что здесь мы имеем влияние иных бытовых навыков, иных культурных привычек рабочего населения, сравнительно с прочими слоями населения, ибо иначе, с повышением общего калорийного значения пищи, % животных продуктов в пище рабочих повышался бы над соответствующим % в пище прочего населения.

Нижеследующая табличка показывает долю продуктов животного происхождения в пище рабочих в зависимости от того, питаются ли они лучше или хуже прочего населения (в скобках при среднем % животных продуктов обозначено число показаний, из которых выведено среднее):

Средний % животных продуктов в пище рабочих по показаниям, где питание рабочих, по сравнению с прочим населением, обозначено, как:			
	лучшее	худшее	тоже без бл. А.
Все показания . . .	12,2 (10 пок)	14,2 (16 пок)	15,6 (9 пок)
За исключ. сомнит.	11,2 (9 «)	14,6 (12 «)	15,2 (7 «)

В тех случаях, когда питание рабочих показано более высоким, чем питание прочего населения,—доля продуктов животного происхождения в их пище не только не выше, но даже ни-

же, чем в тех случаях, когда питание показано более низким (11,2% в среднем против 14,6% для тех случаев, где питание рабочих обозначено, как худшее и 15,2% для тех же случаев, взятых без показаний бланка А).—Приведенные цифры основаны на ряде показаний очищенных от сомнительных и менее точных данных; для всех показаний вообще мы имеем аналогичный ряд, но как в этом, так и в дальнейших случаях будем пользоваться выводами из очищенных показаний.

VI.

Проанализируем несколько детальнее данные о составе пищи.

Остановимся прежде всего на количестве отдельных пищевых начал (белков, жиров и углеводов), усваиваемых современным горожанином в среднем дневном пайке (соответствующие данные см. в приложении, в таблице 2-ой).

Физиологией установлено, что белки, жиры и углеводы в качестве источника теплоты могут заменяться друг другом, но в отношении построения тканей белок не может быть заменен жирами и углеводами. Поэтому расход белковых веществ требует замены белковыми же веществами. Наконец, жиры и углеводы доставляют организму большую часть необходимой ему потенциальной энергии; они легко замещают друг друга. Однако, углеводы являются более обьемистой пищей, чем жиры, и с другой стороны углеводы представляют преимущества в смысле сбережения белков в организме.

Отсюда требование определенного сочетания в пище указанных выше трех элементов: белков, жиров и углеводов. Обычно исходят из двух пищевых пропорций: первая касается отношения белков и прочих элементов пищи (жиры переводятся на углеводы по калорийному эквиваленту). Многие гигиенисты считают наиболее правильным отношение 1:4, так что белки должны составлять одну пятую пищевого рациона, однако, повидимому, эта доля без вреда для организма может быть сведена до $\frac{1}{7}$ рациона. Вторая пищевая пропорция касается отношения белков животного и растительного происхождения. Munk рекомендует отношение 1:2, т. е. считает, что среди белков достаточно иметь 33% животных белков, от какого бы продукта они ни получались: от мяса, рыбы, яиц, молока или сыра.—Наконец, необходимо установить отношение между жирами и углеводами. Atwater, Gautier, Hultgren и Landergren считают, что жиры по весу их должны составлять $\frac{1}{7}$ всех безбелковых (безазотистых) веществ. Это максимальный показатель для доли жиров. Raare устанавливает минимальную норму для доли жиров: $\frac{1}{11}$ всех без-

белковых веществ по весу. Наконец, Voit, на показаниях которого мы можем остановиться, занимает здесь средину и устанавливает долю жиров в $\frac{1}{10}$ безазотистых веществ. Это отношение, по переводе на калории, дает $\frac{1}{5}$ общего числа калорий безбелковых веществ.

Исходя из нормы в 3.000 калорий (минимальная для среднего труда) необходимо требовать в пище взрослого работника 105 gr. белков (Voit указывает норму в 118 gr. белков, Munk и Atwater — 100 gr. и т. д.) Вторая пищевая пропорция указывает на желательность присутствия в пище 35 gr. животных белков на 70 gr. растительных. Далее, количество жиров, исходя из приведенной нормы должно составить 55 gr. При принятом количестве белков и жиров, — углеводов в пище должно быть 502 gr. (по Рааре количество жиров можно понизить до 51 gr., повысив количество углеводов).

Приведем относящиеся к этому вопросу указания известных авторов.

Таблица пищевых пайков, потребных при умеренном труде.

Имя автора.	Белков.	Жиров.	Углеводов.	Потенциальной энергии
Voit	118 gr.	56 gr.	500 gr.	3 055 калорий.
Munk	100 „	56 „	400 „	2.570 „
Atwater	100 „	66 „	406 „	2 700 „
Gautier	107 „	64,5 „	407,5 „	2 721 „
Hultgren u Landergren	134,4 „	79,4 „	485 „	3.277 „
Raape	124,4 „	51,1 „	510 „	3.076 „

Остановившись на указанных нормах (105 gr. белков, 55 gr. жиров и 502 gr. углеводов), мы должны будем констатировать по отношению к пище современного горожанина в среднем значительный недостаток пищевых продуктов вообще: наибольший дефицит наблюдается по отношению к белкам, затем к жирам; снабжение углеводами более удовлетворительно. Те же отношения еще резче выражены по отношению к пище рабочих.

	Норма.	Средн. колич. в пище горожанина вообще*).	Дефицит.	Средн. состав пищи рабочих.	Дефицит.
Белки	105 gr.	76 gr.	28%	73 gr.	31%
Жиры	55 „	46 „	16%	41 „	25%
Углеводы	502 „	445 „	11%	454 „	10%
Калорий	3.000 „	2.560 „	15%	2.542 „	15%

*) Средние для рабочего и прочего населения (без сомнит данных).

Снабжение белками в громадном большинстве случаев было недостаточным (соответствующие цифры см. в табл. 2-ой). Оно было удовлетворительно лишь в Самаре в июле месяце; оно поднималось до нормы у части населения в Иваново-Вознесенске в июле и в Новгороде весной (по бл. Б), падая до минимальных величин в Калуге, Москве, Петрограде и Новгороде весной.

Снабжение жирами более обильно. Оно поднимается до нормы в Самаре за оба летних месяца (июнь и июль), близко к норме в те же месяцы в Иваново-Вознесенске и Петрограде (по бланкам Б снабжение жирами в Новгороде и Петрограде превышает норму также и весной).

Наконец, снабжение углеводами было удовлетворительно и весной и летом в Самаре, Иваново-Вознесенске и отчасти Казани, в прочих городах оно было ниже нормы и особенно низко стояло в Петрограде весной.

При сравнении питания рабочих и прочего населения надо констатировать, что по отношению к снабжению углеводами рабочие были обеспечены лучше прочих классов населения (в 15 случаях из 26, т. е. в 58%, и в 10 случаях из 14, т. е. в 71% случаев, если не считать данных бл. А и сомнительных показаний). Хуже обстоит дело со снабжением рабочих жирами и белками: в 5—6 случаях из 26 (19—23%) оно было лучше чем у прочих классов населения, в остальных случаях ниже.

Остановимся на происхождении (растительном или животном) белков, жиров и углеводов.

Потребность в углеводах пополняется обычно почти исключительно продуктами растительного происхождения. Таблица 2-ая наглядно показывает это по отношению к питанию городского населения России в 1919 году.

Спрашивается, какими продуктами пополняется потребность в остальных элементах?

Потребность в белках у рабочих, как и у прочего населения, удовлетворяется главным образом также продуктами растительного происхождения. На продукты животного происхождения падает в среднем 29,5% белков, получаемых рабочими, и 38,5% белков, получаемых прочими классами: первая величина несколько меньше нормальной, вторая — несколько больше ее (см. выше указания на вторую пищевую пропорцию). Надо при этом заметить, что у рабочих и у прочего населения увеличение потребления белков базируется на увеличении потребления растительной пищи, и с увеличением потребления белков % белков животного происхождения падает:

Категории потребителей.	Число показаний.	Среднее дневное потребление белков (в граммах).			Доля белков.		
		Ра-стит.	Жи-вотн.	Итого	Ра-стит.	Жи-вотн.	Итого
Рабочие, при потребл. белков:							
ниже среднего	14	42,0	20,9	62,9	67%	33%	100
выше	6	72,5	22,5	95,0	76%	24%	100
Прочие, при потребл. белков:							
ниже среднего	12	40,3	26,4	66,7	60%	40%	100
выше	10	58,7	35,0	93,7	63%	37%	100

Потребность в жирах, наоборот, удовлетворяется в значительной мере, а часто и главным образом за счет продуктов животного происхождения, и увеличение потребления жиров основывается опять таки на животных продуктах (главным образом на молоке). Из жиров, получавшихся рабочими, в среднем 42,2%, покрываются продуктами животного происхождения, и у прочего населения—процент этот возрастает до 53,6%. Количество и состав жиров в дневном пайке, при малом и большем потреблении их, видны из следующей таблицы:

Категории потребителей.	Число показаний.	Среднее дневное потребление жиров (в граммах).			Доля жиров.		
		Ра-стит.	Жи-вотн.	Итого	Ра-стит.	Жи-вотн.	Итого
Рабочие, при потребл. жиров:							
ниже среднего	12	19,4	15,2	34,6	56%	44%	100
выше	8	24,4	28,9	53,3	46%	54%	100
Прочие, при потребл. жиров:							
ниже среднего	9	17,6	21,0	38,6	46%	54%	100
выше	13	22,5	34,5	57,0	39%	61%	100

Остановимся на конкретных пищевых продуктах.

Главным пищевым продуктом является хлеб: на него падает у рабочих от 42,7 до 76,3% общего количества калорий, в среднем 58,5% усвояемых питательных начал всей пищи, а у прочего населения от 40,5% до 69,2%, в среднем 52,7%.—На крупы и бобовые приходится у первых 0—13,7%, у вторых—1,3—13,7%, в среднем 6,1 и 7,2% всей пищи. В общем на хлеб, крупы и бобовые у рабочих приходится от 47,5% до 78,2%, в среднем

64,6% пищи; у прочего населения от 46,7% до 74,5%, в среднем 59,9% пищи.

Хлеб составляет настолько большую часть пищи, что по распределению его в значительной мере можно судить о питании населения вообще. Так по Новгороду 225 бланков по мартовскому обследованию следующим образом распределяются по размеру потребления хлеба:

Группы по размерам среднего дневного потребления хлеба:	Хозяйства,обслед. по бл. А.		Хозяйства,обслед. по бл. Б.	
	Рабочие.	Прочие.	Рабочие.	Прочие.
до 1,5 ф. в день	93%	93%	50%	91%
от 1,6 до 2,6 ф. и более . .	7%	7%	50%	9%
Всего.	100%	100%	100%	100%

Очевидно, что рабочие, описанные по бл. Б (всего 12 бл.), не типичны ни для населения Новгорода вообще, ни для его рабочей части, у половины их потребление хлеба выше 1½ фунтов, тогда как в прочих случаях таких семей всего 7—9%, и их бланки не должны приниматься в расчет при общих выводах.

На картофель приходится:

у рабочих	3,7—31,4%, в среднем 12,5%.
у прочих	1,0—24,7%, в среднем 12,3%.

Потребление овощей в значительном количестве (более 100 калорий на день) отмечено для рабочих—в Москве и Калуге весною, а у прочих—в Петрограде, Москве и Казани в то же время (март—апрель).

Интересно распределение таких продуктов, как растительное масло и сахар. Потребление последнего вообще не велико, однако, в Иваново-Вознесенске в оба летние месяца (июнь и июль) потребление сахара подымалось до 117—170 калорий в день. Потребление растительного масла подымалось в Казани в марте до 144 (рабочие) и 126 (прочие) калорий, в Иваново-Вознесенске в июле до 108 и 151 калорий, в Москве в апреле до 108 и 112 калорий и в Петрограде в июле до 101 и 97 калорий, а в апреле до 79 и 123 калорий. Довольно высокое потребление постного масла отмечено для марта месяца по Новгороду, однако, выбранные для описания по бл. Б семьи—не типичны.

Во всяком случае из приведенных данных видно, что в первой половине 1919 года снабжение постным маслом наиболее голодных центров шло довольно успешно.

Из растительных продуктов замечательно далее распределение потребления жмыхов и суррогатов хлеба. Это предмет потребления в городах северной потребляющей полосы, наиболее нуждавшейся в хлебе.

Следующая табличка дает размеры потребления на 1 душу жмыхов и суррогатов в калориях:

		Рабочие.	Прочие.
Новгород	март	108	77
"	июль	26	104
Петроград	апрель	21	2
"	июнь	22	42
"	июль	71	32
Москва	июнь	13	1
"	июль	9	6
Ив.-Вознесенск	апрель	35	4
"	июнь	8	8
"	июль	51	—
Калуга	июль	15	—

В Казани и Самаре жмыхи и суррогаты потреблялись в ничтожных количествах, в прочих городах их не употребляли вовсе.

Продукты животного происхождения играли наибольшую роль в пище населения следующих городов и в следующие периоды (справки даны в калориях):

Города и время обследования.	Количество животных продуктов (в калориях) в дневном рационе.		За счет каких продуктов подымается потребление животных продуктов у:	
	Рабочих	Прочих	Рабочих.	Прочих.
Петроград весна и лето	200—305	307—410	рыба, жиры	рыба, жиры, молоко
Новгород	295—311	378—582	молоко	молоко
Москва в июле	274	310	жиры и молоко	жиры и молоко
Иваново - Возн. июнь—июль	240—294	371—569	молоко	молоко
Вятка июль	300	436	молоко	молоко
Самара июнь—июль	382—405	380—456	молоко, жиры	молоко, жиры

Таким образом, в 1919 году потребление горожанами животных продуктов увеличилось преимущественно летом, главным образом, за счет молока. Рыба в Петрограде и жиры в Самаре были местными продуктами, жиры в Петрограде и Москве, повидому, главным образом получались через органы снабжения.

Выше мы выделили те города и периоды, когда потребление животных продуктов было всего больше. Если же возьмем города, где животных продуктов потреблялось меньше всего, то и в них значение молока в деле снабжения животными продуктами оказывается весьма сильным. Этот вывод о значении молока для снабжения горожан животными продуктами должен быть подчеркнут.

Наконец, отметим потребление соли. Оно составляло в среднем 0,037—0,038 ф. в день на душу и для рабочих и для прочего населения, с колебаниями от 0,016 до 0,051 ф. у первых и от 0,019 до 0,058 ф. у вторых. Таким образом, потребление соли на 1 душу вообще составляло около 1,1 ф. соли в месяц и 13,5—14 ф. на душу в год.

За недостатком места в этой и без того разросшейся статье, мы ее закончим несколькими выводами, отлагая вопрос об источниках снабжения и стоимости жизни до другой статьи.

1) В составе современного городского населения безусловно преобладают семейные хозяйства, а одиночки составляют сравнительно незначительное меньшинство. Из форм питания—весною и летом текущего года безусловно преобладала форма домашнего потребления,—пользование пишей, приготовляемой исключительно дома, над смешанными формами питания, где большая или меньшая часть членов семьи столовалась на стороне или получала готовую пищу на дом. Однако в потребляющей полосе и, особенно, в обеих столицах смешанная форма была более развита и представляла очень значительное меньшинство.

Сортношение форм питания непрерывно изменяется и поэтому указанный вопрос необходимо пересматривать от времени до времени.

2) Питание городского населения потребляющей полосы крайне недостаточно. Оно может быть названо в среднем всего лишь поддерживающим питанием, и если население городов этой полосы в массе производит какую либо работу, то это делается за счет расщепления белков своего тела, за счет своего собственного исхудания.

3) Пища современного горожанина крайне груба и однообразна: в ней преобладают растительные вещества (около 5/6 общего количества калорий), а среди продуктов растительного происхождения картофель выступает на первое место, вытесняя хлеб, не говоря уже о более концентрированных продуктах растительного происхождения—сахаре и растительном масле. Такая организация питания крайне не рациональна с точки зрения использования наших недостаточных транспортных средств.

4) На основании наиболее достоверных данных необходимо признать, что по общему количеству калорий питание рабочих стоит не ниже, если не выше, питания прочих классов населения. Противоположный вывод основан на значительном преуменьшении рабочими своего питания в даваемых ими показаниях, особенно в ответах по памяти за предшествующее время.

5) В смысле состава, пища рабочего более груба, более однообразна, чем пища прочих классов, что объясняется бытовыми

и культурными привычками, тяготением к более об'емистой пище, а не общей недостаточностью питания рабочих. Продукты растительного происхождения занимают в пище рабочих больший процент, а среди этих продуктов на первое место выступает более об'емистая пища.

б) Уже весною резко сказался недостаток белков и жиров в пище современного горожанина. Летом недостаток тех и других до известной степени восполнялся молоком. В предстоящую зиму, в виду резкого падения снабжения молоком, постным маслом и мясными продуктами, указанный недостаток может сказаться еще резче, что вызывает серьезные опасения за питание городского населения в наступающие месяцы.

1 декабря 1919 года.

А. Лосицкий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

к статье А. Лосицкого:

**Обследования питания городского населения
в 1919 году.**

Сравнительные таблицы среднего дневного

1. Среднее дневное количество калорий в пище, по расчету на едока
ного и животного

Примечание. Менее точные (преувеличенные или преуменьшен

	Семейные ра-			
	Всего калорий.		В том	
Города и время обследования.	На 1-го мужч. рабоч. возраста.	На 1 душу вообще.	Растит. происх.	В %/о.
	1	2	3	4
Петроград.				
Апрель по бланкам «А»	1749	1325	1125	84,9
«Б»	(1599)	(1211)	(952)	(78,6)
Июнь	2047	1551	1246	82,3
Июль	2426	1838	1535	83,5
Новгород.				
Март по бланкам «А»	1701	1289	978	75,9
«Б»	(3206)	(2429)	(1903)	(78,3)
Июль	1889	1431	1136	79,4
Москва.				
Апрель по бланкам «А»	2016	1527	1388	90,9
«Б»	2068	1567	1333	85,1
Июнь	2639	1999	1725	86,3
Июль	2530	1917	1729	90,2
Калуга.				
Март по бланкам «А»	1810	1371	1206	88,0
«Б»	2049	1552	1402	90,3
Июль	(1864)	(1412)	(1242)	(88,0)
Иваново-Вознесенск.				
Март по бланкам «А»	(2033)	(1540)	(1382)	(89,8)
«Б»	2849	2158	2021	93,7
Июнь	3231	2448	2208	90,2
Июль	3452	2615	2321	88,8
Вятка.				
Июль	(1777)	(1346)	(1046)	(77,7)
Казань.				
Март по бланкам «А»	2746	2080	1911	91,9
«Б»	2742	2077	1881	90,6
Июль	2427	1839	1672	90,9
Самара.				
Март по бланкам «А»	(2125)	(1610)	(1456)	(90,4)
«Б»	3136	2376	2177	91,6
Июнь	3796	2876	2494	86,7
Июль	3705	2807	2402	85,6

потребления городского населения в 1919 г.

и на 1 душу вообще, с подразделением пищи на продукты растительного происхождения.

ные) данные поставлены в этой и последующих таблицах в скобки.

б о ч и е.		П р о ч и е с е м е й н ы е					
ч и с л е.		Всего калорий.		В т о м ч и с л е.			
Животн. происх.	В %/о.	На 1-го мужч. ра- боч. вз- раста.	На 1 ду- шу во- обще.	Растит. происх.	В %/о.	Животн. происх.	В %/о.
5	6	7	8	9	10	11	12
200 (259)	15,1 (21,4)	2200 2212	1667 1676	1360 1328	81,6 79,2	307 348	18,4 20,8
305	17,7	2523	1911	1501	81,3	410	18,7
303	16,5	(1973)	(1495)	(1167)	(78,0)	(328)	(22,0)
311 (526)	24,1 (21,7)	1886 2447	1429 1854	1006 1272	70,4 68,6	423 582	29,6 31,4
295	20,6	2261	1713	1335	77,9	378	22,1
139	9,1	2062	1562	1343	86,0	219	14,0
234	14,9	2170	1644	1358	82,6	286	17,4
274	13,7	2713	2055	1745	84,9	310	15,1
188	9,8	2488	1885	1642	87,1	243	12,9
165	12,0	1839	1393	1114	80,0	279	20,0
150	9,7	1973	1495	1261	84,3	234	15,7
(170)	(12,0)	2474	1874	1602	85,5	272	14,5
(158)	(10,2)	(2255)	(1708)	(1454)	(85,1)	(254)	(14,9)
137	6,3	2929	2219	1970	88,8	249	11,2
240	9,8	3197	2422	2051	84,6	371	15,4
294	11,2	3683	2790	2221	79,6	569	20,4
(300)	(22,3)	(2280)	(1727)	(1291)	(74,8)	(436)	(25,2)
169	8,1	2835	2148	1852	86,2	296	13,8
196	9,4	2685	2034	1764	86,7	270	13,3
167	9,1	2241	1698	1475	86,9	223	13,1
(154)	(9,6)	(2315)	(1754)	(1542)	(87,9)	(212)	(12,1)
199	8,4	3095	2345	2096	89,3	249	10,7
382	13,3	3453	2616	2230	85,6	386	14,4
405	14,4	3404	2579	2123	82,3	456	17,7

2. Среднее дневное количество белков, жиров и углеводов

Города и время обследования.	Семейные рабо					
	Белков.			Жиров		
	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.
	Граммов в день на 1 взрослого муж					
	1	2	3	4	5	6
Петроград.						
апрель по бл. «А»	29 (27)	25 (35)	54 (62)	15 (11)	16 (21)	31 (32)
июнь	38	30	68	18	28	46
июль	46	19	65	24	32	56
Новгород.						
март по бл. «А»	29 (68)	32 (61)	61 (129)	15 (38)	24 (40)	39 (78)
июль	36	28	64	24	24	48
Москва.						
апрель по бл. «А»	36	19	55	21	10	31
июнь	37	28	65	18	19	37
июль	52	21	73	20	27	47
июль	51	10	61	21	21	42
Калуга.						
март по бл. «А»	32	16	48	8	12	20
июль	44 (34)	12 (11)	56 (45)	14 (13)	13 (17)	27 (30)
Иваново-Вознесенск						
март по бл. «А»	(38)	(18)	(56)	(14)	(12)	(26)
июль	68	13	81	26	11	37
июль	65	19	84	28	21	49
июль	70	27	97	30	24	54
Вятка.						
июль	(31)	(27)	(58)	(9)	(25)	(34)
Казань.						
март по бл. «А»	54	19	73	28	13	41
июль	54	20	74	29	15	44
июль	50	14	64	19	14	33
Самара.						
март по бл. «А»	(42)	(15)	(57)	(16)	(12)	(28)
июль	68	21	89	19	15	34
июль	78	24	102	20	37	57
июль	86	31	117	31	38	69

в пище по расчету на 1 мужчину в рабочем возрасте.

чис.	Прочие семейные.											
	Углеводов.			Белков.			Жиров.			Углеводов.		
	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.	Растительн. присхожд.	Животного присхожд.	Итого.
	Граммов в день на 1 взрослого мужчину.											
чину.	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	298 (255)	3 (1)	301 (256)	34 (38)	34 (43)	68 (81)	22 (18)	28 (30)	50 (48)	352 (349)	3 (3)	355 (352)
	324	6	330	44	29	73	22	41	63	389	10	399
	394	5	399	(31)	(24)	(55)	(20)	(34)	(54)	(300)	(5)	(305)
	250 (458)	13 (19)	263 (477)	30 (46)	39 (64)	69 (110)	14 (21)	34 (46)	48 (67)	263 (319)	19 (18)	282 (337)
	275	14	289	42	32	74	19	31	50	294	18	312
	363	3	366	35	26	61	21	18	39	349	4	353
	351	3	354	38	31	69	19	25	44	356	4	360
	458	5	463	51	21	72	21	32	53	463	6	469
	459	4	463	49	19	68	18	24	42	440	5	445
	337	10	347	30	27	57	8	21	29	310	15	325
	377	8	385	39	20	59	12	20	32	339	11	350
	(334)	(5)	(339)	45	22	67	16	23	39	432	14	446
	(380)	(7)	(387)	(39)	(31)	(70)	(14)	(19)	(33)	(396)	(9)	(405)
	523	7	530	63	31	94	28	17	45	508	11	519
	581	12	593	61	30	91	25	33	58	544	16	560
	607	12	619	64	47	111	36	47	83	568	28	596
	(284)	(14)	(298)	(39)	(30)	(69)	(12)	(40)	(52)	(349)	(20)	(369)
	497	7	504	52	32	84	26	24	50	485	9	494
	486	8	494	53	23	76	23	24	47	463	9	472
	446	8	454	46	17	63	16	19	35	393	12	405
	(390)	(8)	(398)	(43)	(19)	(62)	(17)	(17)	(34)	(414)	(9)	(423)
	589	8	597	67	23	90	20	22	42	562	8	570
	680	15	695	68	24	92	18	37	55	608	16	624
	616	14	630	75	33	108	27	42	69	548	17	565

3. Среднее дневное потребление хлеба, муки,

Города и время обследования.	Семейные ра			
	Фунтов на 1 душу.		К а л о	
	Хлеба и муки.	Круп и бобовых.	В хлебе и муке.	В крупе и бобо- вых.
	1	2	3	4
П т р о г р а д.				
Апрель по бл. «А»	0,885	0,039	633	50
«Б»	(0,703)	(0,081)	(541)	(103)
Июнь	0,802	0,165	644	212
Июль	0,874	0,180	785	230
Н о в г о р о д.				
Март по бл. «А»	0,861	0,025	683	31
«Б»	(1,226)	(0,012)	(1430)	(15)
Июль	0,621	—	716	—
М о с к в а.				
Апрель по бл. «А»	1,141	0,038	816	50
«Б»	0,977	0,070	818	90
Июнь	1,116	0,199	1074	256
Июль	1,173	0,130	1117	171
К а л у г а.				
Март по бл. «А»	1,008	0,016	721	21
«Б»	0,947	—	1082	—
Июль	(0,759)	(0,016)	(649)	(21)
И в а н о в о - В о з н е с е н с к.				
Март по бл. «А»	(1,489)	(0,010)	(1065)	(13)
«Б»	1,365	0,021	1646	28
Июнь	1,310	0,041	1564	50
Июль	1,458	0,064	1724	80
В я т к а.				
Июль	(0,993)	(0,037)	(871)	(49)
К а з а н ь.				
Март по бл. «А»	1,674	0,156	1197	202
«Б»	1,353	0,205	1106	269
Июль	1,370	0,081	1258	106
С а м а р а.				
Март по бл. «А»	(1,553)	(0,027)	(1111)	(33)
«Б»	1,366	0,150	1667	190
Июнь	1,603	0,143	2002	186
Июль	1,612	0,149	1922	196

крупы и бобовых, по расчету на 1 душу вообще.

б о ч и е р и й.	П р о ч и е с е м е й н ы е.						
	Фунтов на 1 душу		К а л о р и й.				%отношение к общему коли- честву калорий в пище.
	Хлеб и мука.	Крупа и бобовые	Хлеба и муки.	Круп и бобовых.	В хлебе и муке.	В крупе и бобо- вых.	
	5	6	7	8	9	10	11
							12
	47,8	3,8	0,980	0,082	701	106	42,1
	(44,7)	(8,5)	0,855	0,147	745	188	44,5
	42,8	13,7	0,920	0,201	809	262	42,3
	42,7	12,5	(0,698)	(0,174)	(440)	(226)	(29,4)
	53,0	2,4	0,872	0,017	694	22	48,6
	(58,9)	(0,6)	0,803	0,079	823	99	44,4
	50,0	—	0,601	0,083	693	107	40,5
	53,4	3,3	1,005	0,071	719	93	46,0
	52,2	5,7	0,888	0,104	781	135	47,5
	53,7	12,8	1,083	0,206	1000	269	50,6
	58,3	8,9	1,048	0,183	1004	240	53,3
	52,6	1,5	0,902	0,023	645	30	46,3
	69,7	—	0,728	0,014	859	19	57,5
	(46,0)	(1,5)	0,956	0,056	931	70	49,7
	(69,2)	(0,8)	(1,396)	(0,026)	(998)	(33)	(58,4)
	76,3	1,3	1,274	0,046	1535	58	69,2
	63,9	2,0	1,098	0,120	1323	153	54,6
	65,9	3,1	1,323	0,077	1562	101	56,0
	(64,7)	(3,6)	(1,097)	(0,080)	(979)	(105)	(56,7)
	57,5	9,7	1,469	0,176	1050	229	48,9
	53,3	13,0	1,306	0,185	1114	242	54,8
	68,4	5,8	1,183	0,142	1075	183	63,3
	(69,0)	(2,0)	(1,472)	(0,078)	(1053)	(100)	(60,0)
	70,2	8,0	1,329	0,195	1499	249	63,9
	69,6	6,5	1,501	0,117	1791	153	68,5
	68,5	7,0	1,496	0,095	1727	125	67

4. Среднее дневное потребление картофеля и прочих продуктов

Города и время обследования.	Семейные рабо				
	Картофель.			Колич. калорийных продуктов происхождения	
	Фунтов.	Калорий.	% с отно-шен к колич. калорий во всей пище.	Масле растительном.	Овощах.
	1	2	3	4	5
Петроград.					
Апрель по бл. «А»	0,839 (0,688)	217 (178)	16,4 (14,7)	79 (43)	87 (26)
Июнь	0,847	219	14,1	79	18
Июль	0,798	207	11,3	101	42
Новгород.					
Март по бл. «А»	0,418 (0,606)	108 (157)	8,4 (6,5)	58 (119)	62 (25)
Июль	0,740	192	13,4	87	72
Москва.					
Апрель по бл. «А»	0,971	252	16,5	108	119
Июнь	0,892	231	14,7	87	44
Июль	0,825	214	10,7	76	22
Июль	1,016	263	13,7	82	31
Калуга.					
Март по бл. «А»	1,132	293	21,4	22	139
Июль	0,947	245	15,8	29	21
Июль	(1,709)	(443)	(31,4)	(51)	(39)
Иваново-Вознесенск.					
Март по бл. «А»	(0,676)	(175)	(11,4)	(61)	(36)
Июнь	0,822	213	9,9	65	23
Июль	1,174	304	12,4	97	15
Июль	0,753	195	7,5	108	31
Вятка.					
Июль	(0,193)	(50)	(3,7)	(25)	(23)
Казань.					
Март по бл. «А»	1,103	286	13,8	144	74
Июль	1,224	317	15,3	141	19
Июль	0,806	209	11,4	72	25
Самара.					
Март по бл. «А»	(0,646)	(167)	(10,4)	(76)	(52)
Июль	0,867	225	9,5	61	12
Июль	0,870	225	7,8	51	14
Июль	0,630	164	5,8	43	47

растительного происхождения по расчету на 1 душу вообще.

чис.	Прочие семейные.							
	на 1 душу в про-растительного ждения.		Картофель.			Колич. калорий на 1 душу в прочих продуктах растительного происхождения.		
	Сахаре и кондитер. изделе.	Жмыхах и семенах.	Фунтов.	Калорий.	% с отно-шен к колич. калорий во всей пище.	Масле растительном.	Овощах.	Сахаре и кондитер. изделе.
	6	7	8	9	10	11	12	13
	59 (40)	— (21)	0,923 0,791	239 205	14,3 12,2	123 83	110 41	81 64
	32 (40)	22 (21)	0,701 (0,777)	182 (201)	9,5 (13,4)	97 (97)	34 (67)	75 (104)
	99	71						42 (32)
	36 (49)	— (108)	0,573 0,612	148 158	1,0 8,5	47 65	71 28	24 22
	43	26	1,086	281	16,4	36	88	26
								104
	43	—	0,945	245	15,9	112	131	43
	63	—	0,886	230	14,0	90	53	69
	70	13	0,921	239	11,6	83	29	84
	56	9	0,865	224	11,9	61	40	67
								1 6
	10	—	1,225	317	24,1	29	74	19
	25	—	1,127	292	19,5	29	41	21
	(24)	(15)	1,786	463	24,7	58	67	13
								—
	(32)	—	(0,915)	(237)	(13,9)	(61)	(93)	(32)
	11	35	0,963	249	11,2	83	36	5
	170	8	1,343	348	14,4	87	15	117
	132	51	0,783	203	7,3	151	34	170
								—
	(28)	—	(0,403)	(104)	(6,0)	(36)	(39)	(28)
								—
	8	—	1,110	288	10,2	126	146	13
	27	2	1,001	259	12,7	105	30	14
	2	—	0,485	126	7,4	58	28	5
								—
	(17)	—	(0,896)	(232)	(13,2)	(79)	(61)	(17)
	22	—	0,859	223	9,5	69	39	17
	16	—	0,787	204	7,8	54	14	10
	30	—	0,662	171	6,6	40	35	25
								—

5. Среднее дневное потребление продуктов животного происхождения

Города и время обследования.	Семейные ра-		
	Мясо.	Рыба.	Жиры.
	Фунтов на		
	1	2	3
Петроград.			
Апрель по бл. «А»	0,125	0,176	0,011
» » » «Б»	(0,122)	(0,361)	(0,009)
Июнь	0,041	0,337	0,018
Июль	0,037	0,193	0,040
Новгород.			
Март по бл. «А»	0,134	0,109	0,008
» » » «Б»	(0,140)	(0,379)	(0,018)
Июль	0,051	0,222	0,006
Москва.			
Апрель по бл. «А»	0,120	0,092	0,005
» » » «Б»	0,148	0,213	0,011
Июнь	0,050	0,153	0,030
Июль	0,021	0,073	0,028
Калуга.			
Март по бл. «А»	0,058	0,039	0,001
» » » «Б»	—	0,099	0,003
Июль	(0,016)	(0,070)	(0,020)
Иваново-Вознесенск.			
Март по бл. «А»	(0,083)	(0,076)	(0,003)
» » » «Б»	0,043	0,055	0,001
Июнь	0,026	0,137	0,007
Июль	0,059	0,112	0,007
Вятка.			
Июль	(0,163)	(0,018)	(0,010)
Казань.			
Март по бл. «А»	0,150	0,009	0,007
» » » «Б»	0,149	0,007	0,005
Июль	0,061	0,010	0,007
Самара.			
Март по бл. «А»	(0,074)	(0,025)	(0,004)
» » » «Б»	0,117	0,046	0,008
Июнь	0,034	0,101	0,040
Июль	0,135	0,110	0,034

деня и соли в фунтах, по расчету на 1 душу вообще.

бочис.		Прочие семейные.				
Молочные продукты.	Соль.	Мясо.	Рыба.	Жиры.	Молочные продукты.	Соль.
душ.		Фунтов на душ.				
4	5	6	7	8	9	10
0,119 (0,120)	0,037 (0,047)	0,216 0,244	0,171 0,295	0,032 0,024	0,257 0,273	0,045 0,037
0,288 0,528	0,016 0,029	0,093 (0,094)	0,203 (0,182)	0,044 (0,038)	0,507 (0,567)	0,019 (0,037)
0,655 (0,973)	0,041 (0,045)	0,127 0,316	0,142 0,269	0,013 0,023	0,950 0,917	0,028 0,028
0,669	0,020	0,057	0,175	0,015	0,909	0,029
0,240 0,288 0,504 0,376	0,042 0,040 0,061 0,038	0,183 0,196 0,073 0,106	0,087 0,175 0,103 0,077	0,016 0,021 0,041 0,027	0,385 0,412 0,613 0,545	0,041 0,042 0,040 0,058
0,458 0,369 (0,255)	0,024 0,034 (0,016)	0,108 0,097 0,076	0,072 0,038 0,060	0,004 0,011 0,011	0,721 0,536 0,667	0,029 0,025 0,009
(0,305)	(0,057)	(0,207)	(0,084)	(0,009)	(0,403)	(0,053)
0,352 0,572 0,671	0,053 0,017 0,053	0,210 0,072 0,131	0,051 0,117 0,117	0,002 0,018 0,019	0,514 0,849 1,448	0,045 0,107 0,053
(0,734)	?	(0,134)	(0,026)	(0,027)	(1,031)	(0,022)
0,318 0,367 0,462	0,038 0,033 0,048	0,216 0,169 0,050	0,071 0,006 0,017	0,018 0,018 0,010	0,456 0,430 0,665	0,032 0,028 0,035
(0,379)	(0,027)	(0,109)	(0,026)	(0,011)	(0,441)	(0,026)
0,395 0,790 0,751	0,043 0,030 0,044	0,147 0,041 0,130	0,039 0,079 0,109	0,021 0,037 0,037	0,385 0,847 0,918	0,037 0,030 0,038

